

Звукопись сатир А.Д. Кантемира

© О. Л. ДОВГИЙ,

кандидат филологических наук

Статья содержит анализ фонетических художественных средств в сатирах А.Д. Кантемира.

Ключевые слова: А.Д. Кантемир, сатиры, аллитерация, ассонанс, фонетические жесты, паронимазия, хиазм.

Сатиры А.Д. Кантемира чаще всего анализируют с точки зрения актуальности содержания. Но их художественная сторона, безусловно, заслуживает не меньшего внимания. Кантемир придавал огромное значение отделке своих сатир, их поэтике [1]. Об этом свидетельствует и их звуковая инструментовка. Сатиры виртуозно оркестрованы изысканными аллитерациями и ассонансами. Приведем примеры из разных произведений Кантемира: «В часовнике можно честь на всякий день года / Число месяца и час солнечного вехода...» [2. С. 59. Курсив здесь и далее наш. – О.Д.]; «Не сменит на Сенеку...» [Там же]; «Брюхо – бороною...» [С. 60] «На поле предки твои, а ты под парчою...» [С. 71]; «Чин и столь-

ко чистоту. Все у Тита чудно...» [С. 97]; «...лишь бы бельцом быти...» [С. 137]; «В беседах остатки дня бесплодных, соседу... [С. 120]; «Нераздельна от нея, Анна в лицо знает...» [С. 176].

Часто аллитерации настолько красноречивы, что, по сути, выполняют роль фонетических жестов. Приведем несколько примеров, дав им условные обозначения. Свист в ушах: «...свищет / Славолюбие в ушах, что, кто славу ищет...» [С. 148]. Ощущение свиста в ушах создается вследствие нагнетания свистящих и шипящих согласных.

Ссыхание подъячего: «Подъячий ходит сух, худ, лишь кожа да кости, / Ведь не с труда ссох – с коварств да завистой злости...» [С. 185]. Из нескольких присутствующих в этих строчках звуковых повторов выделим один: *сух-худ-ссох*. Мы наблюдаем здесь, как чередование согласных *с* и *х* и гласных *у* и *о* в сочетании с буквенным хиазмом (*ух – ху*) дает эффект звукоподражания сетованиям (*ух, ох*) и почти зрительное впечатление ссыхания.

Вздохи пахаря: «Пахарь, соху ведучи иль оброк считая, / Не однажды привздохнет, слезы отирая...» [С. 137]. Пример, родственный предыдущему: явственно слышим вздохи пахаря: *ах, ох*.

Бунт вина: «Кипит, шипит, обруч рвет, доски подувая, / Выбьет втулку, свирепю устыми вытекая...» [С. 92]. Перед нами фонетически обрисованный процесс освобождения вина из бочки: *Кипит-шипит* – гомотелест – повтор двух глаголов, различающихся лишь одной буквой. Четырехкратный повтор долгого гласного *и*, замена звука *к* на шипящий *ш* обозначает нарастание нетерпения вина. *Обруч рвет* – аллитерация на *р*, повтор гласного заднего ряда, перенос ударения со второго слога в двух предыдущих словах (*кипит, шипит*) на первый в двух последующих (*обруч рвет*) – момент начала физического освобождения, разрывания преграды. *Выбьет втулку* – смена энергичного ударного гласного *и* на столь же энергичный ударный *у* в сочетании с аллитерацией – знак энергичного действия. Остаток грозности и воинственности сконцентрирован в слове *свирепю*; а дальше идет широкий ассонанс от гласных заднего ряда к гласным среднего, символизирующий неустойчивое расширение потока: *у-и-ы-а-й-а*.

Неудавшееся сочинение: «Дух твой ленив, и в зубах вязнет твое слово, / Не забавно, не красно, не сильно, не ново...» [С. 112]. Все синонимы, означающие красоту слога, пропадают, проглатываются из-за стяжения *не-но*. Эти два слога, повторенные трижды, стоящие по краям каждого из определений (*не забавно, не красно, не сильно, не ново*), становятся своего рода преградой всем стилистическим ухищрениям: исчезают и забавность, и красота, и сила. В момент четвертого повтора эти два слога уже не разделены; они стоят рядом, превращаясь в словосочетание-диагноз: *не ново*.

Беглое чтение: «*Псалтырь и послания бегло честь умю, / В Златоусте не запнусь, хоть не разумею...*» [С. 61]. Из-за аллитерации эти строчки звучат как упражнения на тренировку техники речи и создают ощущение быстроты, беглости – своеобразного бега по священным текстам, в смысл которых нерадивый поп не вникает, следя лишь за тем, чтобы правильно выговорить все слова.

Хозяйственный расчет: «*Развесть сад, завесть завод, расчислить лес лишной...*» [С. 159]. Налицо звуковая инструментовка: *раз-са-за-зао-рас*. Цезура делит строку на две части: в первой речь идет о прибавлении, во второй об убавлении. Это видно и на фонетическом и на буквенном уровне. В первой части в обих синтагмах по два компонента: буквенная инверсия (*раз-за*), буквенный повтор (*завесть завод*) – что является знаком умножения. Во второй части оппозиция с первой частью по звонкости–глухости (*раз-рас*) и отсутствие фонетической пары к слогу *рас-* в слове *расчислить* – свидетельство убавления. А в целом строка дает фонетическое и буквенное описание мудрой политики рачительного хозяина, знающего, где прибавить, где убавить.

Потеря большего ради меньшего: «*В пирах, в дарах, и за пар потерял жаркое...*» [С. 125]. Здесь присутствуют аллитерация и ассонанс, внутренняя рифма (*пирах – дарах; дар-пар-жар*), паронимазия (*пирах – пар*), фонетический хиазм (*ра-, ра- ар, – ар*). Все эти средства свидетельствуют о том, что человек потерял большее, погнавшись за меньшим: *жаркое* реальнее, чем *пар*.

Часто аллитерации и ассонансы близко подходят к паронимазии. Эта любимая фигура Кантемира хорошо отражает хамелеонную сущность мира. Замена одной-двух букв часто ведет к замене смысла слова на противоположный. Нужно постоянное внимание, чтобы различать под похожими фонетическими обликами принципиально разную сущность, или чтобы увидеть неожиданное сходство, на которое намекает фонетическое подобие.

Примеров паронимазии к сатирах очень много, но есть одна пара паронимов, которая определяет весь строй человеческой жизни. Это пара существительных *хвала-хула* и соответствующих глаголов *хвалить-хулить*. Весь текст сатир – иллюстрация того, насколько легко и быстро эти фонетически близкие и противоположные по смыслу слова меняются местами, мгновенно меняя все течение человеческой жизни. Все люди стремятся услышать хвалу и избежать хулы. Часто ожидания оказываются обманутыми: «Сколько ж больше вместо *хвал* да *хулы* терпети!..» [С. 61]; «Вместо похвал, что ты ждешь, достать *хулу злую*» [С. 62]. Человеческое непостоянство легко описать при помощи замены этих слов: «...в одном трудно / Час они могут стоять, и что теперь *хвалят*, / Величают – спустя час *хулят* уж и малят...» [С. 176].

Отказ от *хвалы* того, что *хульно*, может служить своего рода проверкой прочности моральных принципов человека: «Не могу никак *хвалить*, что *хулы* достойно...»; «Но правдолюбив к тому, *хвалить* мне не можно, / Что *хульно*...» [С. 123].

Фонетическую составляющую трудно сбросить со счета и при анализе языковой игры: «Кто за кем волочится, кто *выехал* *въехал*, / У кого родился сын, кто на тот свет *съехал*...» [С. 92]. *Въехал-выехал-съехал* – эти глаголы различаются лишь префиксами. Парегменона – неизменяемого корня и смены трех приставок – достаточно для описания основных событий в жизни человека. А на фонетическом уровне мы видим все те же жаллитерацию и ассонанс.

Подобные примеры можно множить, но и приведенных достаточно, чтобы убедиться в том, что фонетический уровень сатир является важным компонентом понимания смысла и заслуживает серьезного изучения.

Литература

1. Довгий Ольга. «Развернуть старика...». Сатиры Кантемира как код русской поэзии. Опыт микрофилологического анализа. М., 2012.
2. Кантемир А.Д. Собрание стихотворений / Вступит. ст. Ф.Я. Приймы, подгот. текста и примеч. З.И. Гершковича. 2-е изд. Л. 1956. Далее указ. только стр.

Москва,
Российский государственный
гуманитарный университет

«Предводительница ко всем наукам»*

© И. Б. СЕРЕБРЯНАЯ.

кандидат филологических наук

Статья посвящена критическим оценкам логичности языка русской поэзии первой половины XIX века. Замечания рецензентов отражали их озабоченность в связи с недостаточной осмысленностью и чрезмерной напыщенностью стихотворных произведений.

Ключевые слова: критика языка художественной литературы; логический критерий оценки стихотворного языка, оксюморон, старославянизм.

Отношение критики к логическим погрешностям, допущенным стихотворцами, было значительно более терпимым, чем к аналогичным нарушениям в прозе. Поэтические произведения, с их смысловой неоднозначностью, ассоциативностью и глубинными подтекстами, оценивались в этом отношении далеко не столь жестко. Рецензенты часто принимали во внимание то особое состояние «страсти, восторга и восхищенного воображения» сочинителя стихов, из-за чего его мысли обычно «бывают в некотором беспорядке» [1]. Кроме того, смягчающим обстоятельством, оправдывающим логические нарушения в стихотворных текстах, считались трудности версификационного плана, связанные с необходимостью соблюдения размера и рифмы. К примеру, критик И., рецензируя басню И.А. Крылова «Лисица и осел» и отметив в ней отдельные логические погрешности, тут же смягчил свое мнение, указав, что «для стихотворца трудно, а иногда и невозможно» соблюдать правила логики [2].

Вместе с тем, следуя традиции, критики, рассматривая стихотворные произведения, иногда все же обращались к логическим оценкам, требуя осмысленности поэтического языка. В этом отношении показательны высказывания Д.В. Веневитинова, который в 1826 году с сожалением

* Окончание. Начало см.: Русская речь. 2013. № 2.

заявлял, что язык русской поэзии «чуждается определительного языка рассудка» [Цит. по: 3]. Любопытным кажется также шутивное вступление, предпосланное Ф.В. Булгариным к его статье «Стихотворения Евгения Боратынского», где логические требования, в полном соответствии с рекомендациями Ломоносова (см. предыдущую статью), занимали второе место после грамматических: «Ко мне на помощь Грамматика, Логика, Риторика, правила Стихотворства, Эстетика и весь арсенал критики!» [4].

Н.И. Гнедич усмотрел «распрю с логикой» в недостаточной ясности языка переведенной Катениным баллады Бюргера «Ленора» (1816). Процитировав ее фрагмент: «Наскакал в стремлени яром / Конь на каменный забор; / С двери вдруг хлыста ударом / Спали петли и запор». Критик спрашивал: «Что такое? Конь *наскакал на забор*, а с какой-то двери спали петли и запор? что куплет, то распря с логикой <...> это не конь, а наш поэт наскакал на забор; рифма туда занесла его: забор, запор. О рифма!» [5]. Впрочем, А.С. Грибоедов, защищая перевод Катенина от нападок, утверждал, что с логикой здесь все благополучно, но при этом имел в виду уже не онтологический (событийный) аспект вопроса, а смысловой, семантический: «Всякий грамотный и неграмотный русский человек знает, что *наскакал на забор* значит: примчался во всю прыть к забору» [6].

Еще одним красноречивым примером, иллюстрирующим неоднозначное понимание логики в русской критической литературе первой половины XIX века, может служить напечатанный в газете «Северная пчела» за 1827 год резкий отзыв критика Э. на анонимную стихотворную надпись к памятнику Петру Великому в Санкт-Петербурге. Приведя полный текст этого короткого посвящения: «Летит, – Властительную длань простерши над Невою. Россия! – Он гласит: Будь первую державою землею», – рецензент сделал вывод о полной логической несостоятельности надписи: «Четыре стиха, и в них ровно четыре греха против Логики! *Летит* – кто? спросите вы; – отвечаю серьезно: – памятник; ведь надпись сделана к памятнику... *Длань простерши над Невою*: – судя по последнеизданному плану С. Петербурга, длань, простершая над Невою, должна иметь в длину по крайней мере 100 сажень... *Он гласит*, – кто? Опять памятник. *Будь первую державою землею*, – что выражает здесь простое числительное имя *первою*? Не справедливее ли было бы назвать нашу матушку Россию державою необозримою, могущественнейшею? Это четвертый грех и самый непростительный» [7].

Рецензент, однако, не ограничился заявленными первоначально четырьмя «грехами» против логики, присовокупив к ним еще один: «Но... есть еще и пятый грех: – что значит: быть державою *земною*? Уже ли Автор дознался, что и на других планетах существуют державы?» [Там же]. Как можно видеть, первые три замечания касаются предметно-

лексической несостоятельности метафорических олицетворений. В четвертом случае к логическим ошибкам причислена погрешность против смысловой ясности слова *первый* и одновременно выражено недовольство социально-семантической наполненностью данной лексемы, которая, по мнению Э., недостаточно возвеличивает Россию. Предполагаемая критиком двусмысленность обусловлена лексико-грамматической омонимией порядкового числительного и соответствующего имени прилагательного: *первый* – «лучший из всех». Последнее замечание, как и предыдущее, связано с семантической неоднозначностью неудачно выбранного автором прилагательного *земной*, относящегося к Земле как к «одной из планет Солнечной системы» и, вместе с тем, – к земле как ко «всему сущему», «реальному миру», «белому свету» и пр.

Что же касается несчастных указаний на ошибки, связанные с нарушением закономерностей мышления, то применительно к поэзии это тоже были замечания по поводу отступления от таких основных постулатов формальной логики, как законы тождества и противоречия. К примеру, нарекания рецензентов вызывала степень семантико-понятийной тождественности лексических синонимов. В частности, критик Б.М. Фёдоров усмотрел нарушение логического закона тождества в романе «Евгений Онегин»: «В 11 строфе пятой главы о Татьяне говорится так: *И пред шумящею пучиной, Недоумения полна, Остановилась она*, а в конце 12-й строфы: *Перебралась через ручей*. Название *шумящей пучины* не соответствует *ручью*» [8]. Между тем, такое словоупотребление, как у Пушкина, было свойственно народной речи. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля слово *пучина* толковалось не только как «морская бездна, море», но и как «водоверть, водоворот, крутень» и т.п. [9].

Логическое нарушение в стилистическом приеме сравнения в поэме «Мироздание» В.И. Соколова усмотрел С.П. Шевырев. Относительно строк «И мрак ночной, как дым густой, По беспредельности клубится» критик указал, что «сравнение мрака с дымом просто не имеет смысла» [10]. То есть, по утверждению Шевырева, лексемы *мрак* и *дым* не имеют общих, тождественных семантических признаков, позволяющих сравнивать соответствующие явления. Однако это довольно субъективное мнение, поскольку как мрак, так и дым обладают свойством скрывать предметы, делать их непроницаемыми для взора и проч. Аналогичное сравнение можно найти, к примеру, в одном из стихотворений Н.М. Карамзина: «Зима свирепая исчезла, / Исчезли мразы, иней, снег; / И мрак, всё в мире покрывавший, / Как дым рассеялся, исчез» (Весенняя песнь меланхолика, 1788) [11].

Сходные негативные высказывания об отсутствии логического смысла в стихотворениях Е.Л. Милькеева сделал в 1843 году В.Г. Белинский. Так, в стихотворении, посвященном солнцу, Милькеев отнес к небесно-

му светилу такие пышные эпитеты и метафоры, как «дивный красавец», «колосс мироздания», «жених воцаренный», «в короне жидкительно-мощных лучей» стремящийся «на державную цель» и т.п. Белинский определил эти строки как «дурная проза в плохих стихах»: «есть ли в этой куче фраз и слов... какой-нибудь логический смысл? Что такое: дивный красавец, колосс мироздания?» [12].

Таким образом, в ряде случаев критики, отрицательно относящиеся к затрудняющим понимание чрезмерным «украшениям» и высокопарной напыщенности в стихотворных произведениях, характеризовали лексико-семантические и стилистические промахи авторов как логические, более грубые. Это не случайно, поскольку тропы действительно представляют собой в известном смысле отклоняющиеся от обыденной смысловой нормы языковые приемы [13], и, когда текст перенасыщен ими или они неуместны, их алогичность особенно бросается в глаза.

Следует отметить, что, с одной стороны, критикой отмечались в стихотворных произведениях непреднамеренные логические ошибки. К примеру, явное нарушение закона противоречия отметил П.А. Вяземский в сочиненной на него эпиграмме: «Известный журналист Графов / Мишурского задел разбором; Мишурский, не теряя слов, / На критику ответил вздором» [14. С. 234]. «На беду автора куплета, – писал Вяземский, – рифма попутала его. Он должен был и хотел сказать “не теряя времени”. А теперь мудрено согласовать, что я и “не терял слов”, и “ответил вздором”» [Там же].

С другой стороны, отрицательные оценки мог вызывать такой часто и сознательно практикуемый в художественном творчестве паралогический стилистический прием, как оксюморон. Например, А.Ф. Воейков в разборе поэмы «Руслан и Людмила» назвал «данью огерманизированному вкусу нашего времени» пушкинскую фразу «Бранил от скуки молчаливо»: по мнению критика, желание сочетать слова, не соединяемые по своей натуре, заставит, может быть, написать: *молчаливый крик, ревущее молчание* [15. С. 67]. Полемизируя с ним, С. Осстров обвинил в непоследовательности самого Воейкова, в стихотворениях которого также встречались оксюмороны типа *миролюбивые ссоры* [Там же. С. 102].

Примечательно, что оценки логической непротиворечивости могли касаться не только связных стихотворных текстов, но и отдельных слов. Весьма интересными кажутся в этом отношении рассуждения П.А. Вяземского по поводу внутреннего противоречия, усмотренного им в словах *подобострастие* и *подобострастный*. В статье 1823 года «Известие о жизни и стихотворениях И.И. Дмитриева» Вяземский обвинил Дмитриева в ошибочном использовании краткого прилагательного *подобострастен*. Он писал: «В стихотворении “Калиф” сказано: *Калиф, конечно, самовластен, И каждый подданный ему подобострастен*. Злоупотребление может быть тираном черни, но должно быть рабом пи-

сателей изящных, оно, смешав в один смысл слова *страх* и *страсть*, исказило значение слова *подобострастие*, которое, по составу своему и “Словарю академическому” означает подверженность одинаким страстям и могло бы некоторым образом заступить у нас место слова: симпатии. Никогда, может быть, злоупотребление не играло так жестоко смыслом слов, как в этом случае: слить в одно значение страсть, которая воспламеняет и укрепляет душу, и страх, который ее холодит и расслабляет...» [14. С. 80].

Семантическая история слова *подобострастный* и родственных ему подробно исследована В.В. Виноградовым. С древности и вплоть до XVIII века старославянизм *подобострастный* в соответствии с семантикой составных частей обозначал «сходство по подверженности страстям или страданиям». Однако эта лексема семантически взаимодействовала, с одной стороны, со словами делового (приказного) стиля *пристрастный*, *пристрастие* и, с другой стороны, – со словом *страсть* в его простонародном употреблении «страх» [16]. Ср., например, черновую заметку Пушкина к XVIII строфе III главы «Евгения Онегина»: «кто-то спрашивал у старухи: по страсти ли, бабушка, вышла ты замуж? По страсти, родимый, – отвечала она – приказчик и староста обещались меня до полусмерти прибить» [17]. Таким образом, в слове *подобострастие* и родственных ему образованиях развилась новая семантика: «раболопный», «льстивый» и пр., но и прежнее значение в первой половине XIX века еще не было окончательно забыто. К примеру, глава архаистического движения А.С. Шишков, подобно «арзамасцу» Вяземскому, также протестовал против выражения *слушать с подобострастием*, вместо *слушать с раболепностью* [18].

Несоблюдение стихотворцами логической последовательности изложения тоже иногда отмечалось критиками как погрешность. Требование логической последовательности считал весьма важным еще М.В. Ломоносов, который учил ораторов располагать идеи в соответствии с «натурой», т.е. «по времени, месту или достоинству» [19]. Однако мнения относительно «достоинства идей» иногда отличались заметной субъективностью. Например, укрывшийся за подписью И. критик из журнала «Благонамеренный», разбирая басню Крылова «Лисица и осел», указал, что в строчке «От первых жди от них обиды и досады» «не соблюдена постепенность: слово *обида* как сильнейшее должно бы поставить на конце» [2]. Аналогичное придиричивое замечание по поводу расположения слов в «Евгении Онегине» Пушкина сделал М.А. Дмитриев, впрочем, при этом отнес себя самокритично к разряду «привязчивых критиков»: «Когда б мне быть отцом, супругом... Привязчивые Критики замечают, что, по порядку, надобно бы прежде поставить *супругом*, затем уже *отцом*» [20].

Требования соблюдения в поэтической речи законов логики, выдвигаемые как «архаистами», так и «новаторами», были отражением характерных для первой половины XIX века углубленных размышлений о роли и назначении поэзии. Возвышенный «язык богов» постепенно «спускался на землю», все более сближаясь с живой естественной речью, и на центральное место в оценках стихов ставились вопросы легкого и адекватного их понимания.

Литература

1. *Рижский И.* Наука стихотворства. СПб., 1811. С. 19–20.
2. Благонамеренный. 1825. Ч. XXIX. № 3. С. 121.
3. *Благой Д.Д.* От Кантемира до наших дней. М., 1979. Т. 2. С. 268.
4. Северная пчела. 1827. № 145.
5. Русские писатели о переводе. Л., 1960. С. 105.
6. *Грибоедов А.С.* Соч. В 2 т. М., 1971. Т. 2. С. 45.
7. Северная пчела. 1827. № 54.
8. Пушкин в прижизненной критике: 1828–1830 гг. СПб., 2001. С. 60.
9. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1979. Т. III. С. 538.
10. Москвитянин. 1843. № 6. С. 50.
11. Национальный корпус русского языка <http://www.ruscorpora.ru>.
12. *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч. В 13 т. М., 1955. Т. 9. С. 606.
13. Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник. М., 2007. С. 718–719.
14. *Вяземский П.А.* Соч. В 2 т. М., 1982. Т. 2.
15. Пушкин в прижизненной критике: 1820–1827 гг. СПб., 1996.
16. *Виноградов В.В.* Пушкин и русский литературный язык XIX века // Пушкин – родоначальник новой русской литературы: Сб. научно-исслед. работ. М.-Л., 1941. С. 554–555.
17. *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. В 10 т. Л., 1977–1979. Т. 5. С. 438.
18. *Шишков А.С.* Рассуждение о старом и новом слоге Российского языка. СПб., 1818. С. 67.
19. *Ломоносов М.В.* Краткое руководство к красноречию // М.В. Ломоносов и современная стилистика и риторика. М., 2008. С. 146.
20. Атений. 1828. № 4.

*Казанский (Приволжский)
федеральный университет*

Именные предложения в «ночных» стихотворениях

© Е. Н. НИКИТИНА.

кандидат филологических наук

В статье рассмотрены грамматические и лексические средства создания пространственной позиции в поэтическом тексте, посвященном ночи. Показано, как грамматика предложения, помещенного в текст, отражает художественный замысел стихотворения.

Ключевые слова: *девербатив – отглагольное имя, предметное имя, слуховое и зрительное восприятие, статика, динамика.*

В русской грамматике есть несколько средств, используемых, чтобы передать, что говорящему, который выполняет роль наблюдателя, неизвестно, кто производит действие. Обычно это происходит в условиях, когда особенности пространственной позиции говорящего не позволяют ему видеть, он ориентируется прежде всего по слуху. Существительные, которые могут заменять соответствующие глаголы в условиях неизвестности субъекта в рамках слухового восприятия, называются девербативами (что значит отглагольные имена) и в предложениях выполняют роль предиката (сказуемого). Г.А. Золотова объясняет девербативные предложения так: языку нет надобности соотношения между действием и его субъектом расчленять... «Они сообщают о том, каким видит и слышит воспринимающее лицо наблюдаемое пространство» [1]. Такие предложения носят выраженный художественный характер.

Отглагольные имена слуховой семантики предъявляют свои возможности, главным образом, в поэтических текстах: информативная неполнота (обусловленная отсутствием зримости) и интенсификация звука становятся не целью, а отправной точкой для авторских приемов изобразительности. Девербативы участвуют в обрисовке ночной обстановки, само их употребление создает или поддерживает перцептивную, воспринимаемую органами чувств картинку: темнота, отсутствие зрительности активизируют слуховое восприятие. Эта тактика используется в двух классических стихотворениях: «Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы» А.С. Пушкина и «Шепот, робкое дыханье...» А.А. Фета. Они привлекают исследователей как раз своей «номинативной» организацией [2]. Так, особое внимание Р.О. Якобсон в работе о пушкинском стихотворении обращает на гибридные (отглагольные) имена со звуковой семантикой:

*Ход часов лишь однозвучный
Раздается близ меня,
Парки бабье лепетанье,
Спящей ночи трепетанье,
Жизни мышьа беготня...*

(Курсив здесь и далее наш. – Е.Н.)

Свою работу, посвященную поэзии Фета, М.Л. Гаспаров назвал «Фет безглагольный» [3]. Прочитируем самое, пожалуй, безглагольное стихотворение А.Фета:

*Шепот, робкое дыханье,
Треби соловья,
Серебро и колыханье
Сонного ручья,
Свет ночной, ночные тени,
Тени без конца,
Ряд волшебных изменений
Милого лица,
В дымных тучках пурпур розы,
Отблеск янтаря,
И лобзания, и слезы,
И заря, заря!..*

Рассмотрим отглагольные имена в этих текстах подробнее. Насыщенность пушкинских «Стихов, сочиненных ночью...» предикативной лексикой с семантикой звучания (*ход часов, лепетанье* и т. д.) поддерживает картину, заданную в названии (стихи сочинены ночью) и обрисованную в интродуктивной части (*нет огня, всюду мрак*), что заставляет интерпретировать неясный звук, воспринимаемый в темноте. Девербативы

сопровождаются метафорическими именами в форме родительного падежа, однако они не делают источник звука более определенным: «*Парки бабье лепетанье, / Спящей ночи трепетанье, / Жизни мышья беготня...*». Человека окружает темнота, восприятие ограничено слухом. Темнота, неспособность видеть в физическом пространстве становится основанием метафоры неведения, непонимания в экзистенциальном плане, а с ним и попытки разговора с высшей сущностью, которая представлена лишь звуком, невидима и неведома (а ясность и строгость познания, разумность связаны со зрительным восприятием, сияние разума подобно сиянию солнца; вспомним стихотворение «Вакхическая песня»: «Так ложная мудрость мерцает и тлеет / Пред солнцем бессмертным ума. Да здравствует солнце, да скроется тьма!»).

Читая начальные строки стихотворения Фета, мы понимаем, что речь идет о ночи: обстановка темноты создается за счет отглагольных имен со звуковой семьей. Предпочтение отдается именно слуховому каналу: «Шепот, робкое дыханье, / Трели соловья», и лишь затем идут два предиката со зрительными семами: «Серебро и колыханье / Сонного ручья». Субъекты при отглагольных именах *шепот*, *дыханье*, *лобзания* осмысляются либо неопределенно-лично (кто-то, кого слышит поэт), определенно-лично (поэт и его возлюбленная), либо обобщенно-лично (все влюбленные в мире, и *Я* в том числе) – и в этом суть поэтического текста, позволяющего множественное прочтение. Семантическая динамика в стихотворении состоит в переходе от приоритета слуха к приоритету зримости и ясному видению – от шепота, через ночной свет к рассвету с пурпурно-желтым цветом небес. Тем самым в стихотворении изображается переход от ночного времени к рассветному – переход, которым обусловлено развитие сюжета – от свидания к расставанию.

Сравним с другим фетовским стихотворением. В нем изображение обусловлено присутствием света, одновременной работой и зрительного, и слухового канала:

Это утро, радость эта,
Эта мощь и дня и света,
Этот синий свод,
Этот крик и вереницы,
Эти стаи, эти птицы,
Этот говор вод...

Предикаты зрительного восприятия находятся в новом отношении со слуховыми: они не сменяются одни другими, а чередуются друг с другом, создавая полнокровную, «стереоскопическую» картину. Предложения *Эти стаи*, *Эти птицы* выполняют двойную с точки зрения обозначения перцептивного канала роль: существительные с предметной семантикой *птицы*, *стаи* – это и объекты зрительного восприятия,

и метонимическое обозначение крика птиц (т.е. существительные работают и как предметные имена, и как девербативы).

Говоря о стихотворениях, посвященных ночи, не обойти блоковское, которое построено «наперекор» пушкинско-фетовской традиции, хотя не только тематически, но и структурно-грамматически оно напоминает первые два: в его начале пять именных предложений:

*Ночь, улица, фонарь, аптека,
Бессмысленный и тусклый свет.
Живи еще хоть четверть века –
Все будет так. Исхода нет.*

*Умрешь – начнешь опять сначала,
И повторится все, как встарь,
Ночь, ледяная рябь канала,
Аптека, улица, фонарь.*

Но здесь уже речь идет о городской ночи, об отсутствии темноты, об освещенном пространстве. Этим обусловлено появление интродуктивных начальных предложений, которые организованы предметными существительными (*улица, фонарь, аптека*). Эти предложения называют объекты зрительного восприятия (в то же время начало стихотворения похоже на начальную авторскую ремарку в драме, рисующую пространство сцены). Изображаемая у Блока картина не предполагает развития, динамики – ни пространственно-временной, как у Фета (от темноты к свету и цвету), ни мыслительной, как у Пушкина, – от мучительного размышления, попытки диалога с высшей сущностью к выводу. Картина блоковского стихотворения статична. Статично пространство, изображенное предметными именами, отсутствие отглагольных имен (исключение составляет *свет*, семантика которого скорее работает на общую статику) порождает отсутствие временной динамики.

Ночной свет и четкость сознания находятся во взаимном соответствии. Сознание также статично: лирическому герою с самого начала известна неизбежность и бессмысленность существования. Болезненность сознательной установки подкрепляется и болезненными образами внешнего пространства – искусственный свет, аптека, холод. К идее статики отсылает и композиция стихотворения, это аналогия замкнутого круга, указывающая на отсутствие развития движения.

Мы увидели, что предложения, организованные существительными в им. п., являются мощным средством поэтического изображения. Они позволяют рисовать внешнее наблюдаемое пространство и характеризовать внутреннее пространство человеческой души, акцентируя внимание на субъекте речи и восприятия (поэте, лирическом герое). Они участвуют в передаче временной динамики и статики – в зависимости

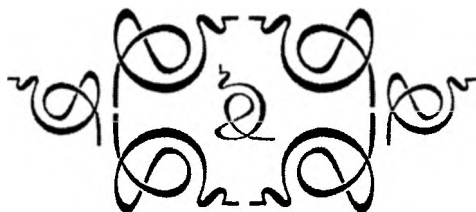
от глагольной (девербативы) или предметной семантики. В стихотворениях, посвященных ночи, особая роль отводится отглагольным именам, называющим звук. Они обозначают человеческие действия, позволяющие осмысливать сообщаемое в стихотворении и как частное событие, и как опыт, касающийся всех и каждого.

Литература

1. ⁸Золотова Г.А., Ониненко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 2004. С. 166.
2. Якобсон Р.О. О «Стихах, сочиненных ночью во время бессонницы» // Якобсон Р.О. Работы по поэтике. М., 1987.
3. Гаспаров М.Л. Фет безглагольный. Композиция пространства, чувства и слова // Гаспаров М.Л. Избранные труды. М., 1997. Т. II. С. 21–32.

*Институт русского языка
им. В.В.Виноградова РАН*

Зеркальная символика в романе В.В. Набокова «Отчаяние»

© С. И. КРАШЕНИННИКОВ

Статья посвящена анализу символических образов романа В. Набокова «Отчаяние», связанных с идеей зеркальности, отражения. Выявляется их огромная художественная нагрузка и значимость в контексте романа.

Ключевые слова: роман В.В. Набокова «Отчаяние», двойничество, отражение, порождающая модель, образы-символы, символический ряд, концепция Другого.

К роману «Отчаяние» (как и его английской версии «Despair») в литературоведении сложились ставшие уже традиционными подходы, такие, как «недостоверный рассказчик», двойничество – как на уровне персонажей, так и на других уровнях, текст-матрешка [1], концепция Другого [2]. В качестве претекстов традиционно упоминаются «Записки из подполья», «Преступление и наказание», «Двойник», хотя и не все исследователи едины в этом отношении. И.П. Смирнов, к примеру, указывает на интертекстуальные связи «Отчаяния» и работ философов: Монтеня, Паскаля, Вольтера, с одной стороны, Кьеркегора и Трубецкого – с другой – как на создающие философский подтекст романа [3]. Здесь же намечаются и силовые векторы полемики относительно рассматриваемого текста: по мнению одних, целью Набокова было развенчать Достоевского, по мнению других, – «охранить философию от вмешательства романа в ее спекулятивные дела» [Там же]. В оценках главного героя также нет единства, они разнятся, начиная от «не просто убийца, а художник убийства, мастер» и до полного отрицания способности к художественному постижению и преобразованию действительности у героя.

«Мне даже представляется иногда, что основная моя тема, сходство двух людей, есть некое иносказание» [4]: так Герман, главный герой,

сам оценивает предмет своих творческих устремлений. Обратимся и мы к анализу романа именно с позиций иносказательности. К образам-символам мы будем подходить с той же точки зрения, что и А.Ф. Лосев в своем труде «Проблема символа и реалистическое искусство».

Какие же символы организуют художественное пространство «Отчаяния»? Зеркало является основным, сюжетообразующим образом-символом в романе и реализовано на всех уровнях текста; неслучайно автор-повествователь среди возможных вариантов названия останавливается, в том числе, и на «Зеркале». Можно рассматривать в этой связи также и отражающие поверхности (гладь воды, например) и даже мнимое двойничество – как метафору отражения. Понятием отражения оперирует первый постулат теории символа А.Ф. Лосева: «Символ вещи есть ее отражение, однако не пассивное, не мертвое, а такое, которое несет в себе силу и мощь самой же действительности, поскольку однажды полученное отражение перерабатывается в сознании, анализируется в мысли, очищается от всего случайного и несущественного и доходит до отражения уже не просто чувственной поверхности вещей, но их внутренней закономерности. В этом смысле и надо понимать, что символ вещи порождает вещь» [5].

Как и Лосев, Набоков осознавал, что метафора отражения очень прочно укоренилась в сфере теории познания, это отражено и на языковом уровне: «рефлексия», «спекуляция» (*speculari* – охватывать зрением, представлять метафорой зеркала), и что познание мыслится в традиционной гносеологии как отражение, человек – как зеркало.

Зачем же, в таком случае, Набокову делать зеркало центральным символическим образом романа «Отчаяние»? Чтобы невнимательный читатель заблудился в зазеркалье германовой лжи, недобросовестных философских построениях и вовсе не идеальной памяти, а внимательный – насладился бы искусно заготовленными зеркалами подлинными? И не потому ли Герман терпит крах, что видит символическое там, где есть лишь «чувственная поверхность вещей», а не «внутренняя закономерность»?

И не оттого ли «основная тема» его, «иносказание» (залогом которого видится «разительное физическое подобие»), не выдерживает проверки жизнью, что не существует того «идеального подобия», которое «соединит людей в будущем бесклассовом обществе»? Символический момент здесь налицо – есть внутреннее (физическое подобие) и внешнее содержание (идеальное подобие), порождающей моделью является ряд деталей, объединенный идеей мира, «где рабочего, павшего у станка, заменит тотчас, с невозмутимой социальной улыбкой, его совершенный двойник».

Впервые зеркало появляется в тексте, когда Герман встречает бродягу Феликса, человека, похожего на него, по его собственному убеждению,

один-в-один. Внешне это детективная история, построенная именно на минимом сходстве героев. Герман использует ее, чтобы получить страховку (которая будет выплачена его жене), убив Феликса и поменявшись с ним одеждой.

Мотив «Doppelgänger», или двойничества, подробно рассмотрен в этой связи многими исследователями романа. Так, Л.Н. Рязузова в зеркале видит границу встречи с собой, исходя из бахтинской концепции Другого: человек отчуждается от себя в трансценденции и сливается с собой; «я» встречается с «не-я» [2. С. 83]

По Бахтину, соприкосновение сознаний, сочетание точек «извне» и «изнутри» в повествовании символически выражает образ человека перед зеркалом. Эффект «человека перед зеркалом» в том, что, стоя на «касательной» к миру, он видит себя целиком находящимся в мире, таким, каким является для других; «мыслится в той точке касательной, которая никогда не может оказаться целиком в мире» [Там же. С. 86].

Герман смотрит на себя со стороны, он привык быть «собственным натурщиком, ему никак не удастся вернуться в свою оболочку и по-старому расположиться к самому себе». Безумное увлечение героя идеей сходства с Феликсом – способ встать на «касательную» – символически изображает раздвоенность сознания героя, его взгляд устремлен не вовне, а вовнутрь.

Интересным в этой связи представляется утверждение, что «одинаково опасно соскользнуть с “касательной” вовне, поднять на поверхность себя (“вступить в картину”, “выпрыгнуть в окно”, “выпасть за край страницы”, “оказаться в зазеркалье”) или замкнуть мир на себя» [Там же. С. 86]. В этой цитате приводятся обобщающие образы-символы из «Подвига», «Защиты Лужина» и собственно «Отчаяния».

До тех пор, пока Герман «в добрых отношениях с зеркалами», пока он может «глядеться во все зеркала», он находится в гармонии с миром – на касательной к нему. Стоит ему стать на путь преступления, связь замыкается, что символизирует «зеркало с безуминкой»: «...нас отражало тусклое, слегка, по-видимому, ненормальное зеркало, с кривизной, с безуминкой, которое, вероятно, сразу бы треснуло, отразись в нем хоть одно подлинное человеческое лицо», – говорится в пятой главе романа. Разбитое зеркало означает смерть двойника.

Сам же Набоков утверждает, что «мотив двойничества – это ужасно скучно». В его романах «нет реальных двойников». Разницу между ложными и истинными двойниками вскрывает философский подтекст. Герман напрямую упоминает в позитивном смысле только одного философа, а именно Паскаля: «Кажется, у Паскаля встречается где-то умная фраза о том, что двое похожих друг на друга людей особого интереса в отдельности не представляют, но коль скоро появляются вместе – сен-

сация. Паскаля самого я не читал и не помню, где слямзил это изречение».

Герой спутал в своих рассуждениях «Мысли» Паскаля и очерк «О хромых» из третьего тома «Опытов» Монтеня.

Герман – писатель-философ, продолжающий традицию «Опытов», доводящий ее до предела при условии полного неверия в Бога (от чего Монтень был далек). Если Монтень исходил из того, что трудно постичь различие, то Герман возводит неразличаемость в культ [3]. Изображая жизненную ошибку героя, принявшего Феликса за свое второе телесное «я», Набоков воспроизвел этот промах на реминисцентном уровне своего произведения: в очерке «О хромых» Монтень упоминает историю Мартина Герра, который пытался выдать себя за односельчанина, похожего на него, за что и был приговорен судом к повешению.

Набоков также сурово наказывает своего героя, надевшего маску идеолога, наказывает за нравственную слепоту, за слепоту художественную, за то, что он пытается решать вопросы философского дискурса в рамках романного жанра (в чем выразилась его полемика с Достоевским).

Нравственная слепота героя как неспособность к адекватному отражению действительности, как устремленность зрения вовнутрь, а не вовне (и творческая импотенция, как следствие) символически выражена писателем в ряде художественных деталей, которые объединяются порождающей моделью. Это и глаза Германа, отсутствующие на незаконченном портрете Ардалиона, и ночной кошмар Германа, когда он, словно пародируя Нарцисса, смотрится в лужу и замечает, что у его отражения нет глаз. Как неоконченный портрет, так и ночной кошмар недвусмысленно намекают на определенную неполноценность Германовых глаз. В этот ряд ложится и мнимая близорукость героя, к которой он прибегает, чтобы чужая рука отправила письмо к Феликсу: «Пускай психологи выясняют, навела ли меня притворная близорукость на мысль тотчас исполнить то, что я насчет Ардалиона давно задумал, или же, напротив, постоянное воспоминание о его опасных глазах толкнуло меня на изображение близорукости».

Глаза Ардалиона неслучайно награждаются подобным эпитетом: «этот въедливый портретист – единственный человек, для меня опасный», – утверждает Герман, который, хотя и не осознает, но чувствует правоту антагониста. Ардалион противопоставлен Герману, в первую очередь, как отрицатель миметического, подражательного искусства, которому привержен надевавший маску идеолога герой-рассказчик. В споре о природе искусства с Ардалионом Герман высказывает позицию, согласно которой лица людей можно классифицировать по определенным типам. Эта установка принципиально враждебна Ардалиону: «Вы еще скажите, что все японцы между собою схожи. Вы забываете,

синьор, что художник видит именно разницу. Сходство видит профан» [4]. Художник ищет различия – в этом заключается эстетическое кредо самого Набокова.

Поскольку эстетическая позиция Германа явлена нам частично только в кривом зеркале его повести, мы, принимая во внимание также его декларации, подозрительно сходные с авторской эстетикой (декларации о первостепенной роли памяти в создании художественного произведения), считаем возможным разграничивать в художественном пространстве романа недостоверного рассказчика-демиурга и Набокова-творца. К примеру, Герман видит в своем преступлении акт творческой самореализации, законченное художественное произведение, что претит подлинному творцу «Отчаяния», поскольку «гений и злодейство несовместны». Об этом упоминалось в предисловии к «Despair»: «Герман и Гумберт сходны лишь в том смысле, в каком два дракона, нарисованные одним художником в разные периоды его жизни, напоминают друг друга. Оба они – негодяи и психопаты, но все же есть в раю зеленая аллея, где Гумберту позволено раз в год побродить в сумерках. Германа же ад никогда не помилует» [6]. Гумберт, в отличие от Германа, наделен истинным творческим даром, за что ему и дарована зеленая аллея.

Автор-повествователь «Отчаяния» периодически испытывает воздействие враждебных к нему сил, что отсылает нас к «Метаморфозам» Овидия и мифу о Нарциссе, который был наказан Афродитой за отказ от ее даров. Символически этот мотив нашел отражение в образе ветра, который олицетворяет авторское присутствие во сне героя: «...когда я ложился ничком, то видел под собой... лужу, и в луже мое, исковерканное ветровой рябью, дрожащее, тусклое лицо, – и я вдруг замечал, что глаз на нем нет».

Для Германа особенно важен был покой лица двойника, его раздражает рябь, прошедшая по лицу Феликса, когда тот пробудился ото сна. По той же причине так внимательно смотрел на лицо только что убитого: «И пока я смотрел, в ровно звеневшем лесу потемнело, – и, глядя на расплывшееся, все тише звеневшее лицо передо мной, мне казалось, что я гляжу в недвижную воду».

Так в действие романа входит тема авторского возмездия. Немаловажным символом этого возмездия становится Феликсова трость, которая была обнаружена на месте преступления и тем самым разрушала миф о гениальности Германа-творца, о всесильности его памяти. В английском набоковском тексте мы встретим эту трость зашифрованной в переключке со словами «мистик», «туман» и «ошибка»: «We discovered one day that to her term “mystic” was somehow dimly connected with “mist” and “mistake” and “stick”, but that she had not the least idea what a mystic really was» [6]. Переведем дословно: «Мы обнаружили однажды, что для нее слово “мистик” было как-то смутно связано с “туманом”, “ошибкой”

и “палкой”, но она, во всяком случае, не представляла, что означает это слово в действительности» (Перевод наш. – С.И.).

Именно мистическим вмешательством внешних сил приходится признать Герману свою роковую ошибку – и палка была орудием возмездия. Не только трость Феликса приводит Германа к мысли об осознании ошибочности его теории, но и столкновение с прошлым, с образом России.

Второе свидание «двойников» происходит в саксонском городе Тарнице – месте, где Герман встречается со своими воспоминаниями о московской жизни. Образ встречи с прошлым реализован посредством образа-символа, внешним выражением которого выступает падение листа «навстречу отражению» в воду: «Снова в осенний день мы смотрели с женой, как падает лист навстречу своему отражению, – и вот я и сам плавно упал в саксонский городок, полный странных повторений, и навстречу мне плавно поднялся двойник».

О символическом характере этого наименования говорит его этимология: *Tarpen* – вуалировать, скрывать, закрывать покрывалом.

Ковер, который старый татарин показывает Кристине Форсманн, символически реализует для нас пространство галлюцинации, сна, видения, медитативным пространством выступает окно гостиницы в Тарнице. Бронзовый Герцог напоминает Медного Всадника, картина в магазине трубок кажется похожей на одну из Ардалионовых картин.

Все это наводит Германа на мысль, что он не найдет Феликса в Тарнице «по той простой причине, что он является предметом его воображения, которое жаждало такой встречи после этих отражений, повторений, масок». Герман живет всегдашним прошлым, налагая на восприятие окружающей его среды впечатления, полученные в России.

Метатекстовым элементом, также символически осмысливающим зеркальную тему, является симметричная композиция романа. Посредине, между пятой и шестой главами, проходит ось, разделяющая повесть Германа на две равные части, одна половина является отражением другой. Всего Германом было задумано десять глав.

Одиннадцатая глава нарушает симметрию и пишется уже тогда, когда трость Феликса (с вырезанными на ней именем и названием деревни) обнаружена властями на месте преступления (и тем самым обнаруживает присвоение Германом личности убитого) – вездесущий творец потревожил гладь и этого зеркала. Зеркальность композиции, в частности, иллюстрирует детектив, который читает жена Германа – книжку она разрывает пополам, чтобы не узнать сразу, чем закончится история, а потом не может найти вторую половину. В этой детективной книге мы можем увидеть символ собственной Германовой повести. Выражением этого символа служит весь текст «Отчаяния».

Те частные образы, которые мы рассмотрели в данной статье (двойничество, глаза Германа, отражение в луже и в реке, Тарниц) имеют

сходную структуру и обобщены одной порождающей моделью: Герман находится «на касательной к миру», его взгляд обращен внутрь себя, поэтому в окружающем его мире он видит собственные переживания, а навязчивые повторы, сопровождающие его повесть, – попытки увидеть символическое там, где его нет, поскольку ключом к его зашифрованному миру является он сам. Герман осознает это, когда встречается со своим прошлым в Тарнице, что, впрочем, уже не может остановить его замысла. Зрение Германа неполноценно – он нравственно слеп и оттого слеп как художник. Герман в кривом зеркале своей повести искажает и философский дискурс, пытаясь решить в рамках романного жанра проблемы, ему не свойственные. И за все это Набоков-демиург наказывает своего незадачливого героя, отправшего от Бога, палкой. «Палкой, читатель, палкой. Ты знаешь, что такое палка?».

Таким образом, все приведенные зеркальные образы в романе «Отчаяние» служат общей авторской установке. Можно сказать, что зеркало – символ, обобщающий весь текст романа посредством идеи о невозможности создания мира, где *рабочего, павшего у станка, заменит двойник*, идеи о независимости искусства от образцов и какой-либо ангажированности, идеи о несовместимости гения и злодейства, и т. д.

Литература

1. Давыдов С. «Тексты-матрешки» Владимира Набокова // СПб., 2004.
2. Рягузова Л.Н. Концептуализированная сфера «творчество» в художественной системе Набокова. Краснодар, 2000. С. 82–89.
3. Смирнов И.П. Философия в «Отчаянии» // Звезда. 1999. № 4. С. 180.
4. Набоков В. Отчаяние. М., 2009.
5. Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство М., 1995.
6. Vladimir Nabokov. Despair. New York, 1989.

Московский педагогический
государственный университет

Стиль поэмы «Долголиков» С. Шаршуна

© А. А. РЮКИНА

Статья посвящена анализу языка поэмы в прозе С. Шаршуна «Долголиков». Наблюдения над стилистикой произведения позволяют говорить об умелом сочетании общих языковых тенденций литературы русского зарубежья с оригинальным авторским их воплощением.

Ключевые слова: незамеченное поколение, метафора, эпитет, сложные прилагательные, алогизм.

Как отмечает Н.А. Кожевникова, в языке художественной литературы русского зарубежья особое место занимают «слова с качественной семантикой» [1]. Причем в процесс метафоризации втягиваются слова, принадлежащие разным семантико-стилистическим пластам языка. Данная особенность объясняется отчасти тем, что представители «незамеченного поколения» так «послушно копировали дореволюционные образцы, что их легко принять за выходцев конца 90 – начала 900-х годов» [2]. Однако в целом в творчестве молодого поколения эмиграции «возрожденного» символизма не было [3. С. 79]. Здесь мы имеем дело не со слепым копированием языковых поисков дореволюционных образцов, как это наблюдалось в творчестве «старшего поколения», но с поистине аналитическим осмыслением и построением на основе уже открытого и разработанного некоего «симбиотического» целого. В языке младоэмигрантов мы не найдем той воздушности, отстраненности слова, когда на первый план выходила не сама изображаемая реалья, а символический смысл ее наименования. Чуждо «потерянному поколению» вслед за акмеистами воспевать предметность взамен тайных смыслов, в ней заключенных. Наконец, футуристическая заумь, алогизм

и использование намеренно сниженной лексики также не находят прямого отклика в языке литературы младоэмигрантов.

На основе перечисленных дореволюционных языковых и тематических образцов молодое поколение представляет «перевоплощенное изображение мира» [Там же]. Поэтому языку эмигрантской молодой литературы в равной степени свойственно использование традиционной символики наряду с «усилением предметной значимости текста», в результате чего происходит «своеобразное наложение образов», где в рамках одного слова или словосочетания совмещаются «разноокрашенные и семантически контрастные слова» [4].

Богатый в этой области языковой материал предоставляет нам текст поэмы в прозе Сергея Шаршуна (1888–1975) «Долголиков» о попытке одинокой мятущейся личности художника, который является alter-ego автора, обрести себя в чуждом его душе мире – в эмиграции. Здесь мы не найдем законченных сцен, только короткие зарисовки, наиболее дорогие и значимые в процессе развития личности главного героя моменты из его жизни в реальном и воображаемом мире. Собрав их воедино, мы сможем представить себе картину внутреннего мира автора.

Г. Адамович усматривает в определении жанра произведения – поэма в прозе – продолжение гоголевской традиции, так как в нем «каждая строка подлинно отвечает духовному строю автора» [5].

На ведущую языковую особенность романа «Долголиков» указывает уже название произведения, которым послужило сложное имя собственное. В литературе русского зарубежья возрастает роль тропов, в том числе, за счет расширения способов их воплощения. Так, слова с качественной семантикой представлены в тексте данного произведения частями речи, в структуре которых так или иначе фигурирует указание на признак, – это имя прилагательное, имя существительное, наречие.

Некоторые языковые образования, состоящие из двух существительных, представляют собой конструкции с приложением: «замок-вокзал», «шупальцы-волосы», «пластинки-стенки», «спички-руки», «обезьян-людей», «камеру-банку», «женщин-охотниц». Если рассматривать конструкции, построенные по такому же принципу («наивность-искренность», «в тоску-грусть», «разбрызгивателях-насытителях», «загробной жизни-смерти-питанья», «воплъ-возглас», «хрип-шепот», «владыко-повелитель»), то возникает ощущение лексико-стилистической ошибки. Дело в том, что выделенные существительные, составляющие пару, близки по лексическому значению и являются плеоназмами.

Но если рассматривать эти конструкции как очередное средство для выполнения изобразительно-выразительной функции текста, то данные сложные существительные имеют мощный художественно-образный посыл. Оттенок, который позволяет детализировать и ярче обозначить данное состояние, «опредметить» изображаемую вещь, выделив именно

се среди множества подобных, заключен именно в одном из двух существительных, составляющих пару отдельных, совершенно нейтральных языковых единиц и лишь вместе образующих единое неделимое целое, которое несет определенную образную и смысловую нагрузку.

Наконец, некоторые сложные существительные представляют собой, в некотором смысле, авторские неологизмы: «славяно-монгол», «восточно-европеец». Здесь представлен пример авторского словотворчества, которое, однако, в целом не было характерно для словаря «молодого поколения», по мнению Л.М. Грановской. Исключением считается только творчество «формистов» (А. Гингер, А. Присманова, Б. Поплавский), в котором также наблюдается стремление «к поэтическому эксперименту» [3. С. 110], свойственное художественным мирам М. Цветаевой и Б. Пастернака.

В отличие от сложных существительных, особенность составных наречий заключается в их большей метафоричности, неожиданности сочетания и оригинальности образного соединения ассоциативно мало схожих понятий: «мелодично-монотонно свистел», «напряженно-выжидательнее становилось», «интимно-задумчиво произнес», «бело-кремовато выкрашенная», «по-животно-усталому не слышат», «сотрясаясь пронзительно-иступленно». Здесь снова мы наблюдаем «отказ от традиционных риторических фигур», так как нет привычных для описания подобных ситуаций эпитетов, представленных рядами прилагательных.

Благодаря использованию сложных наречий действие «одушевляется», потому что данный окказиональный тип наречий служит не для более точной характеристики действия, а для создания атмосферы окружающей реальности, в которой совершается описываемое действие. Благодаря использованию данного вида наречий акцент делается не на самом действии, а на его отражении, восприятии окружающими и в первую очередь автором.

Наиболее разнообразно в изобразительно-выразительном плане представлен в произведении Шаршуна класс сложных имен прилагательных. По наблюдениям Н.А. Кожевниковой, именно сложные прилагательные в целом в эмигрантской литературе составляют значительную часть текстуральных метафорических эпитетов. На примере языкового материала поэмы в прозе Шаршуна «Долголиков» нам представляется возможным проиллюстрировать предложенную ученым-лингвистом классификацию типов сложных прилагательных в языке литературы русского зарубежья. Сложные прилагательные, которые встречаются в тексте произведения Шаршуна, можно распределить по следующим группам:

1) все части сложного прилагательного имеют прямое значение: «комнатка темно-коричневая», «к человеческой породе длинно-челюстных, высоко-черепных»;

2) одна из частей сложных прилагательных имеет метафорический характер (например, слова, один элемент которых обозначает цвет): «мутно-красный дурман», «тепло-черный Мане», «фарфорово-розово-голубой Ренуар»;

3) все части сложного прилагательного имеют метафорическое значение: «шоколадно-морковный цвет», «матово-фарфоровыми красавицами», «кофейно-тестовый Мане», «серо-дымного головокруженья», «чувствительно-немецких озер», «горяче-сладкого мира», «ангельски-беспомощные жизни», «гранатно-раково-плесневелого чирия», «здорово-нормальное тело», «усики томно-сладостные», «комнатка костяно-сверкающая», «лицо рыхло-матовое», «матерински-снисходительный взгляд», «грустно-трагический образ жизни»;

4) сложное прилагательное объединяет в своем составе и другие элементы (чаще наречие): «глубоко-дышащих горцев», «надменно-сухой», «садистически-безжалостный» [о человеке], «ангельски-беспомощные жизни», «безотчетно-безрадостное оцепенение», «неуклюже-спокойно-откормленных пригородов», «добропорядочно-мыслящего человека», «кипуче-кровное тело», «кругло-обструганный конец лучины», «у скоротечно-малокровных» [людей], «излишне-сахарную улыбку», «непостижимо-высокий, олимпийски-грустно-трагический уровень жизни», «жизнь была пришиблено-дика».

Н.А. Кожсвникова отдельно выделяет двучленные и трехчленные прилагательные. Нам представляется не столь существенным количественный признак, который лежит в основе разграничения данных двух групп сложных прилагательных, потому что по структуре и двух- и трехчастные прилагательные имеют идентичное строение и единый принцип словообразования. Метафорическое значение сложных прилагательных часто возникает на основе сходства цветовых ассоциаций.

Одной из ведущих особенностей языка эмигрантской литературы является столкновение в одном контексте семантически и стилистически несовместимых текстовых единиц: «На столе, загроможденном пивными бутылками, звезда сияющей свечи» [6]; «Щи же, право, вкусные! Через 2 минуты в путь, но под уздцы – не расплескать, не взбултыхать полный драгоценной благодати сосуд» [С. 120]. Как последовательный представитель «магического реализма» Шаршун часто включает парадоксальные, взаимоисключающие высказывания, построенные на принципах алогизма: «Выход воспрещается» [С. 82]; «разве есть кто-нибудь порядочнее и безупречнее процентщика» [С. 86].

С помощью такой языковой игры младоэмигранты не только на содержательном, но и на структурном уровне создают ощущение перевернутости мира, разрыв прежних связей. Теперь любое явление или реалия окружающего характеризуется большей человечностью, одушевленностью, чем представитель людей. В тексте произведения контрастно про-

типовопоставляются естественность природного мира и искусственность человеческих отношений. Бездушные человеческого облика неоднократно подчеркиваются в поэме сравнением с неодушевленными предметами: подбородок главного героя сравнивается с аэропланом, «пустая кираса грудной клетки» [С. 101]; «хозяйка, лицо которой походило на печеное яблоко» [С. 131].

Но текет поэмы насыщен и антропоморфными образами: «тающие от испарины дорожки» [С. 33]; «поезд, очертя голову, взрывал стены головой, торопясь, торопясь к сроку: не опоздать к событиям» [С. 40]; «разгоряченные, лихорадочно неслись во тьме потоки, задыхаясь от напряженья, неизвестности» [С. 42]; «склонившаяся тучнейшая трава» [С. 99]; «ивы купаются в водяном небе» [С. 51]. Сочетание данных образов в одном предложении усиливает ведущую идею произведения – стремление человека к единению с природой, являющей собой мировую гармонию: «Ноша приклеивает его к земле. Тело рвется улететь, но привязан дирижабль, руки – канаты» [С. 49].

Имея в виду мечты о мирах иных в литературе русского зарубежья, М. Слоним в статьях конца 20-х – начала 30-х годов писал о литературном кризисе, понимая его как «крах эстетизма». Критик не отрицал значения «идеалистического порыва» в произведениях молодых, «пронзения» подлинной сути вещей за грубой оболочкой видимой реальности, но при этом констатировал, что повышенное чувство «миров иных» ведет к исчезновению «жизненной конкретности». И в этом отношении проза Газданова, Фельзена, Шаршуна тяготеет к «абстрактному психологизму или к фантастике быта», по мнению Слонима [7].

Однако в произведении Шаршуна мистическое состояние души Михаила Долголикова передается конкретно-чувственными образами и реалиями действительности. Стремление главного героя к достижению «пантеистического состояния», его идеалистическая настроенность передаются на языковом уровне с помощью оригинальных авторских изобразительно-выразительных средств, развернутых описаний природы, что позволяет говорить о «лиризме стиля» писателя. Обилие тропов оправдывает авторскую жанровую характеристику прозаического произведения, которое он в продолжение гоголевской традиции именует поэмой, указывая на постоянное присутствие автора, глубоко переживающего происходящие события. Образный эффект достигается благодаря столкновению в одном контексте слов, не обладающих привычным ассоциативным фоном: «[часы] тикают, как у парикмахера ножницы» [С. 13]; «сознательная жизнь Долголикова вдруг остановилась, как ход горного потока, рухнувшей в него скалой» [С. 47]; «вспомнил знакомого француза... болтавшегося при ходьбе, как корабль во время бури» [С. 50]; «склонившиеся ивы, похожие на оливки» [С. 13]; «Чарли, играя

кабиной, как брелоком часов» [С. 68]; «прыгая, как Квазимодо, по трупам» [С. 69]; «их танцы, подобные биению пульса» [С. 75].

В качестве сравнений Шаршун иногда использует конструкции с творительным падежом, характерные для литературы русского зарубежья: «туманом, тучей взлетала иодистая железная пыль» [С. 94]; «рассып-тесь бисером по всему земному шару» [С. 113]. В русле языковых тенденций русского зарубежья он употребляет метафорические эпитеты на основе относительных прилагательных: «мягкой резиновой, гнушейся дорогой», «пружинная дорога убаюкивала» [С. 17], «жадные пепельные глаза» [С. 36]. В тексте поэмы множество оригинальных авторских эпитетов: «полуфуксиненная вода» [С. 40], «толпа шетинистая» [С. 120]. Встречаются интересные метафоры: «гудящий и трудолюбивый пчельник радателей по наполнению сот готического собора» (казначейство Ротонды) [С. 76], «багрянородные владыки» (тираны) [С. 92], «прерафаэлитская пустынь» (Желтый дом) [С. 89], «рассыптесь бисером по всему земному шару» [С. 113] и др. Метонимии: «огромный стеклянный улей» (дом с мастерскими) [С. 31]; «Пурпур и золото лились широкой рекой (о фейерверках) [С. 53]. Благодаря оригинальным авторским метафорам звуковые образы Шаршуна становятся видимыми: «стонавшего звуком мокрой, вытягиваемой резинки» [С. 34]; «серый от скуки голос».

В основе некоторых метафор лежит явление синестезии, довольно распространенное в языке эмигрантской литературы. Овеществлению подвергаются не только конкретно-образные, но и отвлеченные понятия: «просачивалась катастрофа» [С. 40], «опустившись в герметическую тьму» [С. 124], «зеркало... сухой веселости» [С. 127], «мой еле слышный, раздавленный нервностью, утопающий в неизжитой сентиментальности... голос» [С. 119]. Шаршун не просто отстраненно рассказывает о трагедии своего героя, он достигает эффекта читательской причастности к происходящему, чтобы мы ни на один миг не могли усомниться в реальности происходящего.

Эмоциональность и лиризм стиля Шаршуна проявляются на уровне стилистико-словесной оформленности текста поэмы. В целом повествование развивается в рамках литературного языка в разных его проявлениях. Иногда в пределах одной главы происходит резкая смена ориентации с книжной речи на разговорную. Так происходит, например, в главе «Речь с галерки». Она является одной из самых сильных по эмоциональному накалу частей произведения. Здесь благодаря контрастному соединению книжной и разговорной речи, которые использованы для передачи одного и того же результата, становится заметной авторская ирония по отношению к своему герою. Первая часть главы выдержана в книжно-письменной традиции, патетична по характеру, напоминающая собой торжественность церковнославянского языка. На это указывает характерное обращение к слушающим как к «братьям», обилие старо-

славянской лексики и символики: «к юдольной жизни приспособиться», «врата», «ладьи», «отцам-благодетелям, пасущим людское стадо», «приманка Искусителя», «святотатство», «благотворные параграфы закона», «набегов чуждых сил», «бдеть». Но затем герой сам признает: «Нет, я меняю тон! Здесь не место хныканью! К делу, к делу!» [С. 89].

Во второй части главы наблюдается резкая смена лексики на разговорную с преобладанием реалий современного мира. Однако результат один – дальше построения великолепных прожектов дело не движется. Столкновение в одном контексте книжного и разговорного стиля речи в главе «Два секретных письма» также служит цели передачи авторского отношения к описываемому. Эта глава особенно показательна в данном смысле, потому что в ней идет речь о положении на родине. В первом письме сообщается о появлении в российской армии «рот развлечений» для поддержания боевого настроения русских солдат. Письмо выдержано в книжном стиле, более уместном для отчетного письма о положении дел в российской армии. Здесь преобладают протокольные предложения с длинными рядами перечислений и уточнений, вводимых с помощью причастных и деепричастных оборотов: «Этими фигурами, вырастающими с быстротой электрической иллюминации, пользуются для наблюдений или как лестницей, чтобы, например, находясь у подножья скалы, подняться на ее вершину» [С. 58].

Во втором письме содержится критика состояния дел в российской армии. Это письмо гораздо более прочувствованно – у автора болит душа за свою Родину. Здесь стиль повествования резко меняется на разговорный. Об этом свидетельствует построение предложений с преобладанием междометий и вставных конструкций, выражающих эмоциональное отношение к происходящему: «Ха, ха, ха! Так, чего доброго, дойдешь и до косметики, парфюмерии, института красоты! ...Нет, шутки в сторону!» [С. 60]; «И отравлен он был, должно быть, тем самым ящиком сластей, посланным дамой-почитательницей – имя которой, конечно, оказалось вымышленным!.. эхе-хе-с!.. внесенным в комнату за несколько часов до его возвращения...» [С. 63].

В пунктуационном строе языка вместо традиционного для Шаршуна преобладания тире лидерство принадлежит фигурам умолчания, за которыми скрываются невысказанные эмоции по поводу происходящего: «Наши смертоносные орудия менее страшны ему, чем горох, отскакивающий от стены!.. Очевидно, они даже и не долетают до цели!..» [С. 61]. Синтаксис текста второго письма отличается прерывистым характером предложений, которые становятся более простыми по структуре, так как ничем не осложнены. Таким образом, с помощью контрастно подобранных стилей языка двух писем Шаршупу удастся и на структурном уровне отразить не только содержание описываемого, но и передать всю гамму эмоций, которые вызывает тема родины в душе любого эмигранта.

Умение в обыденном видеть необычное, стремление в тексте соединять далекие друг от друга предметы, процессы, явления объясняет многообразие изобразительно-выразительных средств в тексте поэмы «Долголиков». «Действительно, страницы его произведений, – заключает Н. Ровская, – переполнены неожиданными сравнениями, образами, свежестью выражений и поэзией, доказывающими оригинальное писательское дарование» [8]. Подача происходящего сквозь призму авторского мировидения накладывает отпечаток на лексико-стилевую, структурно-семантический строй произведения, что позволяет определить его как поэму.

Литература

1. Русский язык зарубежья / Отв. ред. Е.В. Красильникова. М., 2010. С. 262.
2. Слоним М. Заметки об эмигрантской литературе // Воля России. Прага, 1931. Кн. VII. С. 620.
3. Грановская Л.М. Русский язык в «рассеянии». Очерки по языку русской эмиграции первой волны. М., 1995.
4. Чиннов И. Рисование Несовершенного // Числа. Париж, 1932. Кн. 6. С. 229.
5. Адамович Г. Отзыв на поэму «Долголиков» Сергея Шаршуна // Мосты. 1963. № 10.
6. Шаршун С. Долголиков. Париж. 1961. С. 23. Далее указ. только стр.
7. Слоним М.Л. Литературный дневник // Воля России. 1929. Кн. IV. С. 356–367.
8. Ровская Н. Сергей Шаршун // Новый журнал. 1986. № 163. С. 120.

*Московский государственный областной
гуманитарный институт*

Мотивы «венецианских текстов» в современной прозе

© О.С. ШУРУПОВА,

кандидат филологических наук

Статья посвящена анализу ключевых особенностей «венецианского текста» русской литературы, который получил начало в поэзии Серебряного века и продолжает свое развитие в настоящее время, в частности, в прозе Д. Рубиной «Высокая вода венецианцев» и А. Тер-Абрамянца «Сладкий яд Венеции». В текстах этих авторов можно обнаружить общие мотивы лабиринта, сна, внезапности, смерти.

Ключевые слова: «венецианский текст», *сверхтекст*, *мотив*.

Образ города, породившего тот или иной сверхтекст, т.е. совокупность текстов, созданных различными авторами и в разное время, но объединенных своим содержанием, всегда индивидуален, но в то же время можно говорить о нескольких основных типах городов. Так, Ю.М. Лотман выделяет города концентрического и эксцентрического типов: «Концентрическое положение города в семиотическом пространстве, как правило, связано с образом города на горе (или на горах). Такой город выступает как посредник между землей и небом..., он имеет начало, но не имеет конца – это “вечный город”... Эксцентрический город расположен “на краю” культурного пространства: на берегу моря, в устье реки. Это город, созданный вопреки Природе и находящийся в борьбе с нею... Вокруг имени такого города будут концентрироваться эсхатологические мифы, предсказания гибели, идея обреченности и торжества стихий будет неотделима от этого цикла городской мифологии. Как правило, это потоп, погружение на дно моря» [1]. Если Иерусалим, Рим, Москва относятся к «вечным» городам, выступающим как центры неких миров, то Петербург исследователь называет эксцентрическим. Оба типа городов имеют особую мифологию, собственную систему смыслов. К эксцентрическим городам следует отнести и Венецию, образ которой появляется в поэзии А. Блока и О. Мандельштама, В. Ходасевича и А. Ахматовой, Б. Пастернака и И. Бродского и которая всегда была притягательной для русского человека: «Вснущей жизни мрачной и бесплодной / Для меня значение

светло. / Вот она глядит с улыбкою холодной / В голубое дряхлое стекло...», – пишет О. Мандельштам.

Как замечает Н.Е. Меднис, «среди множества ликов водного города выделяются и общезначимые, и те, которые по ряду причин приобретают особенную важность для отдельного народа или человека» [2]. По мнению исследователя, для русских писателей, которые обращались к этому городу, наиболее важной его чертой стала «инакость» Венеции по отношению к окружающему миру, ее принципиальная непохожесть на другие города, благодаря которой посещение Венеции подобно «прорыву в инобытие... грезе, мечте» [Там же]. Нельзя не отметить, что, в то время как свертхтексты, связанные с образами Москвы и Петербурга, претерпели с течением времени серьезные изменения, восприятие Венеции как причудливого города, где человек становится частью иной реальности, сохраняется до сих пор, свидетельством чему служат, например, повести Д. Рубиной «Высокая вода венецианцев» [3] и А. Тер-Абрамянца «Сладкий яд Венеции» [4], которые представляют прозаическую часть «венецианского текста» отечественной культуры и продолжают традиции, заложенные великими поэтами, воспевавшими этот город.

Главная героиня повести Д. Рубиной, узнав о том, что смертельно больна, бежит именно в Венецию, чтобы «продышаться», укрыться там от обеспокоенных друзей, от еще ни о чем не подозревающих близких и, если удастся, от своего беспощадного недуга. Здесь, «в театрально освещенном светом лиловых фонарей сумеречном мире, созданном из бликов темной колыхающейся воды», далекой и призрачной кажется реальная жизнь с ее горестями и страхами. Героиню словно бы манит то, что отпугивает других – «осень, не сезон, возможны наводнения». Те же основные мотивы, что и в тексте Д. Рубиной, обнаруживаются в повести современного прозаика А. Тер-Абрамянца «Сладкий яд Венеции» – создается образ города как прекрасного сна наяву: «Был ли это сон, или вся жизнь до того, как они попали в Венецию, была *сном*, а сейчас они, наконец, проснулись?...» [Курсив здесь и далее наш. – О.Ш.].

Исследуя особенности «венецианского текста» отечественной литературы, Н.Е. Меднис отмечает, что в посвященных этому городу произведениях предстает «специфический лабиринт», по которому странствует человек, оказавшийся в Венеции. Мотив лабиринта играет немаловажную роль и в повести А. Тер-Абрамянца, где возникает яркий образ города-лабиринта, города-ловушки, каким он является во сне пятидесятишестилетнему профессору-кардиологу, задремавшему в холле отеля. За возлюбленной героя, приехавшей вместе с ним на два дня в этот прекрасный город, гонится Казанова: «Это была Венеция, но какая-то серая, безликая и совершенно безлюдная, запутанный лабиринт улочек, переходов, мостиков и улиц... Проклятый лабиринт приближал и снова уводил от заветной цели». В сущности, к разрыву

сердца в финале повести героя приводит страх, что любимая потеряется в лабиринте венецианских улиц. «Только бы в правильном направлении пошла... Она ориентируется отвратительно», – думает он.

В лабиринт этих улиц попадает и героиня повести Д. Рубиной, которая проводит в этом городе три странных, бесконечных дня, бродя по залитым солнцем улочкам и площадям. «Она долго блуждала с радостно колотящимся сердцем, пытаясь найти свою гостиницу по номерам домов, но кто-то бестолковый, а может быть, вечно пьяный пронумеровал дома в непостижимой трезвому уму закономерности». Постепенно, разглядывая прославленные полотна в храмах, заходя в случайные магазины и кафе, бродя по блошиному рынку, слушая колокольный звон, плывущий над городом, она вспоминает свое детство и юность и *внезапно* постигает то, чему не уделяла внимания среди повседневной суеты.

Впрочем, в этом городе все происходит внезапно, вдруг, неожиданно: «Она разделась, пустила воду... И *вдруг* увидела свое отражение. Очень давно она не видела всю себя, со стороны – дома, в ванной, висело небольшое зеркало, в котором мелькало утреннее деловое отражение: дватри мазка губной помады, прядь волос, взбитая щеткой надо лбом...»; «Она слушала репетицию мессы и смотрела на “Тайную вечерю” Тинторетто. И *вдруг* вся мощь басов тридцатифутовых труб органа потрясла церковь от купола и до каменных плит пола: ошалелый восторг, слезный спазм, дрожь перед чем-то непроизносимо великим... обрушились на нее»; «...*Вдруг* эти большие смуглые кисти рук латинянина, длиннопалые дерзкие руки, так похожие на... Она даже отшатнулась от страшной волны отчаяния, ярости и жалобной тоски. Невыносимое, мучительное желание схватить его руки, всцелиться в них, удержать в своих обрушилось на нее».

Мотив внезапности, связанный с часто повторяющимся в венецианских текстах словом *вдруг* можно обнаружить и в новелле А. Тер-Абрамянца «Сладкий яд Венеции». Профессор и его возлюбленная с заботливой чуткостью относятся друг к другу, замечая все «*вдруг*» возникающие перемены в эмоциональном состоянии друг друга; но эти частые *вдруг* говорят о сложном характере их отношений, о больном сердце профессора: «– А что ты *вдруг*? – заботливо спросил он в свою очередь, уловив неожиданную мгновенную грусть в ее темных библейских глубоких глазах... (его часто удивляло, что она *вдруг* грустнела в, казалось бы, самые счастливые мгновения)»; «– Тебя что-то беспокоит? – *вдруг* спросила она его. – Ты побледнел... – Он и в самом деле почувствовал легкое сжатие в левой половине груди»; «Он *вдруг* почувствовал в ней какую-то перемену, отчуждение...»; «Странное, тревожное ощущение *вдруг* охватило его, и в следующий миг он понял причину – ее не было рядом!...»; «Профессор, постарев лет на десять, прошел в холл, ощущая, что ноги *вдруг* стали ватными, а в левой половине груди знакомо и нехорошо жало».

Как подчеркивает А.Д. Шмелев, слово *вдруг* «разрушает казуальные связи... так что каждый новый сюжетный ход никак не детерминруется

предыдущим... Смена состояний, на которую указывает... *вдруг*, иногда приводит к тому, что «естественное» развитие событий нарушается и уже начатое действие не доводится до конца... Во *вдруг* может быть заложено представление о «нелогичности» соответствующей ситуации» [5]. Каждое внезапное озарение, каждое *вдруг* подталкивает героиню Д. Рубиной к мысли, что «кто-то ведет и волоком тащит ее по мучительному маршруту с известным, никаким помилованием не отменным пунктом назначения». Так скитания по венецианскому лабиринту обретают смысл.

Нельзя не отметить, что читателю не дано узнать имен героев повестей Д. Рубиной и А. Тер-Абрамянца (фамилия – Лурье – упоминается писательницей лишь дважды). Быть может, перед лицом смерти имя и фамилия теряют свое значение, как и все, что долгое время окружало героиню и казалось ей прочным, незбылемым, единственно верным. Ее серьезная, скрупулезная научная работа, благородная борьба со страшной болезнью, которая, однако, не помогла самому врачу уберечься от недуга, отношения с любимым, обожающим ее мужем и единственной дочерью словно бы отступают на второй план, едва она оказывается в чужом городе. Казалось бы, героиня повести, уверенная в себе, жесткая, ироничная, избрала именно тот жизненный путь, какой должна была. Однако в причудливой Венеции, так не похожей на другие города, она *вдруг* оглядывается на прошлое, вспоминая своего рано умершего брата и понимая, что его погубила преступная, обреченная на осуждение любовь к ней. Втайне она всегда считала, что слепая, отвратительная смерть брата, молодого, талантливого, способного прожить совсем иную жизнь, «послана ей в противовес слишком благополучной личной жизни и слишком гладкой, слишком удачной научной карьере». Но лишь в Венеции она до конца осознает свою мучительную «неотвязную прошлую вину».

Героиня постепенно понимает, что ей выпала на долю встреча с двойником ее брата, замечая в гостиничном портье все новые и новые черты, сближающие его с давно умершим человеком. У «призрака» то же лицо, тот же «меткий взгляд уличной шпаны», он носит то же имя и занимается живописью. Но при этом каждую деталь, сближающую венецианского юношу с ее беспутным братом и другом юности, героиня замечает *внезапно, вдруг*: «А может быть, *вдруг* подумала она, этот милый итальянский мальчик – всего лишь призрак Антоши? И вздрогнула, *внезапно* вспомнив, что среди студентов Академии у Антоши была кличка Итальянец, за пристрастие к художникам венецианской школы».

Как утверждает Н.Е. Меднис, для «венецианского текста» русской литературы характерно, что «жизнь сопрягается здесь со смертью, так же как смерть сопрягается с бессмертием» [2]. Повесть Д. Рубиной, несомненно, является ярким примером этого, ибо Венеция предстает в ней как город,

балансирующий на грани между жизнью и смертью, соприкасающийся с потусторонним миром. В этом пространстве, где естественной кажется встреча с призраком, всегда ощутимо присутствие смерти. Она подстерегает детей, по очереди прыгающих с палубы катера на каменные плиты подъезда и рискующих оступиться и уйти под воду, рабочих и саму героиню, которую не раз посещает соблазн «ступить – с причала, с набережной, с подоконника, – уйти бесшумно и глубоко в воды лагуны... слиться с этим обреченным, как сама она, городом, *побрататься с Венецией смертью*». Слова *смерть*, *умирать* становятся ключевыми для создания смыслового пространства текста, появляясь даже в последней фразе, которую его героиня говорит двойнику своего брата, попросившему на прощание сказать что-нибудь по-русски: «Все хорошо, они умирают». Эту фразу произносят ученые ее лаборатории, когда умирают раковые клетки. Но, быть может, в ней заключен и иной смысл: все обречено на смерть, и из-за этого не стоит горевать, ибо таков закон жизни.

Мотив смерти звучит и в новелле «Сладкий яд Венеции»: уже в названии данного произведения создается образ города, который, несмотря на свою сладостную прелесть, смертоносен и таит в себе угрозу. Герою этого произведения также суждено побрататься с Венецией смертью. В финале он умирает *вдруг*, внезапно, пытаясь догнать убегающую возлюбленную: «В пересулке он ее не увидел: лишь чужие улыбающиеся счастливые лица... Наконец, выскочил на небольшую площадь... И тут в грудь ударила острая раскалывающая боль... Откуда-то издали доносились голоса встревоженных итальянцев, а он уже чувствовал, что ему становится все покойней и веселее». Смерть в Венеции неразрывно связана с бессмертием и с любовью.

Несмотря на трагический финал, у читателя остается впечатление, что Венеция – это город счастья: «...Со всего мира сюда приезжали веселиться, смеяться, любить... Казалось, она никогда за всю жизнь в России не видела столько ни к чему не обязывающих улыбок, часто совершенно ни к кому не обращенных, сколько за один только вчерашний день. Это был город счастья, созданный, приспособленный только для счастливых».

Скорая смерть, по-видимому, предстоит и персонажу повести Д. Рубиной, доктору Лурье, жесткой, волевой женщине, которой дана возможность прикоснуться к загадке, которую не смогут разрешить все ученые мира. Мучительно пытаясь понять, почему судьба привела ее именно в Венецию, она осознает: «этот город... так же обречен, как и она, а разница в сроках – семь месяцев или семьдесят лет – такая чепуха...». Однако именно здесь оказывается возможным ощутить счастье, свет и чувство покоя, почувствовать, что «смерти нет и никогда не будет» и что брату можно «рассказать все содержание своей жизни за прошедшие годы». Содержание это не могло быть другим, она прожила

такую жизнь, какую хотела и должна была – и все-таки ей необходимо еще раз оглянуться на прошлое. В Венеции героине повести дан шанс ощутить «ровную сильную нежность» – чувство, до этого незнакомое насмешливой, ироничной женщине. Она вдруг понимает, что «за всю жизнь не подарила близким ни капли настоящей нежности» и, сложись все по-иному, «была бы нежной матерью». Здесь она ощущает присутствие Бога, который, «когда трудился над этой лагуной... был и весел, и бодр, и тоже – полон любви, восторга, сострадания». Среди этой божественной красоты, она неожиданно для самой себя обретает силы, чтобы «дожить отпущенное ей время, как доживал этот город – щедро, на людях. В трудах и веселье», ибо смерть в Венеции оказывается неразрывно связана с жизнью. Этот город «несет в себе и жизнь, и смерть, и печаль, и счастье, то есть являет предельную полноту человеческой жизни и потому отзывается на любые чувства» [2].

Думается, если название новеллы А. Тер-Абрамянца отражает представление о единстве любви и смерти в пространстве Венеции, то в названии «Высокая вода венецианцев» звучит мысль о взаимосвязи между смертью и жизнью, проявляющейся в пространстве «обреченного города». Смерть вновь и вновь подступает к городу в образе высокой воды, и «это страшно – как будто уже пришла беда... и вот лагуна заглатывает навски, пожирает свое бесценное дитя». Такую новую «разработку» получает тема «смерть в Венеции» в повести Д. Рубиной. Но вода отступит, и жизнь «опять... прекрасна», и так будет всегда.

«Венецианский текст», включающий десятки произведений различных авторов, вспомним хотя бы «Смерть в Венеции» Т. Манна, объединенный мотивами лабиринта, сна, внезапности, проникнут идеей неразрывной взаимосвязи жизни, любви и смерти. Повести Д. Рубиной и А. Тер-Абрамянца продолжают эти традиции.

Литература

1. Лотман Ю.М. Символика Петербурга и проблема семиотики города // Лотман Ю.М. Избранные статьи. В 3 т. Таллинн, 1992. Т. II. С. 10.
2. Меднис Н.Е. Сверхтексты в русской литературе: Электронный ресурс: <http://www.medialib.pspu.ru> (дата обращения – 30.01.2012).
3. Рубина Д. Повести и рассказы. М., 2003.
4. Тер-Абрамянц А. Человек у моря. М., 2006.
5. Шмелев А.Д. Русский язык и внеязыковая действительность. М., 2002. С. 417.

Вариативность структуры сложного предложения в речи

© А. К. КИКЛЕВИЧ,

доктор филологических наук

В статье анализируются процессы синтаксической деривации, а именно – формирование структуры сложного предложения в речевой деятельности.

Ключевые слова: синтаксис, речевая деятельность, динамическая лингвистика, сложное предложение, синтаксическая конверсия, синтаксическая контаминация.

От синтаксической модели – к высказыванию

В русском языкознании накоплен значительный опыт исследования синтаксических процессов речевой деятельности – достаточно указать на работы Н.Ю. Шведовой, Г.Н. Акимовой, Ю.В. Ванникова, Л.Н. Мурзина, В.В. Химики, В.А. Мишланова и др. Наиболее полный перечень моделей речевой деятельности на синтаксическом уровне мы находим у Б.Ю. Нормана, который выделил девять типов операций, в результате которых обобщенные синтаксические образцы преобразуются в конкретные высказывания: соблюдение, развертывание, расширение, свертывание, смещение, контаминацию, обособление, включение и сложение [1. С. 175].

Так, выделяя среди процессов речевой деятельности *смещение*, Норман пишет, что при этом «слово занимает не свою позицию» [Там же. С. 183]. Например: *Все чистят перышки тревожными клювами* (Б. Окуджава), вместо: *Все тревожно / в тревоге чистят перышки клювами*. Как видим, здесь синтаксема *тревожно* (в *тревоге*) меняет свою приглагольную позицию на присубстантивную. Часто смещение возникает в результате компрессии синтаксической структуры, т.е. устранения некоторых элементов из состава предложения, ср. (пример Нормана): *Малооблачно и сухо ожидается в большинстве дней второй декады* (пресса), вместо: *Ожидается малооблачная и сухая погода*. Здесь синтаксеммы *малооблачная* и *сухая* – в результате сокращения синтаксеммы *погода* – перемещаются из присубстантивной позиции в приглагольную, при этом меняя и свой грамматический статус (принадлежность

к части речи). Общим для первого и второго случаев является то, что сам характер синтаксической зависимости, а именно – подчинительный статус занимаемой словоформой позиции, не изменяется.

В данной статье будут рассмотрены особые процессы речевой деятельности, состоящие в более радикальной, чем при смещении, деформации синтаксической структуры – нарушении иерархии членов в подчинительной конструкции, т.е. когда зависимый компонент становится главным, а главный – зависимым или когда они оба сливаются в один член предложения. В этом явлении, пожалуй, наиболее полно отражается свойство речевой деятельности, которое Б.Ю. Норман определил как *аппроксимативность*: говорящий склонен «округлять» языковые величины, т.е. следовать моделям и нормам языкового поведения с большей или меньшей степенью строгости. Сознание говорящего оперирует «приблизительными единицами», «размытыми категориями», «нечеткими множествами элементов» [1. С.16].

Будут также проанализированы достаточно частые типы нарушения синтаксического порядка, когда наблюдается смещение иерархии «главный член – зависимый член». Речь пойдет о четырех типах процессов: 1) синтаксической конверсии; 2) синтаксической контаминации; 3) синтаксическом переразложении и 4) синтаксическом опрошении.

Синтаксическая конверсия

Согласно общепринятому пониманию, подчинительная связь (в простом или сложном предложении) «выражается в синтаксической неравноправности соотносительных элементов: отношения между ними необратимы, показатель отношений имеется только в одном из элементов, синтаксически зависящем от другого» [2]. В «Русской грамматике» «придаточным предложением называется та часть сложноподчиненного, которая содержит подчинительный союз или союзное местоименное слово» [3]. Синтаксическая зависимость в сложном предложении наиболее очевидна в тех случаях, когда придаточное предложение имплицировано семантикой глагольного сказуемого, как это наблюдается, например, в предложениях с глаголами ментальных и эмоциональных состояний: *Он думает, что я сплю; Все знали, что у нее больное сердце; Я боялась, что вы опоздаете.*

Однако семантический и формально-грамматический планы предложения не всегда взаимно согласованы. Это касается, например, таких предложений, в которых относительное слово (местоимение) семантически связано с предикативным центром главного предложения (или же с главным предложением в целом): «На постоялом дворе Фома даже не стал есть, *чем* удивил Доктора» (С. Осипов); «Братья, похоже, в одно время запустили большие усы, *что* сделало их совсем неразличимыми» (В. Аксенов); «От нее зависело слишком много, *почему* она и стала

эпицентром столкновения международных противоречий» (В. Дегоев). В «Русской грамматике» высказывается точка зрения, что «местоимение (в приведенных примерах *чем, что, почему*. – А.К.) ориентировано на предикативный центр главного предложения и является средством его повторного воспроизведения в придаточном» [Там же. С. 527]. Указывается также, что объем содержания относительного местоимения «равен объему содержания главного предложения».

Действительно, с формально-грамматической точки зрения часть предложения, включающая относительное местоимение, является зависимой. Такая трактовка находит подтверждение и с коммуникативной точки зрения: ведь вторая часть предложения «воспроизводит» содержание первой, а значит, существует на ее фоне, занимая низшую ступень в иерархии. Но картина зависимостей выглядит иначе при семантическом подходе к предложению. Если проанализировать смысл предложения *На постоялом дворе Фома даже не стал есть, чем удивил Доктора*, то нетрудно убедиться, что с семантической точки зрения именно вторая часть (формально – придаточная) является главной, поскольку она обуславливает содержание и сам факт существования первой части: информация о том, что Фома не стал есть на постоялом дворе, является предметом или причиной удивления Доктора. Если представить смысловую структуру данного предложения, то окажется, что она базируется на значении глагольного предиката *удивить*. Этот предикат обладает определенными валентными свойствами: поскольку *некоторое событие удивляет некоторое лицо (вызывает состояние удивления у некоторого лица)*, то первое место при этом предикате резервируется для имени события (это может быть придаточное предложение или отглагольное существительное типа *отказ*), а второе место – для имени лица. В наиболее аналоговой, изосемичной (в терминологии Г.А. Золотовой) форме эта смысловая структура реализуется в сложном изъяснительном предложении: *Доктора удивило то, что Фома не стал есть даже на постоялом дворе* или с другим порядком слов: *То, что Фома не стал есть даже на постоялом дворе, удивило Доктора*.

Таким образом, можно констатировать, что в предложениях рассматриваемого типа (с ориентированной анафорической связью) семантическая и формально-грамматическая структуры *асимметричны*. Не случайно В.А. Мишланов высказывает сомнение относительно того, что такие предложения, как *Он пришел, чему мы очень обрадовались*, относятся к разряду изъяснительных [4]. Особенностью изъяснительных предложений, как известно, «является обязательная неполнота (структурная и смысловая) главной части, требующей поэтому восполнения своего содержания» [5]. Эта характеристика вполне уместна по отношению к предложению *Доктора удивило то...* или к предложению *...чем удивил Доктора*, но никак не по отношению к предложению *На постоя-*

лом дворе Фома даже не стал есть, которое семантически и структурно совершенно достаточно.

Здесь мы имеем дело с результатом процесса речевой деятельности, который можно квалифицировать как *синтаксическую конверсию*. Она состоит в том, что семантически главное предложение, заключающее в себе глагольный предикат, открывающий место для имени ситуации/события, в формально-грамматической (поверхностной) структуре оказывается зависимым: именно в составе этой части сложного предложения находится относительное местоимение как показатель зависимости.

Причина синтаксической конверсии вызвана коммуникативным фактором речевой деятельности. Говорящий учитывает не столько рефлексивный, логический аспект отражения ситуации в языковой конструкции, сколько коммуникативную иерархию передаваемой информации, ее ценностные характеристики. С этой точки зрения информация, заключенная в первой части предложения (например, о том, что Фома не стал есть на постоялом дворе), оказывается исходной, основной, ведущей, а информация, заключенная в предложении с (семантически) главным предикатом, – добавленной, вторичной.

Подобное положение наблюдается и тогда, когда вводное предложение содержит глагольный предикат со значением мыслительного или познавательного состояния/действия, речи, модальности и др. В таких случаях, как писал И.И. Мещанинов, «говорящее лицо выражает свое отношение ко всему основному тексту» [6]. Хотя вводные предложения содержат дополнительное сообщение, их «кинородность», как справедливо отмечает Н.С. Валгина, относительна, так как вводные предложения «в смысловом отношении <...> тесно и непосредственно связаны с содержанием высказывания» [5. С. 247].

Вводные предложения связаны с основным двояко: во-первых, распространен тип конструкций без каких-либо коннекторов (*что, чем, как, почему, зачем* и др.), например: «В городе, особенно в средней его части, есть большое число зданий, *говорилось в справке генштаба*, где подземная часть зданий относится по кубатуре к внешней, наземной, как 3:2» (А. Платонов); «У Юры, *оказалось*, нет подходящих туфель» (В. Ливанов); «Тот, кто берется критиковать предложения, связанные с механизмом перехода к рынку, должен, *мне думается*, ответить себе на несколько прямых вопросов» (Лит. газета. 1990. 28 марта). Во-вторых, вводные предложения могут включаться в состав основного с помощью союзов: «Ученье, *как говорится*, свет, а неученье – тьма» (А. Чехов); «В те времена играли “в накидку” или, *как чаще говорили*, “в расшибаловку”» (Ф. Искандер). При этом местоимения (в позиции союза) могут замещаться указательным местоимением: *Ученье – так у нас говорится – свет, а неученье – тьма; В те времена играли «в накидку» или – так чаще говорили – «в расшибаловку».*

В предложениях с вводной конструкцией граница между частями нередко стирается. В связи с этим И.Ф. Вардуль ввел понятие *глобальных предложений*, т.е. обладающих «неопределенной структурой» [7. С. 275]. Такого рода образования особенно часто встречаются в разговорной речи. Проанализируем один из таких примеров: – *Уже два часа? – А сколько ты думал?* Вторая реплика интересна тем, что формально в ней отсутствуют показатели полипредикативности (сложности), но с семантической точки зрения она содержит две части: вторая часть (она здесь главная) передает информацию о ментальном состоянии человека (адресата вопроса), здесь главным информативным элементом является глагольный предикат *думать*. Первая часть по смыслу подчинена второй, так как информация о времени (сколько времени на часах, который час) является предметом ментального состояния человека, т.е. того, о чем он думает. Важно, что коммуникативная иерархия этих частей прямо противоположная, так как информация о времени выдвинута на первый план, акцентирована. Дискретную, изосемичную, а вместе с тем и исходную форму данного сообщения можно передать так: *Как думал ты, сколько теперь (на часах)?* Факт синтаксической конверсии здесь очевиден.

Система русского языка дает возможность по-разному выразить один и тот же смысл, в том числе и тогда, когда речь идет об отражении нескольких взаимосвязанных ситуаций. Можно говорить о существовании *микропарадигмы предложений*, т.е. реестра синтаксических форм, которые реализуют одну и ту же семантическую структуру. Например, предложение из поэзии Феликса Кривина *У поэтов, я слышал, жизнь / Начинается после смерти* может иметь две альтернативные формы: *У поэтов, как я слышал, жизнь начинается после смерти; Я слышал, что у поэтов жизнь начинается после смерти*. Подобным же образом предложение из прозы Виктории Токаревой *Что очень важно, Вероника использовала свои гусеницы только в общественных интересах* представляет собой элемент микропарадигмы, в которую входят предложения: *Вероника – это очень важно – использовала гусеницы в общественных интересах; Очень важно то, что Вероника использовала гусеницы в общественных интересах*.

В парадигме сложного предложения имеется еще четвертый тип – особый, представляющий собой результат синтаксической контаминации.

Синтаксическая контаминация

Контаминация в синтаксисе означает объединение, скрещивание двух синтаксических единиц – сочетаний слов или предложений. Один из классических примеров контаминации в русском языке – это бытующее в разговорной речи сочетание *играет (большое) значение*, возникшее

в результате объединения сочетаний *играет (большую) роль и имеет (большое) значение*. Б.Ю. Норман отмечает, что, несмотря на ненормативный характер большинства конструкций, возникших в результате контаминации, данное явление довольно часто встречается в речевой практике, так как «опирается на определенные психологические и лингвистические предпосылки» [1. С. 187].

Структурным основанием контаминации является то, что две синтаксические конструкции обладают некоторыми тождественными элементами: лексическими или грамматическими значениями, типами синтаксических отношений. Рассмотрим один из примеров: «У него была другая семья, но в барак он время от времени появлялся – с подарками, улыбочками, ласковыми речами и фантастическими рассказами, которые если мы сначала слушали с разинутыми ртами, то что с ребенка взять!» (Р. Киреев). Обратим внимание на соседство двух подчинительных союзов – *которые и если*. В принципе, само это соседство не является ничем особенным – ср. предложения, в которых каждый из подчинительных союзов входит в состав своего придаточного: «В России есть ряд регионов, *которые, если* следовать духу и букве расчетов, не создают стоимость, а вообще уничтожают ее» (М. Яндиев); «Практически все сорта наперстянки прекрасно завязывают полноценные семена, *которые, если* их специально не собирать, осыпаются порой в огромных количествах»; «Сущее диктует законы необходимости, *которые, если* они противоречат высшему должному, – “неправедны”» (Н. Захаров). Но в приведенном предложении из прозы Руслана Киреева мы имеем дело с особым случаем, когда два стоящих рядом подчинительных союза относятся одновременно к одному придаточному. Это становится возможным именно благодаря контаминации, т.е. слиянию в одно двух предложений: а) *Он время от времени появлялся в бараке – с фантастическими рассказами, которые мы сначала слушали с разинутыми ртами*; б) *Если мы сначала слушали его рассказы с разинутыми ртами, то что с ребенка взять*.

Рассмотрим еще примеры: «Я влюблен, мне все завидуют, у меня вся жизнь впереди, но у меня миллион проблем, за которые я толком не знаю, как взяться» (Лит. газета. 1986. 15 окт.); «Он спрашивал, как ему быть: жениться или “сохранить самостоятельность” при условии, что отношения с девушкой сами понимаете, какие» (Лит. газета. 1984. 17 окт.). В первом из приведенных предложений можно усматривать контаминацию двух конструкций: *Я толком не знаю, как взяться за решение моих проблем; Мне надо взяться (я толком не знаю – как) за решение моих проблем*. Согласно тому же принципу (вспомним о моделируемости процессов контаминации, о которой пишет Б.Ю. Норман), образуется и второе предложение: *Сами понимаете, какие у меня отношения с девушкой; Отношения с девушкой у меня – сами понимаете – плохие*.

Контаминация наблюдается и в следующем предложении из разговорной речи: *Письма вскрываются, проверяются и не знаю, всегда ли отправляются дальше*. Если бы мы имели предложение в такой форме: *Письма вскрываются, проверяются, и я не знаю, всегда ли письма отправляются дальше*, тогда сомнений в правильности синтаксической конструкции не возникало бы. Но в том виде, в каком предложение зафиксировано в речи, оно характеризуется очевидным синкретизмом: существительное *письма* находится в координативной связи с глаголами *вскрываются, проверяются*, но лишено связи с глаголом *знаю*: **Письма я не знаю, всегда ли отправляются дальше*.

Рассмотренные здесь контаминаты образованы в соответствии с моделью, которая реализуется и в других случаях. Первую позицию в предложении занимает обычно подлежащее, которое принадлежит структуре придаточного изъяснительного: *письма* (*Письма отправляются*). Вторую позицию занимает вводное предложение вместе с присоединенным подчинительным союзом: *не знаю... ли*. Наконец, третью позицию занимает придаточное предложение, которое с коммуникативной точки зрения представляет собой основное, ведущее сообщение: [*письма*] *отправляются дальше*. Процесс синтаксической деривации можно представить так: а) *Я не знаю, всегда ли письма отправляются дальше*; б) *Письма, как я знаю, не всегда отправляются дальше*; в) > *Письма я не знаю, всегда ли отправляются дальше*. Как видим, первая часть контамината (синтаксема *письма*) берется из структуры предложения с парентезой, а вторая часть (*я не знаю, всегда ли отправляются дальше*) – из структуры придаточного изъяснительного.

Литература

1. *Норман Б.Ю.* Грамматика говорящего. СПб., 1994.
2. *Розенталь Д.Э., Теленкова М.А.* Словарь-справочник лингвистических терминов. М., 1976. С. 292.
3. *Русская грамматика* /Подред. Н.Ю. Шведовой. М., 1980. Т. II. С. 462.
4. *Мицланов В.М.* Семантика и структура сложного предложения в свете динамического синтаксиса. Пермь, 1996. С. 98.
5. *Валгина Н.С.* Современный русский язык. Синтаксис. М., 2003. С. 306.
6. *Мещанинов И.И.* Члены предложения и части речи. М., 1945. С. 188.
7. *Вардоль И.Ф.* Основы описательной лингвистики. М., 1977. С. 277.

Окончание следует

Варминско-Мазурский университет,
Ольштын, Польша

О ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИНОНИМИИ

© Е. М. РУЧИМСКАЯ,

кандидат педагогических наук

В статье рассматривается лексическая синонимия как результат двуплановости языка на лексическом уровне. Доказывается неудачность введения терминов «экстансиональная синонимия» и «интенсиональная синонимия».

Ключевые слова: лексическая синонимия, экстансиональная синонимия, интенсиональная синонимия.

Как известно, план выражения и план содержания есть на грамматическом, лексическом и словообразовательном уровнях языка (на фонематическом уровне языка есть только план выражения). То есть слово трактуется как двуплановая единица. Осознается это далеко не всеми. На это обращает внимание Ю.А. Левицкий: «...само слово СЛОВО имеет по меньшей мере два значения: 1) слово как двуплановая единица, включающая форму и содержание; 2) слово как одноплановая единица – только как звуковой (а также графический. – Е.Р.) комплекс, форма. Именно второе значение фигурирует в вопросе: что означает это слово?» [1. С. 70]. Если учитывать явления лексической омонимии и синонимии, то, конечно, *слово* надо понимать как двуплановую единицу.

Рассмотрим подробнее явление лексической синонимии, сущность которой заключается в том, что совпадению (или чрезвычайной близости) в плане содержания сопутствует различие в плане выражения.

Вот как лексические синонимы определяются разными авторами: «Под синонимами (греческое *synonymos* – одноименный) в настоящее время понимаются слова, различные по звучанию, но или совпадающие, или близкие по значению» [2. С. 62]; «Синонимы – различно звучащие слова, но называющие одну и ту же вещь» [3. С. 31]; «Синонимы... –

это слова, различные по звучанию, но тождественные или близкие по значению, нередко отличающиеся стилистической окраской» [4. С. 39]; «Синонимы (от греч. *synonimop* – соименование) – это разнo звучащие слова (и устойчивые выражения) в тех своих значениях, которые или полностью совпадают, или очень близки друг другу по смыслу» [5. С. 75]; «Синонимы... – слова, различные по звучанию, но тождественные или близкие по смыслу» [6. С. 1223].

Во всех этих определениях говорится о близости значения синонимов. Но можно ли говорить о тождестве значения синонимов? Б.В. Якушин, например, считал, что в естественном языке слов и выражений, одинаковых по смыслу, относительно немного, и это, главным образом, параллельно существующие национальные слова и иностранные заимствования, современные выражения и анахронизмы [7. С. 162]. Ю.А. Левицкий считает даже, что «в русском языке можно указать лишь на одну пару полностью тождественных слов: *бегемот* и *гиппопотам*» [1. С. 151].

Синонимы образуют синонимический ряд. Л.И. Рахманова и В.Н. Суздальцева отмечают: «Синонимический ряд возглавляет слово (лингвисты называют его *опорным* или *доминантой*), которое представляет собой в современном литературном языке наиболее употребительное, прямое и точное наименование понятия, обозначаемого словами данного ряда. Так, в ряду слов, выражающих понятие “незначительный по величине” (размеру, объему), опорным, доминантой, является слово *маленький* (а *малый*? – Е.Р.). Другие члены того же ряда – *небольшой*, *крошечный*, *крохотный*, *малюсенький*, *махонький*, *миниатюрный*, *микроскопический* и т.д. – вносят в большинстве своем в выражение понятия “незначительный по величине” то или иное дополнение или уточнение» [5. С. 75–76].

Авторы учебного пособия «Современный русский язык» под общей редакцией В.Д. Стариченка приводят такой пример синонимического ряда: «... слова *трудиться*, *работать*, *корпеть*, *потеть*, *ишачить*, *вкалывать*, *гнуть спину*, *везти воз*, *тянуть лямку* – также синонимичные, поскольку имеют одно и то же значение – тяжелая, неприятная работа» [8. С. 96]. Тут напрашиваются два возражения. Во-первых, не «тяжелая неприятная работа», а «заниматься тяжелой неприятной работой». Это не одно и то же. А во-вторых, почему *трудиться* и *работать* ассоциируются с тяжелой, неприятной работой? Трудиться и работать можно и с радостью.

Проблема синонимов интересует не только лингвистов, но и, к примеру, специалистов по семиотике. Так, А.И. Уемов считает, что «проблема синонимов имеет большое значение для выяснения соотношения слова и понятия. Это связано с тем, что в явлении синонимии очень

ярко проявляется нетождественность слова и понятия. их отличие друг от друга» [9. С. 26].

В семиотике синонимы интерпретируются шире, чем в лингвистике. Но до какой степени шире? Вот что пишут по этому поводу авторы учебника «Основы теории коммуникации»: «В семиотике синонимы – два равнозначных, но не тождественных выражения. При этом под равнозначностью понимается: 1) либо соотнесенность с одним и тем же денотатом (предметом); 2) либо соотнесенность с одним и тем же понятием, точнее с той его частью, которая содержит характеризующую информацию. В первом случае говорят об экстансиональной синонимии, во втором – об интенсиональной» [10. С. 171]. Если мы правильно поняли, то в этой трактовке интенсиональные синонимы – слова (или словосочетания), не совпадающие в плане выражения и совпадающие в плане содержания, т.е. это синонимы в общепринятом смысле, а экстансиональные синонимы – слова (или словосочетания), не совпадающие в плане выражения, но обозначающие один и тот же предмет (денотат).

В качестве примера экстансиональных синонимов авторы учебника приводят слова *картина* – *полотно* [Там же. С. 171–172]. При этом за кадром остается вопрос, может ли слово быть связано непосредственно с денотатом, т.е. с предметом реальной действительности. Похоже, что авторы так не считают, приводя семантический треугольник в таком виде, что слово и понятие связаны сплошной линией, а слово и денотат – пунктирной [Там же. С. 168]. Это говорит о том, что слово (сфера языка) непосредственно связано с понятием (сфера мышления), а не с денотатом (сфера реальной действительности). В пользу этого говорит и приводимый пример отсутствия денотата: «...все русские люди знают, кто такая Баба Яга, и могут приблизительно описать ее и дать ей некоторую характеристику. Следовательно, знак и понятие существуют. А вот денотата – самой Бабы Яги – не существует» [10. С. 169]. Таким образом, то, что говорится об экстансиональной и интенсиональной синонимии, находится в явном противоречии с тем, что говорится о семантическом треугольнике. Похоже, что авторы учебника сами для себя не определили точно, что же такое «денотат». Приведем такую цитату: «Выражения *зачинатель перестройки*; *человек, который начал перестройку* и *первый и единственный президент СССР* являются экстансиональными синонимами, так как имеют один денотат (Горбачев как человек, точнее общее представление об этом человеке)» (курсив мой. – Е.Р.) [Там же. С. 172]. Но ведь Михаил Сергеевич Горбачев – это вполне реальный человек, бывший единственным президентом СССР. В данном примере это денотат, принадлежащий сфере реальной действительности. А «общее представление об этом человеке», т.е. понятие, относится к сфере мышления.

Вернемся к примерам *картина* – *шедевр* – *мазня* (экстансиональные синонимы) и *картина* – *полотно* (интенсиональные синонимы), приводимым авторами учебника. *Картина* – *полотно* – это действительно синонимы, так как при различии плана выражения имеют общий план содержания – понятие «произведение живописи», выработанное человечеством на основании исторического опыта. А *шедевр* и *мазня* – это не синонимы, а скорее наоборот, – антонимы. План содержания этих слов совершенно различный. И то, что разные люди употребляют эти слова по отношению к одному и тому же предмету, вовсе не делает их синонимами.

С учетом всех этих несогласованностей стоит задуматься: а надо ли вообще вводить термины «экстансиональная синонимия» и «интенсиональная синонимия»? С нашей точки зрения, они не уточняют, а только затемняют смысл явления синонимии.

Литература

1. Левицкий Ю.А. Общее языкознание: Учеб. пособие. М., 2008.
2. Галкина-Федорук Е.М. Современный русский язык. М., 1954.
3. Реформатский А.А. Введение в языковедение: Учебник для вузов. М., 2001.
4. Розенталь Д.Э., Голуб И.Б., Теленкова М.А. Современный русский язык. М., 2003.
5. Рахманова Л.И., Суздальцева В.Н. Современный русский язык: Лексика. Фразеология. Морфология: Учебник для студентов вузов. М., 2007.
6. Советский энциклопедический словарь / Под. ред. М.А. Прохорова. М., 1990.
7. Якушин Б.В. Слово. Понятие. Информация: гносеологические вопросы разработки информационных систем. М., 1975.
8. Современный русский язык: Фонетика. Орфоэпия. Графика. Орфография. Лексикология. Фразеология. Словообразование. Морфология: Учеб. пособие / Под общ. ред. В.Д. Старичёнка. Мн., 1999.
9. Уемов А.И. Проблема синонимов и современная логика // Логико-грамматические очерки. М., 1961.
10. Основы теории коммуникации: Учебник / Под ред. М.А. Васильева. М., 2006.

Москва

Утрата координации. Виноват контекст?

© Л. Н. ДРОВНИКОВА,
кандидат филологических наук

Рассмотрению подлежит форма именного сказуемого в простом предложении, являющемся главным в сложном предложении и разорванном придаточным.

Ключевые слова: главное предложение, придаточное предложение, подлежащее, сказуемое, нулевая связка, контекст.

В русском языке в предложении подлежащее и сказуемое могут быть формально уподоблены друг другу. Такое уподобление называется *координацией*. Подлежащее и сказуемое при координации уподобляются друг другу в формах числа, рода, лица (при подлежащем – местоимении).

В современной речи (преимущественно письменной) отмечаются факты утраты координации подлежащего и сказуемого. Это происходит в том случае, если подлежащее и именное бессвязочное сказуемое простого предложения, являющегося главным в составе сложного предложения, разорваны придаточным. Например: «Единственное, чего мне не хватает, – это театра» (Известия. 2004. 13 янв.). Координация в этом случае требует: «Единственное – это театр». Источник ошибки – наличие и влияние одного из членов придаточного предложения, «разорвавшего» главное: *чего* мне не хватает. А может быть, здесь сказалась отрицательная семантика всего предложения *чего мне не хватает*, которая и обусловила родительный падеж.

Приведем еще примеры: «Первое, от чего надо отрешиться, читая “Очерки по истории Российского телевидения”, – от того, что она хороша не в связи с какой-то сложившейся конъюнктурой, острым интересом к ТВ» (Лит. газета. 2000. № 15); «Следующее, чем пользовались победители, – умением защищать свои ворота» (НТВ. 2010. 2 окт.); «Первое, на что влияет загрязнение земли, – это на наше здоровье» (НТВ. 2002. 22 апр.); «Главное, с чем пришлось бороться участникам, – с разными весовыми категориями гордумы и мэрии» (Известия. 2002. 21 окт.); «Единственное, с чем мы не сможем бороться, – это с параллельными подключениями» (Известия. 2002. 10 июня); «Главное, о чем мы должны думать, – это о том, что мы не можем оставить ни с чем три страны: Украину, Белоруссию и Молдавию» (Известия. 2004. 14 мая).

Причина нарушения координации в данных примерах – обстоятельства, способствующие ошибке. Это может быть, например, удаленность сказуемого от подлежащего и соседство сказуемого со словом (словами), которое влияет на форму сказуемого.

Обращает на себя внимание и тот факт, что в рассматриваемых случаях подлежащее – всегда субстантивированное прилагательное: *главное, единственное, первое, следующее* (хотя, может быть, это не имеет значения).

Речевой материал показывает какое-то «внешнее» влияние. Строгие формальные связи подлежащего и сказуемого (координация) разрушаются под воздействием (внешним?) других слов и форм в предложении: сильнее формальных связей оказываются связи семантические, иначе говоря – контекст.

Представленное разрушение грамматических связей в предложении находится за пределами литературной нормы.

Москва,
Институт журналистики
и литературного творчества

Размышления о языке в дневниках русских философов

О. С. АРИСТАРХОВА

В статье рассматриваются взгляды некоторых русских философов на проблемы языка и текста, формирование идиостиля автора, содержащиеся в их дневниках.

Ключевые слова: философский дневник, русские философы, философский термин, идиостиль.

Обращение русских философов к проблемам языка имеет давнюю историю. А.Ф. Лосев, С.Н. Булгаков, В.В. Библихин и многие другие уделяли внимание вопросам связи языка и мышления, языка и культуры, исследовали основные категории и единицы языка, вели наблюдения над отдельными словами и выражениями.

Мы обратились к размышлениям философов о языке, содержащимся в их дневниках, поскольку многие взгляды на проблемы языка, которые отражены в их трудах, начали разрабатываться именно в дневниках, своего рода черновиках, так что их значимость нельзя недооценивать.

Безусловно, в дневниках русских философов присутствуют некоторые элементы, которые прямо указывают на способ говорения. Например, у С.Н. Булгакова: «Итак, душа моя, что же тебе мешает: начни днесь новую жизнь и веди ее столько, сколько Господь велит...» [1. С. 496]. В дневнике А.Ф. Лосева: «...все-таки попробую здесь в двух-трех словах сказать, что именно произошло» [2. С. 158]. Эти элементы являются средством создания связности, помогают автору лучше ориентироваться в тексте и переходить с одной темы на другую.

Философы всегда уделяли большое внимание проблеме осмысления слова как номинативной единицы языка. С.Н. Булгаков в работе «Фило-

софия имени» писал: «Значение, смысл есть необходимое содержание слова, без этого оно перестает быть словом» [3. С. 132].

В дневнике, написанном в 80-х годах XX века, российский философ и публицист Б.Е. Гройс продолжает традицию, заложенную предшественниками, и обращает внимание на процесс формирования значения слова. Его интересуют проблемы этимологии и исторической лексикологии, а также механизм создания новых слов и мотивированности значения. Б.Е. Гройс пишет, что «ни одно слово нашего языка не имеет исходного “чисто языкового” значения. Все слова известны нам посредством объяснений, дефиниций» [4. С. 34–35]. По словам философа, эти дефиниции историчны, и в этой связи у него возникают вопросы: отчего они не приводят к созданию новых слов и отчего заменяются старые слова.

Русских философов интересовали не только теоретические, но и практические вопросы филологии, связанные с размышлением над значением конкретного слова.

Так, С.Г. Семенова рассуждает над значением слова *убогий* в диахроническом срезе: «Как изменяется значение слов, часто приходя к обратному от первоначального их смысла. *Убогий* человек, у бога, при боге, смиренномудрый, нищий духом, являющий и внешне и внутренне, в жизни своей образец нашей онтологической нищеты, – так изначально-этимологически свилось это слово. А как стало? – убогий, жалкий, ничтожный, по большому счету говоря, закопавший свои таланты в землю, не исполняющий первых Божьих заповедей...» [5. С. 90].

Однако, обращаясь к этимологическому словарю, мы обнаруживаем такое толкование происхождения значения данного слова: «Происходит от праслав. формы, от которой в числе прочего произошли: др.-русск. *оубогъ* “бедный; нищий; увечный”... синонимично слав. *небогъ* “бедный”, образовано с приставкой *у-*. От **bogъ* “богатство”» [6. С. 143], – таким образом, исторически не существовало значения «смиренномудрый, нищий духом». В таком случае, следует говорить не о собственно лингвистическом исследовании значения слова *убогий*, а о философской интерпретации и создании авторской этимологии.

Присм этимологизации является типологической чертой философского текста. В дневнике С.Г. Семеновой проявляется такая же функция этимологизации, характерная для философского текста. Н.М. Азарова обозначает ее как «средство определения или аргументации» [7. С. 86], указывая, что это наиболее распространенная функция, которая выражена специальными словами.

Интересно, что в дневниках русских философов, написанных в начале XXI века, находит отражение не только авторская этимология, но и развернутая оценка этой этимологии. Так, Г.Д. Гачев пишет: «*Имя = иметь?* Этимология скандальная, ненаучная, а какой букет ассоциаций

и уму – мысли, и образам – поставляет!» [8. С. 79]. Кроме того, в дневнике Г.Д. Гачева используются графические средства при авторской интерпретации слова и его значения: например, знак равенства («=»: «личность = самородность», «Природа = Родная», «Риск = Благородное дело». Таким образом, можно говорить о многозначности знака («=»). Г.Д. Гачев использует его на месте *то есть, это*, а также знака тире.

Необходимо заметить, что в поэтических текстах конца XX века также уделяется большое внимание «графической форме букв, орфографии и визуально-структурной роли пунктуации» [9], поэтому графику следует считать типологической чертой языка философских и поэтических текстов рубежа веков.

Устная речь тоже не остается вне поля исследования. Г.Д. Гачев обращает внимание на слова-«паразиты», которые использует обыватель в разговорной речи. По его мнению, в зависимости от степени уверенности говорящего в том, о чем он говорит, адресат использует либо «вот», либо «да?...». «Вот» используется в конце речи для подтверждения уверенности говорящего в произносимом высказывании. «Да?...», по мнению философа, произносится «в вопросительной интонации, неуверенно, как бы сомневаясь в сказанном – и прося поддержки, чтоб собеседник подтвердил» [8. С. 20]. Кроме того, он указывает на возрастные и социальные ограничения использования этих слов-«паразитов». «Вот» характерно для речи людей в возрасте от 40 до 60 лет, а «да?...» для молодого поколения, политиков и журналистов.

В дневниках русских философов размышления о языке находят выражение не только в виде отрывков, включенных в структуру текста, но и посредством обозначения проблемы, разъяснение которой осталось за его границами. Приведем пример из дневника А.Ф. Лосева: «Во время ходьбы я *разговариваю* с Горчуковым об ударениях в русском языке, о некоторых трудных предметах для словесников» [10. С. 41].

В своих дневниках философы поднимают проблему значимости и особенности языка русских философских текстов.

Б.Е. Гройс все же рассматривает язык философии не только как часть национального языка, но и подчеркивает его особый статус и независимое развитие во взаимодействии с последним: «Язык постоянно бормочет, отовсюду несутся речи, всплывают какие-то новые информации, позиции, точки зрения и т.д. ... Но философ в растерянности, он слышит, что бормотание речи продолжается и начинает сам бормотать в ответ. Это ответное бормотание, которое является частью бормотания самого языка, но не самим этим бормотанием, слышимым в тишине и в молчании (как того желал Хайдеггер), и есть философская речь. Она не воспроизводит язык, но как бы сливается с ним, вливается в него, питается им» [4. С. 9].

К.С. Пигров, указывая на значимость языка философии для развития философской мысли, писал: «И философские прорывы в России станут возможны тогда, когда мы создадим другой русский язык. Филологическая задача» [11. С. 133]. Такой взгляд отражает современное представление о языке философии. Н.М. Азарова подчеркивает: «Язык философии можно понимать как отдельный (своеобразный) подязык, который обладает собственной нормой (нормой общеполитического национального языка), находящейся в постоянном динамическом взаимодействии с нормой общенационального литературного языка» [7. С. 211].

Русские философы рассматривали свой дневник как черновик для основной работы, поэтому в нем можно обнаружить размышления и на философские темы, и по поводу специальных философских терминов, таких, как *бытие*, *истина*, *метафизика*, *соборность*, *трансцендентность* и т.д. Встречаются и авторские неологизмы: «Когда весь мир объявляется субъективным, когда “я” и “не-я” объявляются оба продуктами “я”, то субъективизм, “яйность” получают уже другой оттенок» [12. С. 73].

В своих дневниках философы поднимают вопросы понимания текста как такового. Так, дневник Б.Е. Гройса посвящен исключительно описанию вопросов лингвистики и философии. Этот текст, как мы полагаем, следует рассматривать как философско-лингвистическую работу, написанную в форме дневника, так как записи структурированы по датам. При этом он разделяет жанр «дневник философа» на две части: с одной стороны, это название работы, а с другой – понимание философского дневника как особого вида текста: «Мой дневник монотонен. Все время я пытаюсь сказать одно и то же... Философия монотонна. Философия состоит, в сущности, из одной реакции. Именно поэтому я определяю этот дневник как дневник философа» [6. С. 98].

В завершение хотелось бы отметить взгляды этого философа на проблему идиостиля, которую он прямо не связывает с вопросом формирования особого языка писателя, поэта, философа, но косвенное определение стиля художника дается: «То же относится и к искусству: художник хочет выработать “свой стиль” – ему все равно, в сущности, какой: лишь бы свой. Поэтому он и лавирует между известными ему возможностями. Это очень важный момент: “я” имею свою точку зрения только по поводу того, от чего я отдифференцировался – только это я могу затем собрать, интегрировать в некую единую “картину мира”» [Там же. С. 146].

Литература

1. Булгаков С.Н. Духовный дневник // Дела и дни. М., 2008.
2. Лосев А.Ф. Дневник 1914 года // Мне было 19 лет. М., 1997.

3. Русские философы о языке: Хрестоматия. М., Ярославль, 2010.
4. Гройс Б. Дневник философа. Париж, 1989.
5. Семенова С.Г. Из дневника 2005–2008 // Дневник современного философа. М., 2009.
6. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1987. Т. IV.
7. Азарова Н.М. Язык философии. Типологический очерк языка русских философских текстов XX века. М., 2010.
8. Гачев Г.Д. Из жизнсмьслей последних лет дней (2005–2008) // Дневник современнго философа. М., 2009.
9. Фатеева Н.А. Открытая структура: некоторые наблюдения над развитием поэтического языка в конце XX века // НЛО. М., 2001. № 50 (<http://magazines.russ.ru/nlo/2001/50/fatte.html>).
10. Лосев А.Ф. Дневники 1911–1913 гг. // Мне было 19 лет. М., 1997.
11. Пигров К.С. Долгие прогулки с собакой // Дневник современного философа. М., 2009.
12. Франк С.Л. Саратовский текст. Саратов, 2006.

*Московский педагогический
государственный университет*

Новые специальности на рынке труда

© Н. В. ИСАЕВА,

кандидат филологических наук

В статье дан обзор новых наименований лиц по профессии, специальности, роду занятий, получивших широкое распространение на страницах печатных рекламных объявлений о вакансиях, в периодической печати последних лет, в Интернете.

Ключевые слова: новые наименования лиц по профессии, специальности, роду занятий; этимология, семантика и лексикография новых слов.

За последние десятилетия появилось большое количество новых наименований лиц по профессии, специальности, роду выполняемых служебных обязанностей. При этом для широких слоев работоспособного населения большинство этих наименований остается малопонятным, что затрудняет выбор будущей профессии, поиск вакансии. Не внесены новые названия и в российские справочники и классификаторы профессий, не получили лексикографического описания в словарях новых слов.

В результате исследования текстов рекламных объявлений о вакансиях, Job-сайтов Интернета было установлено, что приоритетными областями, в которых регистрируется наибольшее количество неологизмов со значением лица, являются социально-экономическая, научно-техническая, сфера культуры и обслуживания населения. Изученный материал позволил классифицировать новые профессии и специальности по следующим тематическим группам.

Финансовая и банковская деятельность

Переход к рыночной экономике, развитие финансового рынка России способствовали появлению в русском языке значительной массы слов, которые ранее воспринимались как идеологически чуждые. Поскольку во времена социалистической экономики отсутствовали лица, профессионально занимающиеся операциями на рынке ценных бумаг, игрой на бирже, а банковская деятельность была строго под контролем государства, то большинство названий новых профессий, связанных с этими сферами, – заимствования из других языков, получившие в настоящее время широкое распространение и в ряде случаев переосмысление известного значения. Остановимся на некоторых из них.

Брокер (англ. broker) – посредник при заключении коммерческих, валютных, кредитных сделок, совершаемых на бирже между продавцом и покупателем; консультирует клиентов, осуществляет расчетно-аналитическую деятельность, покупает место на бирже, вознаграждение получает за счет комиссионных от суммы сделок.

Джоббер (англ. jobber) – специальный посредник на фондовой бирже, покупает и продает акции за свой счет, доход получает от разницы продаваемых и покупаемых акций и других ценных бумаг.

Дилер биржевой (англ. dealer) – член фондовой биржи или банка, занимающийся куплей-продажей ценных бумаг, валюты, драгоценных металлов, действует от своего имени.

Коллектор (лат. collector) – служащий банка или страховой компании, представляет интересы банка со стороны долгового агентства или юридической фирмы, оказывающей коллекторские услуги по взысканию задолженностей на различных стадиях. Понимая, что значение нового слова может быть не понято адресатом, составители рекламных текстов часто дублируют его равнозначным синонимом: «Коллекторское агентство МАНГУСТ, занимающееся консолидацией долговых активов, приглашает специалистов по взысканию задолженности (коллекторов)».

Маклер (нем. Makler) – посредник при заключении биржевых сделок за оговоренный процент с суммы. Практически является синонимом слова *брокер*.

Треjder (< англ. trade – торговля) – специалист по организации внутренней или внешней торговли. Представляет интересы банка, фирмы, работая с ценными бумагами на биржевом рынке, может выполнять заявки клиентов, а также осуществлять собственную торговую стратегию.

Позиш-треjder (англ. position trader) – тип биржевого спекулянта, вкладывающий деньги на длительный срок, чем способствует перекачиванию капитала с одного рынка на другой, определяя тем самым уровень спекулятивной активности на товарной бирже. В текстах печатных рек-

ламных объявлений используется и абсолютный синоним – *флоттрейдер* (англ. *flotrejder*), а также зафиксированы новообразования с исходным словом путем сложения двух близких по лексическому значению слов: *брокер-трейдер*, *брокер-аналитик*.

Скальпер (англ. *scalper*) – полный член биржи, который спекулирует на колебаниях цен, происходящих в течение очень коротких промежутков времени, часто – нескольких минут. Осуществляет «быстрые» покупки и продажи с небольшой прибылью или небольшими убытками.

Слово также имеет и второе значение, отличающееся явной негативной коннотацией: перекупщик билетов на спортивные соревнования, концерты, театральные представления.

Экономика, коммерческая деятельность

Специалисты в данной области должны хорошо знать экономические законы, уметь прогнозировать и моделировать ситуацию на внешнем и внутреннем рынке страны, досконально разбираться в работе своего предприятия, добиваясь максимальной ее эффективности. Этот круг задач весьма обширен, а потому и среди названий профессий в данной группе наблюдается подчеркнутая дифференциация. К наименованиям, обозначающим должности руководящих специалистов в сфере торгового бизнеса, относятся: *директор по продажам*, *дилер торговый*, *трейдер торговый*, *дистрибьютор*, *индент-агент*, *прокурис*, *консигнатор*, *топ-менеджер* и др.

Директор по продажам. Хотя слово *директор* не является новым, первоначально оно имело синтагматические связи только с конкретными существительными, обозначающими определенный объект, которым руководят: директор завода, школы, театра и т.п. Сегодня тексты рекламных объявлений фиксируют сочетаемость данного слова с отвлеченными существительными, например: *директор по продажам*, *директор по сбыту*, *директор по маркетингу*. Подобные должности на профессиональном рынке России предлагают, как правило, только крупные предприятия-производители, ведущие в той или иной отрасли. В средних компаниях, фирмах на эту же позицию приглашают менеджеров по продажам.

Дилер торговый в отличие от биржевого организует торговлю не ценными бумагами, а товаром. Он является фактическим посредником между крупной фирмой-производителем и предприятиями, реализующими эту продукцию, закупает партии товара оптом и продает их в розницу. Слово имеет как суженную семантику, обозначая лицо, так и расширенную, поскольку называет и фирму, оказывающую посреднические услуги: «Исключительные цены на автомобили BMW 2012 года у официального дилера!» (Рекламный баннер).

Дистрибьютор (< англ. distribute – распределять) – предприниматель, осуществляющий оптовую закупку и сбыт товаров определенного вида. В отличие от торгового дилера дистрибьютор берет на себя обязательство по гарантийному обслуживанию покупателя. Слово используется как для названия конкретного лица, специалиста в данной области, так и для названия фирмы, предоставляющей дистрибьюторские услуги: «Крупный дистрибьютор алкогольной продукции Торговая Компания РУСЬ ИМПОРТ приглашает студентов и молодых специалистов для работы в крупных магазинах Москвы и МО продавцами-консультантами» (Работа. Учеба. Сервис. 2010. 26 апр.).

Индент-агент (< англ. indent – заказ на товары, закупка товаров) – агент, специалист по сбыту продукции, ведет за границей на комиссионной основе операции по продаже товаров, поступающих от иностранного поставщика.

Прокурис (< лат. procurare – управлять, вести чем-л.) – доверенный торгового предприятия, имеющий широкий объем полномочий на совершение всякого рода сделок при сохранении права собственника предприятия на контроль за их исполнением.

Консигнатор (< лат. consignment – письменное доказательство, документ) – посредник, продающий товар владельца консигнанта от своего имени со своего склада. Долгое время слово *консигнатор* в словарях отсутствовало либо снабжалось пометой «в капиталистических странах» [1].

Работники среднего звена в сфере торговли не имеют, как правило, в своем подчинении других лиц, отвечают за конкретный, ограниченный профессиональными обязанностями участок работы. Внутри данной группы явно прослеживается тенденция к разграничению специализации субъекта деятельности: *продавец-аквариумист, продавец выходного дня, продавец-дизайнер, продавец-кассир, продавец-консультант, продавец-оценщик*. Все большее значение в профессии продавца придается умениям и навыкам консультирования покупателей, оказания помощи при покупке товара, рассказа о достоинствах предлагаемой продукции, т.е. устном рекламировании. Также налицо отражение в названиях изменившихся условий работы (не полная, а частичная занятость, что особенно учитывается, если на работу приглашается учащаяся молодежь). Например: «*СВЯЗНОЙ. Найди себя! С удовольствием принимаем на работу и обучаем сотрудников без опыта работы. Руководитель магазина. Продавец половины дня. Продавец-кассир. Продавец за 10 дней*».

Кассир – «работник кассы, производящий прием и выдачу денежных сумм, ценных бумаг, продажу билетов и т.п.» [2]. Наряду с давно утвердившимся в русском языке значением в рекламных объявлениях встречаются следующие новообразования: *кассир-бухгалтер, кассир-координатор, кассир-операционист, продавец-кассир*. Наименования

указывают на усложнение выполняемых обязанностей или их совмещение. Обнаруживается и замена слова *кассир* на другое, наверное, более привлекательное для соискателей: «"Ашан сити" приглашает на работу работников торгового зала, укладчиков, хозяек касс» (Работа. Учеба. Сервис. 2012. 3 сент.). Таким образом, отличающееся явным разговорным, сниженным оттенком слово *кассириша* и нейтральное *кассир* заменяется на более престижное – *хозяйка кассы*.

Наряду с заимствованием *сейлзмен* (<англ. sales man) – продавец мелкого товара в электричках, поездах, метро, предлагающий товар в палатки на рынках, вернулось с периферии языка и считавшееся устаревшим слово *коробейник*, до недавнего времени снабжавшееся при лексикографическом описании пометами «устар.», «в прошлом» и т.п. В настоящее время эти слова употребляются в печатных СМИ как синонимические варианты, отличающиеся стилистической окрашенностью: «Коробейник продал чете пенсионеров прибор "от всех болезней". Оказывается, закон не запрещает современным коробейникам ходить по квартирам и торговать медицинскими приборами для домашнего пользования. Под запретом только лскарства и биологически активные добавки» (Комс. правда. 2009. 5 июня).

Бесспорным лидером по частоте употребления в текстах печатной продукции является слово *менеджер* – (англ. manager – управляющий) – специалист среднего и высшего уровней квалификации в сфере управления производством, персоналом, продажами и т.д. Он организует и координирует, оценивает и стимулирует деятельность персонала, распределяет объем работ между сотрудниками, обучает, объясняет, передает распоряжения руководства, осуществляет связь между правлением и работниками. Менеджер высшего звена ведет коммерческие переговоры, занимается маркетингом и формированием товарных ниш, определяет стратегию и тактику конкурентной борьбы, заботится о расширении сбыта продукции, руководит реализацией бизнес-плана организации.

В связи с тем, что семантика данного наименования за последние годы приобрела значительный объем, составителям рекламных объявлений приходится давать развернутый перечень служебных обязанностей для кандидатов на позицию менеджера: проведение переговоров, консультирование клиентов, ведение сопроводительной документации, заключение договоров и т.п.

*Организация производства и контроль за деятельностью фирм,
компаний, предприятий*

В условиях рыночной экономики необходимо правильно спланировать работу предприятия, добиться его рентабельности, организовать четкое взаимодействие между всеми подразделениями и службами, спрогнозировать его развитие. Эти задачи призваны решать представи-

тели следующих новых профессий: *аналитик, аудитор, координатор, куратор заказов, логист, маркетолог, риск-менеджер* и мн. др.

Ни одна крупная компания сегодня не обходится без штатного маркетолога или даже целого отдела (службы) маркетинга. *Маркетолог* (< англ. – market – рынок) изучает, прогнозирует и формирует спрос на товары и услуги, определяет перспективы сбыта, отслеживает конкурентную среду и т.д. В текстах печатных рекламных объявлений встречаются разнообразные сочетания с исходным словом, обозначающие новые направления деятельности в сфере маркетинга: *директор по маркетингу, менеджер отдела DIRECT MARKETINGA, начальник отдела маркетинга, руководитель отдела маркетинга, менеджер по маркетингу, специалист по маркетингу, аналитик-маркетолог, помощник маркетолога* и т.п.

Аналитик осуществляет сбор, систематизацию, интерпретацию и анализ информации, составляет обзоры и прогнозирует развитие. Первоначально однокоренные слова с исходным греческим корнем (греч. – *analytikos*) использовались только в научном стиле речи применительно к аналитике – учению об основных элементах и условиях мышления, составной части логики (аналитическая геометрия, аналитическая функция, аналитические языки). За последние годы из области науки слово переместилось в область практическую, относящуюся к сфере экономического и производственного развития.

При некотором сходстве выполняемой функции – работа с перемещением товаров, грузов, продукции – существенно различаются служебные обязанности логиста и координатора. *Логист* (англ. *logistics* – материально-техническое снабжение < греч. *logista* – чиновник государственного контроля) – специалист по доставке товара, его размещению, по контролю за грузоперевозками. *Координатор* – специалист, осуществляющий взаимодействие между поставщиками и заказчиками, отслеживает движение грузов, а также составляет финансовые отчеты. Примыкает к этой группе и известное ранее слово *экспедитор*, профессиональная деятельность которого также связана с присмкой различных грузов от поставщиков и доставкой до места назначения. В этом ряду слов ощущение новизны сохраняется только у первого слова *логист*, которое не отмечено в большинстве современных толковых словарей.

Поскольку социалистическое планирование, пятилетки развития остались в прошлом, современные предприятия, фирмы, компании, развиваясь в условиях стихийной рыночной экономики, должны быть застрахованы от непредвиденных обстоятельств. С этим призваны справляться представители новой профессии – *антикризисные управляющие*. Приблизительно с 90-х годов XX века, в пору массового банкротства советских предприятий, возникла острая необходимость назначения специальных лиц, управляющих, которые либо могли бы

вернуть статус предприятию, либо подготовить к продаже его имущество. В задачу антикризисного управляющего может входить и разработка профилактических мероприятий по предотвращению банкротства. Это направление деятельности сближает указанных специалистов с *риск-менеджерами*, в обязанности которых входит выявление недочетов в деятельности компаний, оценка их последствий, разработка рекомендаций по их устранению или исправлению, т.е. так называемая консалтинговая деятельность. Например: «“Райффайзенбанк Австрия” объявил о наборе студентов старших курсов и выпускников вузов, желающих построить карьеру в области риск-менеджмента» (Кула пойти учиться. 2011. 18 июня).

Предупреждать нежелательные моменты в развитии деятельности компании, фирмы, связанные с человеческим фактором, должен *инсайдер* (англ. insider – человек, посвященный в тайну < inside – внутри) – специальный сотрудник, имеющий доступ к разнообразной конфиденциальной информации, в том числе и личного характера, так называемый «тайный агент, шпион». Совершенно очевидно, что заимствованное слово, маскируя сущность данной профессии, используется как своеобразный эвфемизм.

Отдельную подгруппу составляют слова-наименования лиц, осуществляющих подбор, поиск персонала. Привычные кадровые агентства постепенно вытесняют рекрутинговые фирмы, в которых трудятся *рекрутеры*, *хед-хантеры*, *эйчары*, *ресечеры*. В их обязанности входит подбор и поиск персонала, специалистов различного профиля, а также осуществление посреднических связей между предполагаемым работником и работодателем (проведение собеседования, интервью, тестирования и т.п.): «Кадровое агентство “Компания Фрегат” приглашает: маркетолога, ресечера – поиск кандидатов, работа с БД компании, проведение телевизионного интервью» (МК. 2007. 26 февр.).

Корпоративный дух сотрудничества в коллективе, направленный на сплочение сотрудников, а вследствие этого и повышение эффективности их работы, призваны развивать и поддерживать *тренинг-менеджеры* – специалисты, в задачи которых входит разработка и проведение семинаров (тренингов) как по повышению профессиональной квалификации сотрудников, так и всестороннему развитию личностных, деловых качеств специалистов. В настоящее время активно внедряется и американская модель наставничества, консультирования – *коучинг* (англ. coaching – наставничество) – особый вид консультирования, сочетающий в себе элементы психотерапии и тренерства. В крупных компаниях, особенно совместных, введена в штат новая служебная единица – *коучер*, также зафиксирован и сокращенный вариант наименования – *коуч*. Поскольку служба оказания психологической помощи в нашей стране еще мало развита, в сферу деятельности коучера в условиях российской

действительности входит достаточно широкий круг обязанностей, в то время как на Западе существует разветвленная сеть психологического консультирования: коучинг высшего руководящего звена, коучинг в сфере продаж, коучинг по PR, семейный коучинг и т.д. Современная печатная реклама фиксирует пока только одно из направлений деятельности коучера – работа со специалистами всех уровней: Международная Академия психологии и бизнеса. Курсы психологии: психологическое консультирование (с элементами лайф-коучинга). Курсы бизнес тренеров: обучение персонала организаций (коучинговый подход) (Обучение & карьера. 2007. № 12).

Новая специализация менеджера – *коуч-менеджер* – совмещает элементы традиционного для России института наставничества молодых специалистов с обязанностями управленца и руководителя. Коуч-менеджер присутствует на совместных визитах, приемах и других мероприятиях, наблюдает за работой сотрудников, а потом производит разбор их деятельности, указывая на достоинства и недостатки, помогая максимально эффективно организовывать работу.

IT-технологии, оргтехника, Интернет

Небывалый темп развития высоких технологий, компьютеризация всех сфер жизни общества, массовое увеличение числа пользователей Интернета объясняет и значительное количество новообразований, связанных с данными областями. Работодатели приглашают на работу *IT-специалистов* (англ. IT < information technology), занимающихся информационными технологиями, компьютерным обеспечением, *компьютерщиков*, *тестировщиков ПО* (ПО – программное обеспечение), *сервис-менеджеров* – специалистов по установке, обслуживанию и ремонту высокой техники, *системных администраторов* (англ. system administrator) – поддержка и техническое обеспечение компьютерной сети, телефонной связи и оргтехники, *заправщиков картриджей*, *сканировщиков*.

С созданием Интернета на рынке труда стали пользоваться большим спросом следующие специалисты: *WEB-издатель / Веб-издатель* – руководит активными страницами в Интернете, *WEB-мастер / Веб-мастер* – специалист, создающий в сети интернет-страницу, часто поддерживает ее после окончания работ, *WEB-дизайнер / Веб-дизайнер* – разработчик концепции графического оформления сайтов и интерфейсов к ним; *комьюнити-менеджер* (< англ. community – общество) – инициирует и поддерживает дискуссию на нужную тему на форумах, в блогах; *контент-инженер* (< англ. content – содержание) – отвечает за организацию и презентацию сайта, его информативное содержание и пополнение; *оптимизатор сайта* – (< англ. optimizer – оптимизировать) – интернет-специалист, в задачи которого входит продвижение сайтов компании в

поисковых системах; *модератор* (< лат. moderator – сдерживающий) – администратор форума. Например: «Крупный издательский холдинг “Из рук в руки” – лидер отрасли (16 лет на рынке) приглашает модераторов. Обязанности: просмотр объявлений, размещенных на сайтах пользователями, редактирование объявлений при необходимости либо их удаление и ведение черного списка» (Работа сегодня. 2008. № 6).

Профессиональный жаргон программистов также может поставлять названия для современных профессий в области Интернета. Так, в словарях зафиксировано слово *хакер* в следующем значении: «взломщик электронных замков, компьютерный хулиган, проникающий в закрытые компьютерные системы, банки данных, сети, разгадывая или похищая охранные коды файлов» [3], а в рекламных объявлениях встречается это же слово в качестве названия специализации программиста. В сочетании с прилагательным *этичный* слово получает положительную коннотацию, демонстрируя достаточно редкое в этой группе слов явление междусловной энантиосемии. Симулируя атаки из Интернета или со стороны внутреннего источника, *этичный хакер* определяет слабые места в сети компании. Затем он работает с клиентами, определяя приоритеты в устранении самых серьезных угроз для их сетей и предлагая свои решения.

Рекламная деятельность, пиар

В настоящее время в рекламном бизнесе используется значительное количество новообразований со значением лица, деятеля. Это разнообразные производные от английского *taker* – творец, создатель: *имиджмейкер*, *пейджмейкер*, *клипмейкер* и др. Производные от *медиа* (англ. media) – средства массовой информации: *медиа-байер*, *медиа-планер*: «В рекламном отделе Яндекса открылась вакансия медиапланера. Работа на дому (проведение рекламных кампаний по разным темам, анализ проведения рекламных кампаний)».

Среди новых наименований лиц, задействованных в производстве разных видов рекламы, можно выделить названия новых творческих профессий и специальностей, таких, как, например, *копирайтер* (англ. copywriter) – сотрудник какой-либо фирмы, часто рекламного агентства, занимающийся написанием рекламных, имиджевых и презентационных текстов, также создающий на основе творческого задания (брифа) идеи и концепции текстов для всех видов рекламы; *креатив-менеджер* (< англ. creative – творческий, созидательный) – сотрудник рекламного агентства, в чьи обязанности входит разработка концепций рекламных проектов, фирменного стиля компании. А также названия профессий, связанных с практическим воплощением творческих идей в жизнь: *неонщик* – специалист по наружной рекламе; *пластификатор* – специалист по разработке пластиковых композиций в рекламе, фотобизнесе; *плоттерщик* – специалист, работаю-

щий на плоттере – малогабаритном печатном устройстве; *регистратор наружной рекламы* – отвечает за формирование пакета регистрационных документов для наружной рекламы; *макетчик* – специалист по изготовлению макетов, размещению компонентов на рекламных макетах, монтажу объектов наружной рекламы; *матрицор* – в редакциях и рекламных агентствах отвечает за изготовление матриц.

Сфера услуг

Самую многочисленную группу новых слов, обозначающих наименования лиц по профессии, специальности, составляют слова, связанные с предоставлением разнообразных услуг населению в таких тематических группах, как общественное питание, гастрономия, кондитерское мастерство: *бариста, бар-менеджер, кальяник, кандалатчи, кофе-леди, менеджер зала, пиццамейкер, сушист, титестер, фуд-стилист, фумелье, хостес, шоколатье*); косметология, красота, мода: *брейдер, визажист, маникюрист, пирсингер, тату-мастер, трендовочер, шопер, эпиляторша* и др.; развлечения, организация досуга: *администратор на ресепшен, аниматор, багажист, визовый менеджер, метрдотель, туроператор, отельер, event-менеджер* и др.; уборка помещений, территорий, помощь в ведении домашнего хозяйства: *гринкипер, евродизайнер, менеджер по клинингу, фитодизайнер* и др., что свидетельствует об интенсивности развития именно этих сфер услуг в настоящее время.

Таким образом, новые слова, обозначающие наименования лиц по профессии, специальности, роду выполняемых служебных обязанностей, появляются преимущественно в активно развивающихся областях: экономика и финансы, торговля, реклама, сфера услуг. Это обусловлено как экстралингвистическими (развитие рыночной экономики, банковского дела, внедрение высоких технологий в производство, распространение разнообразных видов связи, Интернета), так и интралингвистическими факторами. Язык не терпит пустот, и вызванные к жизни явления окружающей действительности требуют своего наименования, появления новых слов.

Литература

1. Словарь иностранных слов / Под ред. И.В. Лехина, Ф.Н. Петрова. М., 1949.
2. Словарь русского языка. В 4 т. (МАС). М., 1985–1988.
3. Словарь современных понятий и терминов / Под ред. В.А. Макаренко. М., 2002.

*Язык прессы***Адресант и адресат
в современной периодике***© Н. И. КЛУШИНА,**доктор филологических наук*

В статье говорится о необходимости корректировки традиционных для отечественной журналистики ролей адресанта и адресата в новых условиях информационного общества, в котором СМИ отходят от своей социальной миссии и все больше становятся продавцами новостей. Это приводит к вытеснению содержательной основы журналистики стилистическими экспериментами.

Ключевые слова: стилистическая миссия, социальная миссия, масс-медиа, адресант, адресат, парадокс медийного адресата, информационное общество, эстетика стиля, тавтологичность содержания.

На современном этапе развития российских массмедиа важнейшей проблемой (помимо «обязательных» культурноречевых проблем), с точки зрения стилистики, является потеря и размывание смысла.

Бесконечная ротация однотипных сюжетов по многочисленным каналам массмедиа, рерайтинг и коммуникативные скандалы, расширяющие одну и ту же новость, приводят к движению и наращиванию информации, а не нового смысла.

В принципе, *информация / информирование*, понимаемое как поставка обществу новостей, – это и есть ведущая функция массмедиа, что давно уже признано и описано в западной научной традиции. У нас же в разные исторические периоды медиа играли то позитивную роль воспитателя, то негативную роль манипулятора.

Информационное общество, в котором информация является товаром, имеет, по выражению Н. Лумана, «крайне высокие притязания на избыточность и вариативность» [3. С. 175]. Это как в моде: стремление насытить рынок товарами на любой вкус, когда одна и та же модель / тема выступает в различных модификациях оформления.

В современных СМИ один и тот же факт предстанет в различных «стилистических обертках». Форма становится превалирующей ценностью. Оригинальность авторского стиля является преимуществом в условиях информационного общества, в котором массмедиа делают бизнес на потреблении информации; эстетика стиля может скрыть тавтологичность содержания. При таком подходе информация практически теряет свою ценность.

Сегодня информация доступна для адресата 24 часа в сутки в любой точке его пребывания. СМИ, вовлекаясь в рыночные отношения, все больше отходят от социальной ответственности, превращаясь из ментора (в положительном смысле данного слова) в продавца новостей.

Рыночная коммуникативная модель корректирует привычные роли *адресанта* и *адресата*. В советской журналистике адресат рассматривался как объект воздействия (воспитания). Адресант (почти по Вольтеру) видел в адресате «одного из своих братьев, таких же двуногих существ без перьев, имеющих душу» [1. С. 105], на которую и следовало воздействовать. Отсюда и преобладание тенденциозной журналистики (публицистики).

Сегодня адресат сам выбирает ассортимент изданий и каналов, тем самым дифференцируя себя как личность, а адресанту остается *стиль*. То есть в информационно-торговых отношениях СМИ отказались от социальной ответственности за так называемое «воспитание общества». Адресат теперь сам отвечает за свой выбор информационных продуктов. Как писал В. Франкл: «Мы живем в обществе изобилия, средства массовой информации заливают нас потоками стимуляции... Если мы не хотим утонуть в этом потоке..., то мы должны научиться различать, что существенно, а что нет, что имеет смысл, а что нет, за что отвечать, а за что нет» [4. С. 39].

Но не каждый адресат оказался готов к смене ролей. *Парадокс медийного адресата* в том, что он массовый, но эта массовость не однородна, а стратифицирована. Мы можем среди медийной аудитории выделить интеллектуальную элиту, ориентированную на высокие духовные ценности, и прагматически ориентированный так называемый средний класс, а также массового (массовидного – в терминах А. Грамши) человека, предпочитающего из всего медийного контента сектор развлечения. Брошенный в пучину информации без спасательного круга ориентирующей идеологии российский массовый адресат в первую очередь обвиняет СМИ в падении культуры, размывании морали, хотя на самом деле здесь есть большая вина и самого адресата.

Многие читатели по привычке ждут от СМИ гораздо большего, чем те им предлагают. Российский адресат приучен искать в массмедиа ответы на вечные русские вопросы. Но, каждый раз выставя претензии к низкокачественным продуктам медиа, мы должны понимать, что в

этом в одинаковой степени виноваты и мы как адресаты. Н. Луман так сформулировал главный вопрос своей теории массмедиа: «Что представляет собой общество, которое именно так описывает себя и свой мир?» [3. С. 29]. И этот вопрос коррелирует с отечественной традицией понимания журналистики как социально ориентированной творческой деятельности. Даже с точки зрения стилистики, признающей самоценность формы, в журналистике «идеология» (понимаемая как культурные и мировоззренческие общественные идеалы) не должна находиться на периферии и подавляться стилистическими экспериментами.

С этой точки зрения наиболее социально ориентированными и стилистически «успешными» являются качественные СМИ («Коммерсантъ», «Независимая газета», «Московские новости», «Известия» и др.). Качественная пресса формирует и утверждает культурные и идеологические доминанты, консолидирующие и ориентирующие российское общественное сознание. В пространстве качественных медиа формируется русский национальный стиль, понимаемый нами как стиль эталонный [2], содержательную основу которого составляют важнейшие концепты и идеологемы российского общества.

В желтых СМИ содержательная основа стиля вытесняется курьезами и сенсациями, тем самым социальная миссия подменяется «стилистикой эпатажа» – эмоциональностью и сниженностью речи, ориентированными на утилитарные цели: увеличение тиражей и, следовательно, прибыли.

Таким образом, социальная миссия журналиста коррелирует с «миссией стилистической», понимаемой как ориентация СМИ на высокую культуру и производство новых смыслов.

Литература

1. *Вольтер*. Философские повести. М., 1953.
2. *Клушина Н.И.* Русский национальный стиль и его реализация в текстах современных СМИ / «Stylistyka XXI». Opole, 2012.
3. *Луман Н.* Реальность массмедиа. М., 2012.
4. *Фраукл В.* Человек в поисках смысла. М., 1990.

Язык прессы**Термины сферы образования в СМИ**

© Ю. В. СИТНИКОВА

В области образования появляются новые термины. Попадая на газетные страницы, они часто меняют свой вид или замещаются вариантами, синонимами, парафразами и т.п.

Ключевые слова: термин, субституция, функциональный стиль, аббревиация.

Вопросы теории терминообразования остаются значимыми в начале XXI века в связи с развитием информационных технологий, интеграцией России в мировое образовательное пространство и другими изменениями в современном обществе, что не могло не вызвать увеличения количества терминов, обозначающих фундаментальные и прикладные понятия социально-культурной сферы.

В области образования также существенно перестроился понятийный аппарат. Появление новых терминов отчасти связано с такими факторами, как подписание Болонской декларации, в которой закреплён переход на двухуровневую систему подготовки обучаемых – бакалавриат и магистратуру; реализация национального проекта «Образование»; создание национальных исследовательских университетов. Развитие современных информационных технологий, курс на модернизацию образования также стимулировали создание большого количества терминов, требующих описания, декодирования и лексикографической регистрации.

В публицистических текстах термины часто заменяются вариантами, дублетами, условными синонимами, профессионализмами, жаргониз-

мами, перифразами, родовыми терминами. Они могут употребляться в виде семантического стяжения, в частности, пропуска при повторном употреблении определяющего компонента, который выражает атрибутивный признак. Так, видовой термин «информатизация образования» заменяется родовым – *информатизация*: «*Информатизация образования* – одно из важнейших направлений национального проекта “Образование”, которому уделяется огромное внимание как на федеральном уровне, так и на местах. Наш сегодняшний разговор – о стратегических направлениях *информатизации образования*, о том, как будет идти *информатизация* в новом учебном году...малокомплектных школ. Большинство из них расположено в сельской местности, в удаленных районах. Что делать с *неэкономичными учебными заведениями*? ... В начале 2009 года Министерство образования и науки РФ озвучило свою концепцию развития “*малокомплект*”, согласно которой прекратят свою работу 135 школ с численностью детей от 1 до 11 человек. Обоснование таково: *качество образования в крупных школах выше*» (Учительская газета. 2009. 18 авг.). Здесь термин «малокомплектная школа» заменяется нетерминологическими вариантами «неэкономичные учебные заведения», «малокомплектки», при этом не нарушается терминологический баланс, и стилистика текста выдержана в едином культурно-языковом срезе.

Если языковые варианты всегда могут выступать в функции замещения, то обратной зависимости не существует: слово-субститут не обязательно является вариантной разновидностью какого-либо термина. Основным критерием ограничения терминовариантов от субститутов является принадлежность взаимозаменяемых единиц к одному терминологическому полю: варианты фиксируются только в пределах определенной терминосистемы, субституты могут находиться и за ее пределами [1. С. 49–51].

В периодической печати в роли структурных компонентов специального языка сферы образования выступают не только термины, но и общеупотребительная лексика, с помощью которой могут быть выражены общая оценка специальных понятий, модальность, отношение автора (так, в приведенном примере термин «малокомплектная школа» толкуется с помощью нетерминологического варианта «неэкономичные учебные заведения», где прилагательное «неэкономичные» имеет оценочную коннотацию «несвыгодные в хозяйственном отношении»).

С этой точки зрения, обоснованно полагают Р.И. Тихонова и Ю.В. Сложеникина, не являются вариантными субституты, относящиеся к общеупотребительной лексике [Там же]. По классификации этих ученых, среди общеупотребительных единиц для устранения терминологических повторов могут использоваться также слова широкого объема, то есть общенаучные и общетехнические лексемы с категориальным

значением. Например, все наименования современных технических средств обучения (*интерактивная доска, мультимедийные средства, документ-камера* и др.) можно заменить словами с предельно обобщенным значением типа *оборудование, инструмент, устройство, установка, техника* и др., что и делают журналисты в публицистических текстах: «Дмитрий Медведев с супругой побывали в Ивановском детском доме № 3. К Рождеству они преподнесли ребятам подарки. Вместо старого класса кабинет был отремонтирован и оснащен 12 современными компьютерами и *интерактивной* школьной *доской*. Медведев лично проверил, как работает *техника*» (Российская газета. 2011. 7 янв.).

Надо отметить, что использование в периодической печати составных терминов обуславливает различные проявления вариантных отношений между ними. Уже сами по себе развернутые словосочетания способны передавать большее число признаков специального понятия, повышающих степень его семантической мотивированности: они являют собою реализацию возможности соединения в нем детализированного понятия и его компонентов, которое допускает понимание терминосочетания вне контекста, приближая его к однозначному. Недостатком же подобной однозначности надо признать громоздкость текста, заставляющую журналиста в стремлении к экономии языковых средств искать более короткий его вариант. В этом случае журналисты прибегают к аббревиатурам: *ИКТ* – информационно-коммуникационные технологии, *НПФ* – нормативно-подушное финансирование, *ППЭ* – пункт проведения экзамена, *ЕГЭ* – единый государственный экзамен, *ГИА* – государственная итоговая аттестация, *КИМ* – контрольные измерительные материалы, *НСОТ* – новая система оплаты труда, *проф(ессиональный) + стандарт, проф(ессиональная) + ориентация, гос(ударственный) + стандарт, НИУ* – национальный исследовательский университет и др. Например:

«Напомним, что седьмого октября прошлого года Президент РФ Дмитрий Медведев подписал Указ № 1448 “О реализации пилотного проекта по созданию *национальных исследовательских университетов*”... Согласно указу, в ближайшее время в России появятся целых два *НИУ*: на базе МИФИ планируется создание Национального исследовательского технологического университета (НИТУ). *НИУ* – это фактически российское воплощение легендарных западных университетских корпусов наподобие Оксбриджа» (Учительская газета. 2009. 17 февр.).

В последние годы аббревиация как способ экономии речевых средств используется все активнее и становится характерным признаком терминологической сферы образования. Для ввода таких специальных сочтаний авторы, как правило, используют заголовок статьи, где расшифровывается смысл «сэкономленного» слова: «Развитие универсальных учебных действий (*УУД*) на интегрированных занятиях информатики и английского языка» (Учительская газета. 2012. 29 апр.). Другие аббре-

виатуры, по сути, – сложные образования, состоящие из двух компонентов: «*ФГОС НОД* (Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования. – Ю.С.)» выдвигает требования к формированию у школьников метапредметных результатов...» (Учительская газета. 2012. 22 февр.).

В целях сокращения термина из него могут устраняться малоинформативные составляющие: федеральный компонент государственного образовательного стандарта общего образования – *федеральный компонент*; федеральный государственный образовательный стандарт нового поколения – *новый образовательный стандарт*; порог восприятия учебного материала – *порог восприятия*; индивидуальная форма организации обучения – *индивидуальное обучение*: «Наш Центр образования стал одной из пилотных школ Зеленограда, в которых начали внедрять *федеральные государственные образовательные стандарты нового поколения...* *Новый образовательный стандарт* – это документ, который ставит учителя в достаточно жесткие рамки...» (Учительская газета. 2011. 9 авг.).

Ю.Н. Караулов подчеркивает, что варьирование терминологической лексики имеет ряд преимуществ. Специальные наименования, характеризуя объекты науки с разных сторон, выявляют существенные их свойства: универсальность, системное устройство, посредничество между деятельностью интеллекта и речепроизводством, опорой не на семантику (значение), а на смысл (знания) [2. С. 185].

Анализ газетных материалов показал, что структурные особенности текста либо способствуют, либо препятствуют субституции. Как правило, в начале статьи употребляется термин: «В “РГ” от 1.02 и 2.02 мы рассказали о тех новшествах, которые ожидают выпускников на *ЕГЭ*, и дали расписание *единого госэкзамена*. Сегодня “РГ” печатает закон о внесении изменений в нормативные акты, которые касаются сдачи *ЕГЭ* и поступления в учреждения начального, среднего и высшего профобразования» (Российская газета. 2011. 4 февр.). Надо отметить, что термин *единый государственный экзамен* стал менее частотным по числу употреблений в газетных текстах, поскольку журналисты намного активнее используют его сокращенный вариант *ЕГЭ*.

Следует подчеркнуть, что в последнее время в изучении термина акцент смещен с анализа дифференциальных специфических признаков на исследование его реального функционирования: «Термин – понятие функциональное, т.е. выполняет функции знака профессионального понятия» [3. С. 39], следовательно, и рассматривать его нужно в контексте. Именно контекст является одним из условий достижения семантической однозначности [4].

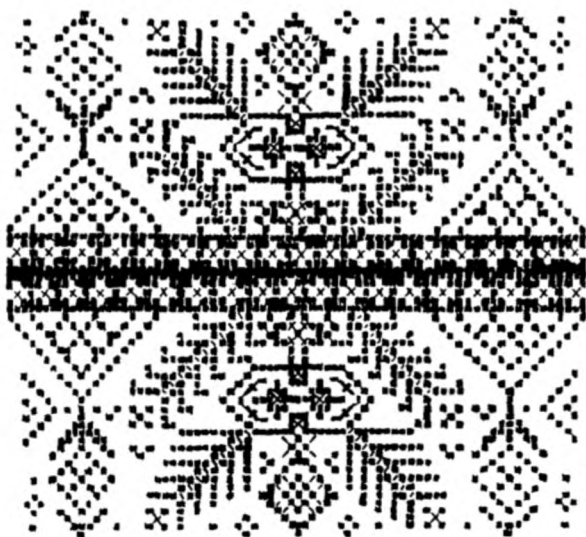
То, что в современной науке большое внимание уделяется проблемам функционирования терминов, связано как с развитием лингвистики тек-

ста, теории научно-технической информации и аналитико-синтетической переработки текста, так и с различными процессами, происходящими с терминами при их попадании в публицистические, художественные и другие тексты. Материалы СМИ в этом отношении представляют собой ценный языковой материал, позволяющий анализировать «профессиональную состоятельность» того или иного термина, его функциональное наполнение в конкретной ситуации, а значит, создают прецедент для появления новых понятийных единиц речи. Эта область исследований называется функциональным терминоведением, и она активно развивается в XXI веке.

Литература

1. Тихонова Р.И., Сложеникина Ю.В. Варианты и субституты в терминологии // Вестник Самарского государственного педагогического университета: 60-летию Победы посвящается: Институт филологического образования. Самара, 2005. С. 47–64.
2. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 2004.
3. Авербух К.Я. Терминологическая вариативность: теоретический и практический аспекты // Вопросы языкознания. 1986. № 6.
4. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.

*Коломна,
Московский государственный областной
социально-гуманитарный институт*

Украинский суржик

© О.Л. БОГОМАЗОВА

В статье рассматривается такое явление, как суржик, который появился в результате сосуществования в Украине русского и украинского языков. Исследуется степень территориального распространения суржика, а также его использование в различных сферах общественной жизни.

Ключевые слова: русский язык, украинский язык, суржик, двуязычие, социолингвистика.

Тесное сосуществование украинского и русского языков, неравномерное распределение их по функциям в XX веке сформировало ситуацию двуязычия в Украине и усилило эту тенденцию после дезинтеграции Советского Союза. В СССР ситуация двуязычия не вызывала неодобрения у большей части населения и воспринималась как отражение реальных процессов сближения наций и народностей, контактирования и взаимообогащения языков и культур [1]. При этом явное доминирование русского языка и его особый статус в Советском Союзе ставили во многих ситуациях русскоязычное население в привилегированное положение.

Хотя украинский язык в 1989 году был признан единственным государственным [2], русский и украинский языки продолжали сосуществовать: первый использовался в межнациональном общении, а второй применялся в быту, а также в устной и письменной речи научной и художественной интеллигенции и частично в системе высшего и среднего образования.

Основные признаки, разделяющие Украину на регионы использования того или иного языка, – это территориальная принадлежность носителей языка, их социальный статус, возраст, определенная диалектная группа, политическая и религиозная ориентация. На территории Украины выделяют украиноязычные (Буковина, Галиция, Волынь) и русскоязычные регионы (Крым, Центральный Донбасс), а также местности, где представлены два языка, но преобладает русский (Восток и Юг), и регион, где население в одинаковой степени владеет обоими языками (Центр).

Речь определяет, к какой социальной группе принадлежит тот или иной человек. К носителям украинского языка Восточной, Южной и отчасти Центральной Украины относятся в основном выходцы из сельской местности и часть представителей интеллигенции. Переезжая в города и приспособляясь к преимущественно русскоязычной среде, они начинают употреблять русские слова, хотя произношение остается прежним. Желание говорить на русском у них объясняется тем, что украинский язык ассоциируется с деревенским прошлым, а русский – с городом и городской культурой. Эти люди, как правило, не имеют высшего образования и не владеют навыками литературного языка. Совершенствование русской речи, пополнение своего речевого ресурса понимается ими как возможность сменить малопrestiжные работы и повысить свой социальный статус. Речь таких людей для достижения коммуникативного эффекта должна быть легко воспринимаемой и без труда воспроизводимой.

Сегодня старшее поколение жителей украинских городов (выходцы из сельской местности) предпочитает использовать украинский язык. Тогда как их дети, получившие образование в школах и вузах на украинском языке, зачастую свободно им владея, мало используют украинский в повседневном общении и предпочитают русский.

Еще одна языковая тенденция Украины сегодня – это распространение суржика, который часто ассоциируют с интерференцией – явлением, когда два языка конкурируют между собой и один накладывается на другой.

Существует несколько вариантов определения суржика. Словарь Б. Гринченко трактует понятие *суржик* так: «Мешанина языков, неправильная речь, просторечное употребление одновременно украинских и русских языковых фактов» [3]. Энциклопедия «Украинский язык» дает

следующее определение суржику: «язык, в котором объединены, не придерживаясь литературных норм, элементы разных языков. Употребляется по отношению к украинскому просторечию, засоренному немотивированно заимствованными элементами русского языка» [4].

Этимология названия *суржик* указывает на то, что этот термин заимствован из сельскохозяйственной лексики и обозначает «смесь зерна и жита, жита и ячменя, ячменя и овса и т.д.; тесто из такой смеси» [5].

По данным Киевского международного института социологии, на суржике общается от 11 до 18% всего населения Украины. На «смеси» русского и украинского говорят от 2,5% на Западной Украине, до максимального показателя 21% в областях Левобережной Украины; в южных и восточных регионах количество носителей суржика значительно превышает долю украиноязычного населения (на Юге говорят на суржике 12,4%, на украинском – 5,2%, на Востоке Украины используют суржик 9,6%, а украинский – 3,7%) [6]. По данным всеукраинского исследования, которое провел в 1998 году центр социологических исследований Киево-Могилянской академии, на суржике отвечали 15–16% респондентов [7].

«Суржикоязычное» население во время проведения социологических опросов обычно фиксируется как украиноязычное. Суржик не имеет какого-либо официального статуса и рассматривается украинскими властями как испорченный русизмами украинский язык.

Следует отметить и обратный процесс, когда украинизмы проникают в русский язык [8]. Можно выделить две группы украинизмов, встречающихся в современной русской прессе:

1) имеющие эквиваленты в русском языке (*державный* – *государственный*, *жовто-блакитный* – *желто-голубой*, *самостийный* – *самостоятельный* и др.);

2) не имеющие эквивалентов в русском языке: а) воинские звания, связанные с историей Украины (*гетман*, *кошевой*, *казак* и др.); б) названия украинских блюд и напитков (*горилка*, *галушки* и др.); в) названия одежды, обуви, головных уборов (*оселедец*, *вышиванка* и другие подобные слова).

Население российских областей, смежных с Харьковской, особенно Белгородской и Воронежской, также использует суржик, считая при этом, что говорит по-украински.

Слово *суржик* использовалось и для обозначения национальной принадлежности. Так в отдельных районах Украины называли детей, рожденных в русско-украинских браках. Естественно, в детском возрасте они, воспроизводя речь обоих родителей, говорили на смеси языков.

Большое число людей пользуется суржигом в домашней обстановке, некоторые из них не могут разграничить украинский и русский языки, не отдавая себе отчета в том, что их смешивают. Однако, суржик тех

людей, которые осознают смешение языков, отличается от суржика тех, кто этого не осознает – в нем преобладают преимущественно украинские или преимущественно русские слова. К тому же суржик используется детьми, которым в школе преподают на украинском, а в своей семье они говорят в основном на русском. Те, кто разговаривает на суржике ежедневно, не ощущают дискомфорта от своей речи и не замечают ошибок. При этом они не владеют ни одним из двух языков в совершенстве, а результатом становится низкий уровень языковой культуры.

Суржик проникает во все сферы общественной жизни. На нем говорят не только в семьях, в транспорте, на улице, на рынке, на почте, на работе, его можно услышать на совещаниях, в объявлениях, в школах и институтах. Известны случаи проникновения суржика и в официальные документы.

Суржик встречается в сфере обслуживания, в текстах рекламы, в названиях товаров, магазинных ценниках, меню в кафе и т.д. На вывесках и билбордах можно встретить «піццерію» с двойным *и* и «парфюмерію» через *ю*, не свойственными украинскому языку, а также «товари по самим низьким цінам» вместо «товарів за найнижчими цінами». Он не является редкостью и в правительственных органах Украины. Как отмечает А. Погрибный, 15% депутатов Верховной Рады говорят на украинском, 15% – на русском, а 70% – на суржике [9]. Украинская пресса не является исключением [10]. Олег Ляшко, лидер Радикальной партии, так описал журналистам драку в Верховной Раде, произошедшую между ним и вице-спикером А. Мартынюком: «Хватає чотирма пальцями за кадик і вале на пол». А в устах премьер-министра русское слово «кровососы», пропущенное сквозь украинскую транскрипцию, превратилось в комично-жутковатое «кровосісі».

Суржик можно услышать и на телевидении. Например, долгое время шла передача «СВ-шоу», в которой ведущая Верка Сердючка (Андрей Данилко) общалась со звездами украинского и российского шоу-бизнеса на понятном всем суржике. Большое количество русизмов начали включать в язык художественной литературы и использовать на эстраде, с одной стороны, как средство отражения реальной жизни, с другой – как комический прием. Использовал суржик и известнейший эстрадный юморист 40–60-х годов Ю.Т. Тимошенко (Тарапунька), выступавший в дуэте с Е.И. Березиным (Штепселем).

Существует три варианта использования суржика.

Суржик используется спонтанно, неосознанно, когда просторечие или местное наречие с многочисленными русизмами являются фактически единственным языковым поведением лиц, неудовлетворительно владеющих как украинским, так и русским литературным языком и не придающим значения особенностям своей речи [11].

Осознанное использование суржика свойственно лицам, которые знают оба языка, но не обладают автоматизмом в их использовании. Они ощущают неудобства из-за отсутствия номинативных либо стилистических средств украинского литературного языка в своей языковой компетенции, но не желают переходить на русский язык, в частности, заменяя украинские просторечные слова русскими литературными. Например: «В семье общаемся на українськом языке, даже на суржику, можно сказать...» [Там же].

Встречается произвольное проникновение элементов суржика в «базовый» язык, либо «базового» языка в суржик. Оно характерно для лиц, хорошо владеющих одним языком и изучающих второй – русский или украинский. Например: «(Шо ти можеш про це сказати? Будем изучать чи не?)» [Там же].

Суржик был отмечен у первого автора, писавшего на разговорном украинском языке, Ивана Котляревского. Герои его «Наталки-Полтавки» (1819) живут патриархальным укладом, традициями предков, поэтому разговаривают на чистом украинском языке, который сохранился со времен Гетманщины. Единственным исключением является Тетерваковский, который занимал административный пост в Полтаве и использовал канцелярский суржик («письменство не есть преткновение ілі поміха ко вступленію в законний брак») (перевод: писательство не есть преткновение или помеха ко вступлению в законный брак). Эти обстоятельства, зафиксированные в литературном произведении, точно отражают исторические тенденции того времени.

Но в конце XIX века ситуация меняется коренным образом: создается единый товарный рынок, проводят железнодорожные пути, вводят всеобщую воинскую повинность, что в свою очередь повлияло на развитие более-менее постоянных контактов украинских крестьян с российской администрацией, фабрикантами, полицией, офицерством и формированием малороссийского диалекта.

В современной украинской литературе суржик встречается довольно часто – авторы преимущественно используют его для усиления комизма. Например, социопсихологический портрет семейного тандема суржико-говорящих мужа и жены стал объектом иронии в повести Светланы Пыркало «Зеленая Маргарита»: «Вони цілими днями переймаються, як би зекономити гроші, купивши щось дешеве, але “хароше”... Щоб зекономити на обіді, вони постійно носять з собою якісь баночки, кульочки, булочки. Всі між собою говорять по-російськи, а з чоловіками по телефону – суржилом. Не знаю, що це за рудимент радянської свідомості, чому вже між собою не говорити суржилом?» [12. С. 24].

В языке украинской молодежи, получившей или получающей высшее образование, суржик – это, зачастую, элемент языковой игры. «Стебный» суржиковый монолог вполне может спровоцировать аффилиатив-

ную реплику, которая демонстрирует «вживание» в «суржиковый образ» собеседника. Например: « – А то сидим ми..., коли хто-то підходе, чуваки, треба допомогти, тільки на путях. Ну ми давай спасати, підходимо, а вона п'яна. Сумки стоять. Їхала в Москву, поїзд пробухала» (перевод: – А то сидим мы..., когда кто-то подходит, чуваки, нужна помощь, только на путях. Ну мы давай спасать, подходим, а она пьяная. Сумки стоят. Ехала в Москву, поезд пробухала») [Там же. С. 13].

Несмотря на то что государственный язык в Украине один, и это украинский, фактически без его знания можно оканчивать вузы, получать украинское гражданство, занимать высокие государственные посты и выступать публично. Если в 1995 году на изучение украинского языка в украинских школах отводилось максимум пять часов в неделю, то сейчас – всего три с половиной. При этом старшеклассники учат государственному языку всего два часа в неделю. Обучиться качественному русскому шансов еще меньше. На нем ведется преподавание лишь в 1,6 тысяч из 20 тысяч отечественных общеобразовательных учреждений. В остальных школах, и то далеко не во всех, русский язык преподают лишь факультативно один раз в неделю и без выставления баллов [13].

Принятие Верховной Радой в апреле 2012 года Закона об основах государственной языковой политики [14] на практике не сильно повлияло на установление паритета между русским и украинским. Данная ситуация благоприятствует распространению суржика, в результате чего появляется множество речевых ошибок, которые не осознаются людьми, например: *по містам* – надо *по містах* (по городам); *на протязі* – надо *протягом* (в течение); *в кінці кінців* – надо *зрештою* (наконец); *рулити* – надо *кермувати* (управлять); *співпадати* – надо *збігатися* (совпадать) и др.

Таким образом, суржик в Украине сегодня стал доминантным семейным языком, а русский язык – элементом адаптивной профессионально-служебной деятельности. Суржик не исчезает, напротив, актуализируется в определенных коммуникативных ситуациях. Украинский язык остается семейным для поколений «мать, отец – дети», а русский и суржик – средством адаптации к социуму «взрослой жизни».

Литература

1. Сапін Ю.Ю. Фактори вибору мови спілкування в умовах близько-спорідненого білінгвізму (на матеріалі Запорізької області УРСР) // Мовознавство. 1988. № 4.
2. Закон УССР «О языках в Украинской ССР». 1989. № 45.
3. Гринченко Б.Д. Словарь української мови. К., 1996. Т.4.
4. Українська літературна мова. Енциклопедія. К., 2000.

5. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1987 Т. III.
6. Исследование Киевского международного института социологии. Режим доступа: <http://www.kiis.com.ua/txt/pdf/ing-ethn.pdf>.
7. Масенко Л. Мовна ситуація України. Режим доступа: http://www.ji.lviv.ua/n35texts/masenko-mov_syt.htm.
8. Николенко Н.И. Функционирование украинизмов в русском языке // Русский язык. Исторические судьбы и современность. II Международный конгресс исследователей русского языка. М., 2001.
9. Погрибний А. Суржикізація // Слово просвіти. 2004. № 29–30.
10. Маловський Р. Стан української мови в сучасних засобах масової інформації // Українська мова. 2000. № 5.
11. Отношение к языку и его выбор. Режим доступа: <http://old.eu.spb.ru/ethno/projects/project3/ukraine/017.htm>.
12. Пиркало С. Зелена Маргарита. К., 2003.
13. Иванова Е. Пропавшая грамота. Больше половины жителей Украины не владеют толком ни русским, ни украинским // Корреспондент. 2012. № 38.
14. Закон Украины «Про засади державної мовної політики». № 5475-VI от 06.11.2012.

МГУ им. М.В. Ломоносова

Символические жанры рассказа о Казанском походе в «Степенной книге»

© Н. В. ТРОФИМОВА,
доктор филологических наук

Работа раскрывает значение и стилистические особенности символических эпизодов, включенных в повествование «Степенной книги» о Казанской победе Ивана IV.

Ключевые слова: «Степенная книга», видение, чудо, знамение.

Казанский поход Ивана IV был одним из центральных событий XVI века, отразившимся во всех монументальных исторических повествованиях, в том числе в «Степенной книге царского родословия». Этот памятник представлял собой изложение русской истории в форме агиобиографий русских князей. Текст делился на степени (ступени лестницы, по которым русский княжеский род восходит к Богу), степени на главы, главы на титулы.

Походу на Казань посвящена глава десятая семнадцатой степени, которая называется «О боговодимем подвиге царя и великаго князя и како покори ему Бог Казаньское царство и православием просвети, и знамениях многих, и о прочих градах» [1. С. 357]. Заглавие ясно выявляет понимание автором причин победы над вражеским царством: это событие «боговодимое», Казань покорена русскому царю по Божьей воле. Такая трактовка событий сказалась на конкретных деталях рассказа о походе, а в выражении авторского замысла большую роль приобрели символические жанры: *видения, чудеса, знамения*.

Сами древнерусские книжники не разделяли четко эти явления, и в современной медиевистике их соотношение понимается учеными по-разному. Поэтому определим, как будут использоваться эти термины в данной работе.

Видение – это повествование о явлении реальным людям небесных сил, которые пророчествуют о будущем, призывают к определенным действиям, или чье появление предвещает дальнейшие события.

Чудо – рассказ о сверхъестественном событии, происходящем по воле Бога и по молитве людей, удостоенных божественного покровительства.

Знамение – жанр, повествующий о необычных явлениях природы, связанных с проявлением божественной воли и предвещающих последующие события.

Титлы 7–9, 11–12, 18, 20, 22–24 десятой главы семнадцатой степени рассказывают о видениях, чудесах, знамениях, предсказывающих победу Руси над Казанью.

Персонажи, появляющиеся в чудесах и видениях, в большинстве своем лишены собственных имен, но приобретают некоторые индивидуальные, часто весьма необычные, характеристики: это *детищь*, родившийся от коровы и превратившийся на глазах очевидцев в мужа «совершена возраста», «и яко въоружен видеса»; *человек состаревшийся*, выловленный в Волге казанскими рыболовами; *муж сед власы*, явившийся татарам в «избе земленой», «черноризец», ходивший «на цареве дворе» после смерти Сафа-Гирея, «человек во иноческой одежде», многократно являвшийся на месте, где потом был построен Свяжск. Примечательно, что большинство этих персонажей подчеркнуто преклонного возраста: так акцентируется их мудрость, которая заставляет их дать совет казанцам покориться московскому царю.

Предметный мир видений отличается конкретностью. В титле 9 «Чудо во граде» описывается обстановка, в которой появляется неназванный святой, уговаривающий казанцев подчиниться Ивану IV и предрекающий, в случае неподчинения, гибель многих жителей. Вошедшие в «земляную избу» татары «видеша ю теплу и благовонну, яко же христианскую избу и пещь полную хлебов пшеничных. И в единой стране в избе тои одр и постеля вельможска, на неи же лежаше муж сед власы...». После пророчества святого о том, что если они не покорятся московскому царю, то большинство их погибнет, казанцы собираются убить его, говоря: «Се есть русское мечтание, убием его и ничто же будет нам». Тогда «абие невидим бысть человек тьи, ни одр, ни постеля, ни в пещи хлебы; ни благовоние, но смрад ошутися» [1. С. 360]. В описании детали христианского быта: тепло, благовоние, хлеб в печи, вельможеская постель – явно оцениваются положительно и противопоставляются сменяющему благовоние смраду при попытке убить явившегося святого.

Титлы 11 и 12 представляют сходные эпизоды. В первом случае место действия Казань, время «по умертвии же поганого царя Сафа-Гирея». Видение происходит «многожды», а тайнозрители – «татарове». Видят они «черноризца ходяща, овогда же седяща» [1. С. 361] и пытаются убить его, но он недостижим для них и, выйдя к Волге, исчезает. На сте-

нах города также иногда видели двух черноризцев, но настигнуть их не могли.

Во втором эпизоде «на Свяге реце близ великие реки Волъги, на месте, идеже ныне стоит град Свяжский многожды» видели инока, ходившего, а иногда «яко стреляюща». Являлись и священники, «пояху и кадаху». Иногда слышался звон и «пения богогласна» [1. С. 361]. Татары сами истолковали эти видения как приближение христианского владычества на Казанской земле. Однако явленные персонажи прямо не соотносены с кем-либо из святых. Интересно, что в первом видении монах назван *черноризцем*, во втором – *инок*ом. Возможно, таким образом повествователь не просто избегал повтора одного слова, но и подчеркивал, что это были различные персонажи.

Точные сведения сообщаются о чуде, когда в день Пасхи во время заутрени, служившейся для московского воинства, был слышен в Казани звон христианских церквей, которых там еще не было. Автор указывает не только время, но и место, где шла служба: «на Казаньском Устии», и обращает внимание на то, что сначала священник, а потом и «прочии слышаху и дивляхуся» [1. С. 363]. Свидетелем чуда стал не один человек, а все воинство.

Особенно конкретный облик приобретает нижегородское видение, произошедшее «по праздници же Христова Преображения» [1. С. 364] в «церкви Зачатия святыя Анны ... пред заутрем пением» [1. С. 365]. Пономарь увидел в церкви свет, «и ужасеся». Войдя в церковь, он встретил «мужа *святотелна, сединами сияюща и звонити повелевающа*» [1. С. 365]. Описание внешнего облика напоминает то, что дает иконописный подлинник о Святителе Николае: «Святой Николай муж *святотелен, честен, в святительския одежды облечен, сед власы*» [2. С. 340].

Пономарь сказал: «Не смею, господине, звонити без повеления иерея» [1. С. 365], но старец объявил, что не может медлить, поскольку идет на помощь государю. Пономарь начал звонить, а упрекавшему его позже иерею рассказал о происшедшем, и оба восхвалили Бога, а затем послали известие об этом видении к царю, который «надежею радовашеся» [1. С. 365]. Явленный в видении старец получает черты внешнего облика, а *тайнозритель* и люди, которым сообщается о видении, испытывают разнообразные чувства, упоминаемые автором. Рассказ о видении оживляется диалогом пономаря и святого.

В трех эпизодах явленные персонажи прямо названы. Это два видения Святителя Николая и видение Даниила Переяславского автору «Степенной книги» Андрею.

В первом случае автор точно называет и *тайнозрителя* видения: «некто человек богобоязлив сын, именем Тихон, иже бысть слуга Ивана Петрова сына Головина» [1. С. 366], раненый в бою, видел апостолов, святых и святителя Николая «по воздуху ходяху, неизреченным светом

оснаеми» [Там же]. Казанцы обратились к ним за помощью против русских воинов, но Св. Николай призвал апостолов благословить и освятить место, ибо Бог хочет спасти эту землю. Святые выполняют просьбу. Тихон почувствовал после этого видения облегчение ранам.

Безымянный *тайнозритель* в следующем видении Св. Николая – нижегородец, только что заснувший после того, как стоял на страже. Услышав приказ встать, он, не видя, кто с ним разговаривает, сначала отказывается, объясняя, что устал. Но, когда святой приказывает ему передать царю, чтобы тот повелел «осенить воинство свое честным крестом и святою водою окропити, се бо предаст Бог град сей Казань в руце сго» [Там же], воин идет к самодержцу, передает ему сказанное и царь поступает согласно повелению святого.

Видение Даниила Переяславского Андрею-Афанасию введено индизказательным упоминанием личности *тайнозрителя*: «Некто же, презвитерский чин имея, бысть тамо с православным царем, иже некогда имея духовный совет к преподобному Данилу Переяславскому...» [1. С. 367]. Этот перифраз – дань традиционной анонимности повествования, хотя личность Андрея вполне узнаваема.

Видение происходит в ответ на пространную молитву Андрея, в которой он просит помощи царю и всему воинству. После этого, «мало уснувшу ему», он увидел Даниила в его монастыре, окруженного «мужи святолепни», а самого себя, облеченного в мантию, у подножия «горнего места» Даниила. Некие из мужей спрашивали у Даниила, причтен ли Андрей уже к братии, и старец отвечал, что еще нет, это случится позже. Это видение подсказало *тайнозрителю*, что его молитва услышана и одновременно предрекло сго будущее пострижение в схиму.

Автор сопровождает рассказ о видении изображением действий *тайнозрителя*, которые подчеркивают жизнеподобие явленного ему во сне: проснувшись, он «осязашеся рукама, ища на себе мантии, и не осязаше невидимаго покрова Божия» [Там же].

После видения он открыл оконце и ему явилось знамение: «виде явно, а не во сне над градом Казанию свет необычен, яко велик пожар видится в граде, и разливашеся свет над всем градом. По свете же мнози столпове пресветли блешаху» [Там же]. Повторение мотива в разных формах: свет необычен, велик пожар, столпы пресветлые – предвещало торжество христианства в Казани.

Чудо, предвещающее приступ к городу, дано было самому царю, который слышал в Казани звон, «яко Симоновскаго монастыря болшаго колокола глас, и в коеждо оконце храмины свои слыша такоже звон» [1. С. 368]. Это чудо позволило надеяться на Божью помощь в будущем бою.

Как видим, большинство символических эпизодов в повествовании о походе на Казань представляют собой видения, чудеса занимают

меньшее место, знамение всего одно. Все они объединены функцией предсказания успешного завершения похода Ивана IV, которая была основной для этих жанров.

Во всех случаях проявляется в разных формах изобразительное начало: описываются детали обстановки, в которой происходят необычные явления, появляются элементы портрета персонажей, фиксируются зрительные и слуховые впечатления.

Особую роль приобретает световая символика. *Свет* как символ святости, божественного начала постоянно присутствовал в символических жанрах. Свет связан с появлением в Нижнем Новгороде Святителя Николая; *неизреченный свет осиял* апостолов и святых в видении Тихона, а благословив город, они «светом к высоте взыдоша» [1. С. 366]; свет над Казанью предвещает будущую победу православия. Наряду со светом трижды упоминается *церковный звон*, появляющийся там, где его быть не могло, и таким образом пророчествующий о торжестве христианства.

Значительную роль приобретают речи и диалоги персонажей, оценивающие события, прямо способствующие развитию действия или раскрытию смысла эпизодов.

Благодаря всем этим приемам символические эпизоды в повествовании «Степенной книги» о Казанском походе приобретают яркий образный характер и индивидуальный облик, хотя и продолжают выполнять традиционную для них функцию.

Литература

1. Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. М., 2008. Т. 2.
2. Сводный иконописный подлинник XVIII в. по списку Г. Филимонова. М., 1874.

*Московский педагогический
государственный университет*

Вывески в старой Москве

© Г.М. ПОСПЕЛОВА,
кандидат филологических наук

Статья посвящена одному из наиболее «говорящих» элементов московской улицы – вывескам, которые в той или иной форме сообщали информацию о предназначении какого-либо заведения, учреждения, о роде его деятельности.

Ключевые слова: история Москвы, городские названия, вывески.

В Москве допетровских времен, а впрочем, и много позднее «сотворение» вывесок происходило с учетом того, что большинство горожан было неграмотным, а значит владельцы лавок, магазинов, трактиров, кабаков могли рассказать о том, что они предлагают, лишь с помощью образных иллюстраций – рисунков, объемных изображений. Такие вывески особенно долго сохранялись вдали от центра города.

На вывесках пекарен и булочных рисовали калачи, бублики, сайки. Или же здесь на кронштейне подвешивался большой позолоченный либо окрашенный в желтый цвет крендель; над обувным магазином красовался изготовленный из жести сапог; над шляпным – головной убор; на вывеске лавки готовой одежды были нарисованы одетые по моде люди; у табачных лавок нередко вешали изображение восточного вида человека или же негра, курящего трубку либо сигару и т.п.

Долгое время, вплоть до начала XVIII века, по-своему, весьма необычно, представляли себя горожанам кабаки. Их в народе называли «царевые», поскольку в то время продажа водки была государственной монополией, и значит кабаки считались казенной, то есть содержащейся за счет казны собственностью, а в глазах людей просто царской. Перед этими «царевыми кабаками» выставляли елку, которая и была условным знаком – обозначением такого рода заведений.

Зачастую вывесок появлялось так много, что они покрывали фасад лавки или магазина, словно доскутное одеяло. Там можно было увидеть аппетитные сосиски с колбасами, блюдо с лежащим на нем розовым поросенком, желтоватые со «слезой» сыры, объемные шикарные чемоданы, модные очки – словом, все то, что было необходимо человеку в обыденной жизни.

Но постепенно на вывесках все чаще стали использовать слово. Или же рисунок, который сочетался с надписью.

С середины XIX века вывески – самые разнообразные – на центральных улицах встречались уже на каждом шагу. Обычно на них писали фамилию владельца или название фирмы, наименование товара или же «сообщали» о роде деятельности заведения. Например: *Молочная торговля Чикина, Магазин Елисеева и погреба русских и иностранных фирм.*

Именно такими, знаковыми для москвичей, стали фамилии, долгие годы украшавшие московские вывески, – чаепроходцев *Перлова* и *Карзинкина*, булочника *Филиппова*, кондитера *Абрикосова*, водочного «короля» *Смирнова*, владельца секретов превосходного коньяка – *Шустова*, крупнейшего торговца хлопчатобумажной пряжей *Солдатёнова*, владельца знаменитой Трёхгорной мануфактуры *Прохорова*.

Были среди таких успешных людей и иностранцы – их немало работало в Москве. Вывески иностранцы нередко писали на родном для них языке. Впрочем, достаточно скоро они стали приводить информацию о себе параллельно и на русском языке, а то и вовсе снимали иностранный вариант. И москвичи прекрасно знали вывески, на которых значилось: *Швейные машины компании Зингер, Мюр и Мерилиз* – на фронте магазина, известного сегодня как ЦУМ. В воспоминаниях старожилов частенько мелькают фамилии *Эйнем, Сиу, Бартельс* – владельцев знаменитых кондитерских фабрик и фирменных магазинов.

Однако порой появление внешне вполне иностранной вывески бывало не совсем обычным. Одна из них связана с любимыми многими детьми да и взрослыми простыми прозрачными конфетами – *леденцами*. Когда-то их делали кустари – так называли ремесленников, работавших на дому. Для изготовления этого лакомства они использовали смесь сахара с фруктовым соком. Застывшая масса затем превращалась в одноцветные, твердые, словно ледышки, конфетки.

Мастера делали леденцы разных форм. Часто они заворачивали готовые конфеты в красивые бумажки и тогда относили их в какой-нибудь большой магазин, например, на Тверскую улицу в магазин Елисеева. Здесь эти конфеты получали французское имя – *мюшансье*. Считалось, что с ним леденцы будут для покупателей более привлекательными.

Но среди кустарей был один очень искусный мастер – его звали *Федор Ландрин*. Только он умел делать двухцветные леденцы: одна половинка –

беленькая, другая – красненькая. Как-то однажды эти конфетки еще без обертки увидели гимназистки, учившиеся неподалеку. Они быстро раскупили конфеты и попросили приносить их каждый день. Для мастера это было выгодно: можно не тратить время на «одежку», на хождение в магазин, да и денег он получал больше. А прозрачные леденцы с тех пор все чаще стали называть *ландрин*. Так фамилия мастера – выходца из далекой новгородской деревни, стоявшей на берегу реки Ландры, превратилась в название конфет, и оно вошло в обиход москвичей. Позднее Федор Ландрин открыл свою фабрику. Дела его пошли в гору. Леденцы получались на славу: красивые, вкусные да и имя всем казалось очень подходящим «заграничным». Такая «необычность» была для торговли хорошей рекламой. Затем *Федор* превратился в *Георга*. И вот в начале XX века в доме князя Голицына на углу Кузнецкого Моста и Большой Лубянки открылся кондитерский магазин, на вывеске которого значилось – *Георг Ландрин*.

Владельцы различного рода мелких заведений, особенно вдали от центра, стремясь привлечь как можно больше клиентов или же покупателей, иной раз помещали на вывеске еще и «завлекательные» дополнения к основной информации. Но поскольку образовательный и культурный уровень этих людей был не всегда на высоте, такие рекламные добавки порой выглядели забавно, например:

Кролики, белки, куры и прочие певчие птицы;

Шашлычный мастер из молодого карачаевского барашка с кахетинским вином;

Парижский парикмахер Пьер Мусатов из Лондона. Стрижка, брижка и завивка;

Шлыков, мастер по обуви и подбойке подмет;

Кислощевое заведение с газировкой фрухтовой воды К. Панкратов;

Окультист, очки, пенсне, лорнеты;

Спасатель крыс, мышей, клопов, тараканов – выводит, морит с пользой. Безвредно и доступно страдающим нашествием! Тиф! Мор! Погибель! Смерть!

Весьма эффектными были вывески некоторых цирюльников – так называли когда-то парикмахеров. Они, помимо выполнения своих основных обязанностей – брить, стричь, завивать, укладывать волосы своих клиентов, нередко занимались еще и врачеванием.

Особую веру в чудодейственную силу и возможности излечения вызывала процедура кровопускания с использованием пиявок. Считалось, что это помогает при множестве болезней воспалительного характера.

Чаще всего такой способ лечения предлагался людям тучным, полнокровным, у которых, как говорили, кровь «кидала в голову». Таким

больным советовали непременно хотя бы раз в году – и обязательно в строго определенное время года – пройти эту процедуру.

Использовались пиявки не только в лечебных, но и в косметических целях. Накануне бала некоторые московские дамы для появления блеска в глазах, для яркости румянца и неутомимости в танцах ставили себе пиявки за ушами.

Найти людей, предлагавших подобные услуги, было нетрудно – в городе часто встречались вывески с их рекламой. Здесь могло быть очень лаконичное сообщение: *Дело пиявок или Ставка пиявок и банок*. Но порой рекламный текст был весьма «художественным»:

На Страстном бульваре, ставят где пиявки,

Господа, вы брейтесь, там же и стригитесь.

Кроме того, в витринах помещали стеклянные сосуды с пиявками, а то и красочное изображение процедуры пускания крови.

По-особому изобретательными в своем желании привлечь как можно больше посетителей были владельцы увеселительных заведений. Именно эти люди в начале XX века стали обустраивать крыши московских домов, где и предлагали приятно провести время. В городских газетах и журналах тогда же появилось немало сообщений о жизни, которая там кипит. Указывались и адреса таких необычных мест, рассказывалось, чем они интересны, сообщались имена их владельцев.

Своеобразной вывеской этих заведений становились прежде всего элементы их внешнего оформления. Так, молодой и предприимчивый владелец ресторана на Дорогомиловской улице Д. Розонов, финансовые дела которого находились в расстроенном состоянии, решил поправить свое положение, устроив на плоской крыше своего дома нечто вроде сада для посетителей ресторана. Он закупил растения, недорогие, но привлекательные своей свежестью. И обычно пустовавший летом ресторан стал давать неплохие доходы.

В 1913 году журнал «Живое слово» поместил фотографию кафе с садом на Долгоруковской улице – *райского места*, как прозвали его москвичи. И не даром. Тропические растения здесь соседствовали с причудливыми гротами и фонтанами, среди цветов и зелени журчали ручьи, а по вечерам гирлянды электрических лампочек манили к себе прохожих.

Тогда же появилось летнее кафе на крыше дома братьев Паршиных на Тверском бульваре – ныне там находится Театр имени А.С. Пушкина.

А за высокой балюстрадой дома № 6 на Малой Дмитровке сверкали струи фонтанов – здесь, в здании, построенном по проекту архитектора И.А. Иванова-Шица, с 1907 года размещался Купеческий клуб. Сегодня это здание занимает театр «Ленком».

Но, наверное, самой известной и наиболее многогранно используемой стала крыша дома № 10 в Большом Гнезниковском переулке.

Правда, чаще у москвичей в ходу были неофициальные названия этого места – просто *Крыша*, причем на письме обязательно с большой буквы, или *Дом Нирнзее* – имелся в виду архитектор Эрнст Карлович Нирнзее, построивший это здание в 1912 году.

Именно здесь для привлечения клиентов успешно использовались информационные сообщения – эти свособразные развернутые текстовые вариации вывесок:

Крыша московского небоскреба. Гнездниковский п. 10. Единственное летом место отдыха, где в центре города предоставляется возможность дышать горным воздухом и наслаждаться широким открытым горизонтом – незабываемые виды на всю Москву с птичьего полета – на Крыше. Подъем на лифтах с 5 часов вечера непрерывно. Входная плата на Крышу с правом подъема 20 к. Оркестр с 9 часов вечера. В закрытом зале и под открытым небом – кино.

В Москве всегда любили и умели хорошо готовить, вкусно со вкусом поесть. В городе было немало перворазрядных заведений с отличной русской кухней. На слуху были и имена их владельцев – *Гурина, Егорова, Дубровина, Карзинкина*, и названия популярных заведений, начертанные на вывесках – *Большой Московский, Ново-Троицкий, Саратов*. Но, наверное, наиболее известным в XIX веке и, как считалось, по-особому модным был трактир *Тестова*.

Когда-то, будучи еще приказчиком в одном из ресторанов, Тестов уговорил миллионера Патрикеева, желавшего видеть свос имя повсюду, вернуть себе дом, который был арендован у него для *Трактира Егорова* и сдать ему, Тестову. Находился этот дом на углу Воскресенской и Театральной площадей.

В 1868 году такая сделка состоялась. И вскоре на стене вновь отделанного, роскошного по тому времени дома появилась огромная вывеска с аршинными буквами *Большой Патрикеевский трактир*. А внизу скромно: *И.Я. Тестов*. Трактир Тестова славился, и не без основания, необыкновенно вкусными русскими блюдами. Известный журналист, писатель В.А. Гиляровский вспоминал, как он сам любил ходить к Тестову да и своих гостей водить к нему, чтобы «пообедать по-московски».

Иной раз целая компания столичной знати во главе с великими князьями специально приезжала из Петербурга съесть тестовского поросенка, раковый суп с расстегаями и знаменитую гурьевскую кашу. Или же петербургским любителям-гастрономам доставляли те или иные блюда из меню тестовского ресторана прямо к ним домой, в северную столицу.

Слава Тестова росла. А вскоре он прибавил к своей вывеске герб и надпись: *Поставщик высочайшего двора*.

Любителям же изысканной французской кухни много говорили вывески *Эрмитаж* господина Оливье, *Дюссо, Англия на Петровке, Дрезден, Лоскутная* – здесь, они знали, всегда можно было отведать столь

ценимые ими тонкие блюда, разные деликатесы и новинки из самой Франции.

А студентов того времени всего более манила вывеска *Русский трактир* на Моховой, близ университета. Сюда они заглядывали ежедневно – чтобы закусить, поиграть на бильярде.

Были в Москве и заведения, к которым особое расположение питали извозчики. Так, в центре города они облюбовали *Лондон*, что стоял в Охотном ряду, *Коломну* на Неглинной. Частенько посещали и свои любимые трактиры в Брюсовском переулке, в Большом Кисельном и самом центральном – в Столешниковом.

А вывеска одного из известнейших заведений своего времени – ресторана *Славянский базар* на Никольской улице – до наших дней это напоминание о знаменательном событии, вошедшем в летопись русского театрального искусства: здесь 21 июня 1898 года состоялась встреча К.С. Станиславского и В.И. Немировича-Данченко, с которой началась история Московского Художественного театра.

МГУ им. М.В.Ломоносова

Прямая речь И.Е. Репина

© Т.Ю. НИКОЛАЕВА

Статья посвящена литературному творчеству знаменитого русского художника И.Е. Репина. Рассматриваются используемые И.Е. Репиным языковые средства в первых, прижизненных, публикациях, последующих изданиях и сохранившихся рукописях художника.

Ключевые слова: И.Е. Репин, литературные произведения художника, воспоминания, разговорная речь, рукопись, прижизненное издание.

Илья Ефимович Репин относится к тем редким художникам, которые были одарены еще и литературным талантом. Хорошо знавший художника и непосредственно готовивший его воспоминания к публикации К.И. Чуковский в своей статье, написанной специально к первому изданию книги И.Е. Репина «Далекое близкое», впервые увидевшей свет в 1937 году, писал: «Репин-мемуарист никогда не достиг бы этой живой беллетристической формы, если бы он не владел труднейшим мастерством диалога. Живописцы в своих мемуарах большей частью основываются на зрительных образах. У Репина же во всей книге сказывается не только проникновенный, наблюдательный глаз, но и тонко изощренное ухо... Необычайна была его чуткость к разнообразным интонациям человеческой речи [1. С. 182]

Художник старался добиться максимальной приближенности к разговорному языку, используя для этой цели такие средства, как сложный порядок слов в предложении, упрощенную лексику, просторечные формы, множество уточняющих фраз, диалоги, скрытое наличие адресата и эмоциональный стиль повествования: «Перед тем, как изложить на бумаге свои воспоминания, Репин рассказывал их нескольким людям – мне, моей семье и нашим случайным гостям. – причем, говоря о каком-нибудь человеке, воспроизводил его голос, его жесты, его выражение лица...» [Там же. С. 182–183]. К.И. Чуковский был уверен, что мемуары И.Е. Репина были рассчитаны на произнесение вслух.

Перед нами, по сути дела, – прямая речь со всеми ее особенностями. Мы слышим проникновенный, очень эмоциональный рассказ, четко прослеживаются все личностные черты рассказчика. И это напоминает нам о фольклорной традиции. Именно поэтому те издания произведений Репина, которые подвергались большей редактуре, теряли в результате живое звучание, хотя и становились более грамотными, гладкими, но неживыми, не народными и не «варварскими» (под этим словом он понимал истинно национальное, исконное). И.Е. Репин стремился к тому, чтобы это был живой рассказ, в котором сиюминутные чувства, пусть будут неказисто выражены, но эмоционально. Именно благодаря такой «нескладности» и достигался главный результат – доверие к тексту, будто вы слушаете рассказ близкого друга: «Отлично умел он использовать народную речь и на всю жизнь сохранял в своей памяти многие крылатые фразы великорусских и украинских крестьян, подслушанные им еще в детстве, а также во время скитаний по волжским и днепровским деревням <...> Вообще в его статьях превосходный язык – пластичный, свежий, выразительный и самобытный, – язык, не всегда покорный мертвым грамматическим правилам, но всегда живой и богатый оттенками. Это тот язык, который обычно вызывал негодование бездарных редакторов, стремившихся к бездушной, обесцвеченной, полированной речи» [Там же. С. 183–184]

Стоит обратиться к рукописям И.Е. Репина, чтобы выявить те языковые средства, которые были утрачены в более поздних публикациях его очерков, и сравнить их с текстами первых изданий и сохранившимися рукописями автора.

Мы ограничиваем свое исследование рукописным фондом Государственной Третьяковской галереи (ОР ГТГ Оп. 50. Ед. хр. 263–269), в котором хранятся рукописи пяти очерков И.Е. Репина («Смерть отца Серова», «Воспоминания об Италии», «Вальтер Витман», «Царство Смерти» и «Украинское Военное поселение», последний очерк представлен в двух авторских вариантах).

Почерк И.Е. Репина аккуратный и разборчивый. Несмотря на то что художник писал спонтанно, эмоционально, стараясь не терять «свежести» рассказа, все же в текстах заметна тщательная работа автора: шлифовка, причем, направленная именно на привнесение более разговорных черт. В авторской правке наблюдается значительно меньшее сокращение текста в сравнении с добавлением. Причем особенно часто встречаются уточнения, которые, казалось бы, можно опустить, но они явно необходимы автору для расстановки акцентов. Например, следом за фразой *у нас* уточняется – *в России*. К слову *крепостные* добавляется – *люди*. Часто вносятся слова, несущие экспрессивный оттенок, такие, как *самая, вдруг, вот, быстро, только что, так, тут, этот* и тому подобные. Причем, порой вставляются слова, уже использованные

в предложении, то есть повторы, но для автора все же важнее усиление эмоционального воздействия, а не шлифовка стиля.

В сравнении с рукописями, в опубликованных вариантах, помимо исправлений немногочисленных ошибок, часто пропадают репинские многоточия (любимый авторский знак) – они заменяются на точку, тем самым уходит очень важное для автора значение недосказанности и многозначительности фразы. Восклицательные знаки часто заменяются на многоточия и наоборот.

И.Е. Репин строил синтаксически сложные предложения, используя множество уточняющих вводных слов. При подготовке к публикациям авторский синтаксис упрощался и сводился к более стройному, удобочитаемому тексту, но не прямой речи. Причем этот процесс стал заметнее в более поздних публикациях, увидевших свет после кончины автора.

Сравним прижизненное издание очерка «Бурлаки на Волге» 1922 года с последующими публикациями в книге «Далекое близкое» (например, с 9-м изданием 1986 года):

«Особенно я (и это до сих пор осталось во мне) не любил путешествий и всяких экскурсий» [2. С. 5]

«Особенно – это и до сих пор осталось во мне – я не любил путешествий и всяких экскурсий» [3. С. 210]

Оба варианта редактировались К.И. Чуковским, точнее, в девятом издании книги «Далекое близкое» сохранена, как и в остальных изданиях, первая редакция 1937 года. Но заметна разница. Особенно часто в текстах у И.Е. Репина главные члены предложения стояли далеко друг от друга, так как смысл и эмоции для автора были важнее. Далее:

«Так я в 1868 г., работая в академической мастерской ... я почти от зари до зари проводил время в добросовестных этюдах к картине, покидал мастерскую только для сада Академии, где писал этюды на воздухе, да на отдых в квартире, недалеко от Академии художеств...» [2. С. 5].

В «Далеском близком» вместо слова *работая* – *готовясь*, не совсем оправданная замена, на наш взгляд. И вместо *да на отдых в квартире* – и для отдыха на квартире. Подобных правок множество. В результате терялась экспрессивная составляющая его текстов, они становились менее живыми.

Примечательно, что сам же редактор репинских воспоминаний замечал: «...он предпочитал писать “варварски дико”, “по-скифски” и никогда не добивался так называемого “хорошего слога”» [1. С. 184]; «А своим “варварским слогом” он умел выражать такие тонкие мысли и чувства, что ему могли бы порой позавидовать и профессиональные художники слова» [Там же. С. 185].

Нужно отдать должное К.И. Чуковскому, в основном сохранившему и оберегавшему от правок других редакторов неповторимый авторский разговорный стиль И.Е. Репина: «Как будто много было у нас живопис-

цев, которые оставили бы после себя такие жгучие, талантливые книги! Репин в этом отношении единственный (по крайней мере среди художников сего поколения), и больно думать, что он до настоящего времени все еще непризнанный автор» [Там же. С. 199].

Литература

1. *Чуковский К.И.* Репин как писатель // *Чуковский К.И.* Из воспоминаний. М., 1959.
2. *Репин И.Е.* «Воспоминания», «Бурлаки на Волге», 1868–1870. Под ред. К.И. Чуковского. С рисунками автора. Пг., 1922.
3. *Репин И.Е.* Далекое близкое. Под ред. К.И. Чуковского. Изд. 9-е. Л., 1986.

Государственная Третьяковская галерея

Обманщик и обманутый в русской диалектной лексике

© В.С. КУЧКО

В статье рассматриваются лексические и фразеологические единицы, указывающие на обманщика и обманутого, которые существуют в русских народных говорах.

Ключевые слова: обман, обманщик, обманутый, диалект, лексика, фразеология.

Слова и фразеологизмы со значениями обмана («обманывать, врать», «лгун, обманщик», «обман» и др.) занимают существенное место в лексике русских народных говоров, поскольку обозначают важное явление, находящееся на стыке ментальной, поведенческой и этической сфер. В сознании носителей языка существуют представления о типичном субъекте и объекте обмана, которые выражаются как с помощью существительных, так и образованных от них глаголов.

В народном представлении обман может связываться с проявлениями нечеловеческой природы. Субъекту обмана иногда приписываются свой-

ства нечистой силы: пск. *веревочный черт* «об обманщике, сумасброде и т.п.» [1. Вып. 4], костр. *подьяволить* «обмануть» [Там же. Вып. 28]. Мотив подчинения человека нечистой силе в момент обмана присутствует в омск. *на беса посадить* «обмануть» [Там же. Вып. 30], диал. *обувать в чертовы лапти кого* «обманывать кого-л.» [2. С. 352]. Нечистая сила может выступать и объектом обмана, ср. пск. *морочить беса* «обманывать, колдовать» [Там же. С. 39] (очевидно, за этим выражением стоит представление о том, что обманщик настолько ловко врет, что может обмануть даже беса).

Сверхчеловеческая природа субъекта обмана проявляется и в том, что он наделяется колдовскими способностями: астрах. *колдун* «плут, ловкий обманщик» [1. Вып. 14], снис., бурят. *ошаманивать* «по суеверным представлениям, подчинять колдовской силе, околдовывать», «обманывать»: «Поп тут всех ошаманивал, сам ни в черта, ни в бога не верил» [Там же. Вып. 25]. К этому ряду, по-видимому, относится и смол. *обволхвить* «обмануть» [Там же. Вып. 22], где субъектом обмана выступает *волхв* – знахарь или колдун, ср. смол. *идти к волхву* «идти к знахарю или знахарке» [3. Вып. 2], смол. *волхвит* «колдун, знахарь, ворожей» [Там же].

Обманщика, с точки зрения субъекта номинации, могут выдавать некоторые внешние приметы, в частности, особый внешний признак – редкие зубы – отличает лгуна: нижнепечор. *редкозубый (-ая) враль* «человек, имеющий репутацию вруна и не пользующийся доверием» – «Молчи давай, редкозуба враль, кто-но тебе поверит» [4. Т. 2], *зубы редкие* – «кто-нибудь лжет»: «Чё-но ты ему веришь; вишь, каки зубы-ти редки, он все врет» [4. Т. 1]. В славянской народной культуре особенности роста зубов воспринимались как знаки судьбы, приметы, выдающие сущность человека; в верованиях восточных славян редкие зубы, помимо лживости их обладателя, указывали на колдуна [5. Т. 2].

Народное языковое сознание иногда приписывает субъекту обмана определенное личное имя, например: влад. *алёха, алёша* «лгун, хвастун, бахвал» (ср. также *алёшки подпускать* «хвастать, лгать») [1. Вып. 1], ряз. *макар* «лицемер, плут», *смотреть макаром* «лицемерить, притворяться» (ср. ряз. *макарку подпустить* «обманывать, лицемерить, лгать, притворяясь искренним») [Там же. Вып. 17], твер. *дёмка* «обманщик, плут; обманщица, плутовка» [Там же. Вып. 7], яросл., новг. *вакул(а)* «плут, обманщик» [Там же. Вып. 4].

Развитие обманной семантики у данных имен может быть связано как с внутриязыковыми, так и с внеязыковыми (социальными) факторами. Так, имя *Алёша (Алёха)* обладает яркой фоносимволикой, что способствует присвоению его болтуну (слоги *а-лё* нередко используются в звукоизобразительных глаголах со значением «болтать, пустословить»), а следовательно, вруну (по типичной схеме «болтать» → «врать»). Кро-

ме того, это имя коннотативно несет представления о глупом человеке, ср. прост. *алёха сельский* «безнадежный дурак, глупый, невежественный человек», *алёша бесконвойный* «то же» [6. С. 20–21].

Семантические производные от имени *Макар* обозначают людей таких занятий, которые могут быть потенциально опасными с точки зрения обмана, ср. *макар* моск., нижегор. «товариш по откупу», ряз. «тот, кто занимается отхожим промыслом», моск., нижегор., ряз. «целовальник, кабатчик, торговец в питейном заведении» [1. Вып. 17]. Можно предположить, что эти значения «наведены» звуковой ассоциацией имени с обозначением *Макарьевской ярмарки* (это предположение поддерживается и лингвогеографией: «макары» фиксируются в говорах тех территорий, которые поставляли на ярмарку самых активных и многочисленных продавцов).

Имя *Дёмка* появилось среди обозначений обманщиков вследствие притяжения к слову *демон* (см. [7. Т. I]). ср. твер. *демёшка* «сатана, демон», *демёшкины ребята* «нечистые духи, черти», *дёмнины ребята* «то же» [1. Вып. 7].

Имя *Вакула* могло привлекаться в качестве номинации обманщика в результате притяжения данного антропонима к следующим созвучным словам: влад., костр., новг., яросл., твер., ряз., вят. *бакулить* «говорить, разговаривать, болтать», яросл., ряз., тульск. *бакуня* «болтун, краснобай; обманщик, плут, ловкий в разговоре» [1. Вып. 2].

Роль обманщика, являющегося активным деятелем, от которого требуется специфическое физическое и умственное усилие, гораздо чаще, чем роль обманутого, выделяется языком как отдельная – *лжец, врун, мошенник* и др. Что касается объектов обмана, то ими, как свидетельствуют типичные контексты, обыкновенно становятся простодушные, невнимательные, глуповатые люди. Кроме того такая роль может приписываться слепцу (рус. морд. *наводить слепого (слепых) на бревна* «обманывать кого-л.», карел. *слепую бабуику на бревно наводить* «обманывать, лгать») [2. С. 59, 24]; волю (влад. *вола скрутить* «обмануть кого-л.» [1. Вып. 38], ср. разг. *теленки, телок* «о безответном и глуповатом человеке» [8. Т. 15]).

Народным сознанием особо выделяется позиция «антипода» типичного объекта обмана, то есть позиция человека, которого трудно обмануть. Словарные дефиниции, толкующие подобные языковые факты, подчеркивают типичные качества, присущие такому человеку: хитрость, изворотливость и большой жизненный опыт. Таким образом, любой человек, обладающий перечисленными характеристиками, потенциально оказывается тем, кого трудно обмануть (т.е. соответствующие номинации лежат в семантической области, близкой к обманной, но объединяющей более широкие смыслы: хитрости, увертливости, опытности).

Однако язык может акцентировать невозможность обмануть кого-либо, а причины (качества человека) могут предполагаться или прочитываться из контекстов. Как правило, позицию человека, которого трудно обмануть, язык «видит» с точки зрения возможного обманщика, которому не удастся совершить обманное действие. Выявляющую эту позицию структурную формулу можно обозначить как *не обманешь (не обмануть) кого*, где вместо глагола с общей семантикой *обмануть* в каждом конкретном фразеологизме выступает свой частный выразитель обманной семантики. Никак не маркированное местоименное указание на позицию того, кого трудно обмануть, очень редко заменяется номинацией занимающего эту позицию участника ситуации обмана, например: *прост. на кривой не объедеши* «не обманешь, не проведешь, не перехитришь кого-л.» [2. С. 330]; *пск. в торбу не посадиши* шутил. «о человеке, которого трудно провести, обмануть, смутить» – «На меня выгаляют глаза, да меня в торбу не посадишь – понимаю по-эстонски» [9. С. 74]].

Номинация же того, кого трудно обмануть, выявляется во фразеологизмах, рисующих ситуацию предложения воробью соломы или мякины, то есть ненужных (отходных) продуктов, очевидно, вместо зерна: *старого воробья на мякине не обманешь* [10. С. 244; 11. Т. I], где важно указание на старость как причину опытности (ср. *старый конь борозды не портит, старый ворон не мимо каркнет, старая крыса ловушку обходит* [12. Т. I. С. 635]), и усеченный вариант *не проведешь воробья на соломе* «говорится о бывалом, опытном, хитром человеке»: «Не проведешь воробья на соломе, он сам проведет кого хошь»; «Он ему чё-то стал не то говорить; дак он сказал ему: не проведешь воробья на соломе, вы неправду говорите» [4. Т. 2. С. 29].

Варианты выражения (*старого воробья на мякине не проведешь* и др.), славянские и европейские соответствия представлены в подробном анализе В.М. Мокиенко: образ воробья как птицы, сосуществующей с человеком-земледельцем (пользующейся продуктами его труда, неслучайно появление во фразеологизме мякины), встает в ряд образов животных, которые, при указании на старость, характеризуют опытных, бывалых людей (ср., например, рус. *старая лиса*) [13. С. 115–119].

Любопытны случаи трансформации данных фразеологизмов, когда принципиальное для исходного образа приравнивание старости к опытности забывается, и семантика меняется на обратную, ср. новосиб. *провести воробья на соломе* «обмануть» – «Ака, одурил, провел воробья на соломе» [1. Вып. 32]; печор. *провести как воробья на соломе* «обмануть кого-либо» – «Тебя, дурень, провели, как воробья на соломе, а ты, экий увалень, и повелся на них» [4. Т. 2].

Для выделения типичных субъекта и объекта обмана могут использоваться две близкие друг другу словообразовательные модели: 1) «поступить, как тот, на кого указывает производящая основа глагола (т.е.

типичный субъект обмана»: перм., курск., ворон., нижегор., тобол., тул. *обцыганивать* «обманывать, прибегая к хитрости» – «Ходят и всех обцыганивает, обманывает всех, окаянный» [1. Вып. 22], *ошаманивать*, *обволхвить*; 2) «сделать тем, кто указан производящей основой глагола (т.е. типичным объектом)»: забайк. *отетерить* «обмануть» – «Хотел меня отетерить, да ничего не вышло. Сам его отетерил» [Там же. Вып. 24], вят. *обалбесить* «обмануть, поставить кого-либо в дурацкое положение» [Там же. Вып. 21].

Эти модели включают ряд глаголов, образованных от личных имен и выявляющих, как кажется, субъекта или объекта обмана в зависимости от коннотаций каждого конкретного имени в языке: перм. *объерёмить* «обмануть, провести» [Там же. Вып. 22], свердл. *офарафóнить* «надуть, обмануть» [Там же. Вып. 25] < *Фарафон* (форма имени *Ферапонт*), нижегор. *объемелить* «обмануть, провести» [Там же. Вып. 22]. Антропоним *Ерёма* имеет в языке коннотации неудачливого, глупого человека (ср. яросл. *ерёма* «человек, не приспособленный к жизни; неудачник», «глупый человек, простофиля» [14. Т. 4]), принадлежит незадачливому герою русской народной сказки, см. [15. С. 139]; имя *Фарафон* дублирует звукосимволику сходного с ним имени *Фофан* – и, очевидно, может «разделять» его вторичные смыслы (ср. диал. *фóфан* «простак, простофиля, дурак, глупец» [11. Т. 4], карел. *офофóнить* «опозорить, пристыдить» [16. Т. 4]). Имя *Емеля*, напротив, указывает на болтливого, лживого человека, ср. новг., твер., волог., влад., костром. *емеля* «пустослов, пустомеля», «лгун, хвастун»: «Экий ты Емеля, ни одному слову твоему нельзя поверить», выражение *Мели (ври), Емеля, твоя неделя!* [1. Вып. 8] (в данном случае антропоним по созвучию связывается с глаголом *молоть*, обозначающим неумеренное речепорождение, ср. *молоть чепуху, вздор* и т.п.).

Вторая из названных словообразовательных моделей имеет и возвратный вариант: «стать тем, кто указан производящей основой глагола», ср. диал. *отетериться* «стать тетерей, олухом, дураком» [11. Т. 2], пск. *омазу́риться* «стать бесчестным человеком, мошенником» [1. Вып. 23], пск., смол. *ожу́литься* «стать жуликом» [Там же. Вып. 23] и др.

Литература

1. Словарь русских народных говоров. М.–Л., 1965–.
2. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских поговорок. М., 2008.
3. Словарь смоленских говоров. Смоленск, 1974–2005. Вып. 1–11.
4. Фразеологический словарь русских говоров Нижней Печоры / Сост. Н.А. Ставшина. СПб., 2008. Т. 1, 2.
5. Славянские древности: Этнолингвистический словарь. М., 1995–.

6. *Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И.* Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. М., 2005.
7. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 2007.
8. Словарь современного русского литературного языка. М.-Л., 1948–1965.
9. Словарь псковских пословиц и поговорок. СПб., 2001.
10. *Снегирев И.М.* Русские народные пословицы и притчи. М., 1999.
11. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 2006.
12. *Даль В.И.* Пословицы русского народа. СПб., 1879.
13. *Мокиенко В.М.* Почему так говорят? Историко-этимологические очерки по фразеологии. СПб., 2006.
14. Ярославский областной словарь. Ярославль, 1981–1991.
15. *Отин Е.С.* Словарь коннотативных собственных имен. Донецк, 2004.
16. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. СПб., 1994–2005.

Исследование выполнено при поддержке госконтракта 14.740.11.0229 в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (тема «Современная русская деревня в социально- и этнолингвистическом освещении»).

*Екатеринбург
Уральский федеральный университет*

И стар и млад

© Т.В. ГРИДНЕВА,

кандидат филологических наук

В статье рассматриваются фразеологизмы, в которых говорится о возрасте человека. На основе широкого понимания фразеологии анализируются как собственно фразеологизмы, так и пословицы.

Ключевые слова: фразеологизм, пословица, перифраза, фразеологическое значение, компонентный состав.

В наше время интерес к русской фразеологии, отражающей народное представление человека о мире, не ослабевает. Свидетельство тому – постоянно появляющиеся лексикографические издания, систематизирующие фразеологический фонд русского языка.

Во фразеологических словарях русского языка [1 – 8] выделяются единицы, отображающие возрастные характеристики людей; они разнообразны по компонентному составу и общему значению.

Прежде всего обращают на себя внимание структурные компоненты, указывающие на возраст человека, например, числительные – точные показатели возраста: *По-дедовски жить – сто лет прожить!*; не содержат числительных – *Молодой старому не верит*.

Наблюдения показывают, что в структуре единиц первой группы числительные теряют свою основную ссемантическую нумеративную функцию. Возраст, обозначенный в пословицах, порой выглядит как приблизительный ориентир, к которому должен стремиться каждый человек. Так, мужчинам примерно к тридцати годам следовало бы обрести смелость, к сорока – разбогатеть, тогда к пятидесяти он будет считаться мудрым: *Кто в двадцать лет красив, в тридцать смел, в сорок богат, тот в пятьдесят мудр*. Результаты жизненных наблюдений отображены в пословице *В сорок лет бабе век, в сорок пять – баба ягодка опять*. Замечено, что женщины к сорока пяти годам вновь становятся привлекательными.

В структуре фразеологизмов стирающееся значение числительных приравнивается к смыслу слов *рано, поздно, долго* и другим. Например, *В восемнадцать лет жениться, чтоб на тягло садиться* количественно-именное сочетание *восемнадцать лет* обозначает слишком молодой возраст для принятия серьезных решений, в частности, – женитьбы. В настоящее время смысл пословицы оценивается как наставление не

жениться рано, чтобы не осложнять себе жизнь. Заметим, что *тягло* – прямая подать или полная подать за землю; *тяглец* – обложенный податью крестьянин [3. Т. IV]. В данной пословице слово *тягло* символизирует перспективу молодому человеку быть втянутым в результате ранней женитьбы в «повинность платить подать».

В структуре пословицы *Просто живут лет до ста, а хитрецы – до тридцати* точное значение числительных стирается и подчиняется общему смыслу единиц, который заключается в необходимости жить скромно, незамысловато. Именно бесхитростному человеку обеспечено долгожительство, плут же обречен на короткую жизнь. Числительные в сочетании с существительными в данном случае выступают в качестве символов, один из которых (*сто лет*) помогает позитивно оценить бесхитростность, прямолинейность, другой (*тридцать лет*) – выразить негативное отношение к лукавству и лицемерию. Народная мудрость, содержащаяся в пословице, отсылает нас в область геронтологии, которая среди генетических причин долголетия рассматривает образ жизни, режим, нравственные привычки, утверждая при этом, что печать жизненного пути накладывается на периоды старения и старости.

Теряет свое основное значение числительное *три* в структуре сдвинутой *Трех лет Ивана по отчеству звать рано*: трехлетний Иван – это тот молодой человек, который не заслужил еще привилегии называться по отчеству. Своеобразное ироничное предупреждение, содержащееся в пословице, заставляет задуматься о том, что уважение к человеку приходит с годами, почестей нужно добиться.

Итак, числительные в структуре фразеологизмов группы «Возраст», теряя свой основной смысл, несут культурно значимую информацию, выражают положительное или отрицательное отношение к действительности, служат назиданием, предостережением.

В группе анализируемых единиц отмечены компоненты, указывающие на приблизительный возраст человека:

существительные *младенец* – *На младенце Бог греха не спросит; дитя* – *Дитя хоть криво, да отцу-матери мило; дети* – *Дети малы, так спать не дают, вырастут – сам не уснешь; детки* – *Детки за игрушки, а мамы в ссору; молодец* – *Молодец, что Орел, а ума, что у тетерева; девка* – *Девка в колыбельке – приданое в коромышке; девица* – *Сиди, девица, за тремя порогами; юноша* – *Юноше лучше помолчать, нежели глаголить, пусть и красноречиво; дедушка* – *Кого дедушка любит, тому и косточки в руки; дед* – *Каков дед, таков и обед*;

субстантивированные прилагательные *малый* – *Глупый да малый всегда говорят правду; молодая* – *Кто на молодой хочет жениться, тому с холостыми не надобно водиться; старший* – *Старших и в Орде почитают; младший* – *Старший с горбом, младший с долей*.

К этой же группе можно отнести слова, указывающие на возрастной период: *молодость* – *Молодость плечами крепче, старость головою*;

юность – *Юность* – время золотое: ест, и пьет, и спит в покое; *старость* – *Старость* не младость, не видишь, как подкралась.

Установлено также, что компоненты фразеологизмов, указывающих на возраст или возрастной период, дают оценку различным этапам жизни человека, участвуют в раскрытии общего значения единиц. В соответствии с этим выделенные фразеологизмы можно представить в виде следующих подгрупп: *детство, молодость, зрелый возраст*. Единицы каждой подгруппы характеризуются определенным компонентным составом, особыми семантическими свойствами.

Компоненты *дети, детки, дитя, младенец* объединяют «возрастные» фразеологизмы в подгруппу «Детство»: *Дитя не плачет – мать не разумеет*; *У семи нянек дитя без глаза*; *На младенце Бог греха не спросит* и некоторые другие. Общее значение пословиц данной подгруппы разнообразно: они раскрывают беззаветную любовь родителей к своим детям – *Дитя хоть криво, да отцу-матери мило*; трудности в воспитании детей – *Детишек воспитать – не курочек пересчитать*; волнение, которое доставляют дети как в младшем, так и старшем возрасте – *Дети малы, так спать не дают, вырастут – сам не уснешь*. В пословицах говорится о необходимости родительского примера – *Родители трудолюбивы, и дети не ленивы*.

Итак, значение единиц подгруппы «Детство» раскрывает взаимоотношения детей и взрослых, трудности в воспитании ребенка, фиксирует влияние примера взрослого на привычки своего чада и его образ жизни. Объединяет фразеологизмы данной подгруппы тональность тревоги за судьбы детей.

Значительную часть подгруппы «Молодость» составляют перифразы, предназначенные для отрицательной оценки неопытности молодого человека: *Молоко на губах не обсохло* – «кто-либо совсем еще молод и неопытен»; *Молодо-зелено* – «неопытен, неискушен, несведущ в чем-либо, легкомыслен по молодости лет»; *Из молодых да ранний* «не по годам опытный, изворотливый, ловкий и т. п.», а также для обозначения молодости как начала чего-либо – [от] *молодых ногтей* – «смолоду, с раннего детства».

Молодость оценивается как беззаботная пора *Юность – время золотое: ест и пьет, и спит в покое*; а выносливость молодого организма вызывает восхищение – *Пока молод, не страшен ни жар, ни холод*. Утверждается, что внешняя красота не является достоинством человека, главное – красота души: *Молодец красив, да на душу крив*. Отрицательно оценивается разгульный образ жизни молодого человека, а пословица *У нашего молодца нет забавам конца* звучит как призыв остепениться. Важным в жизни молодого человека и девушки считается репутация: *Какая девка, такая о ней припевка*.

В группу «Зрелый возраст» входят перифразы *закат дней; в годах [в летах]* – «пожилой»; *На склоне лет [дней, жизни]* – «в глубокой

старости; *на старости лет* – «в преклонных годах, в преклонном возрасте». В русской фразеологии оцениваются как недостатки, так и достоинства пожилого возраста. Наступает старость, человек физически слабеет: *Придет старость – придет и слабость*. С возрастом у него меняется характер, человек может часто высказывать недовольство, не допускает нравочений: *Старой бабе и на печи ухабы; Старого учить – что мертвого лечить*. Однако с годами к нему приходит жизненный опыт, мудрость, ощущение бодрости духа, о чем говорится в пословицах: *Седая бородушка – золотая головушка; Седина в бороду, ум в голову; Стареет тело, а не душа*.

Для русской фразеологии характерно сравнение людей с животными, например: *Молод был – конем слыл, стар – одер стал*. (*одер* – «плохая кляча» [3. Т. II]); *Стар, что собака, а мал, что щенок*. При характеристике людей преклонного возраста, их поведения берется на вооружение сходство с опытными (старыми) животными – *старая лиса, старый волк, старый ворон, старый воробей* и др. Мудрость, прозорливость, изворотливость немолодого опытного человека раскрывают фразеологизмы со скрытыми сравнениями: *Старую лису хитростям не учат; Старый зверь никогда не дремлет; Старый ворон мимо не каркнет; Старый волк знает толк* и др.

Описанию людей различных возрастов свойственна опосредованность, например, некоторые черты молодого человека сравниваются с характеристиками людей пожилого возраста и наоборот. *Как (словно, точно) девушка румяный (ая); разрумяненный (ая)* – говорят о юноше, молодом мужчине или о женщине зрелого, пожилого возраста, если они стройны и моложавы. Фразеологизм *как (словно, точно)* [малого, маленького] *ребенка* употребляется, когда взрослого, но неопытного и беспомощного человека приходится бесконечно долго уговаривать сделать что-либо, или – *как (словно, точно) за [малым] ребенком*, если за взрослым человеком приходится ухаживать. О молодом человеке, который не соблюдает осанку, сутулится или рассуждает не по возрасту серьезно, говорят: *Как (словно, точно) [стоletний (ая), древний (ая)] старик (старуха)*.

Заслуживают внимания фразеологизмы, представляющие сравнение различных периодов жизни людей, например, молодости и старости. Даже прилив сил в пожилом возрасте характеризуется перифразой *вторая молодость* – «новый прилив физических и духовных сил, подъем творческой энергии в зрелом, пожилом возрасте». В пословицах говорится о скоротечности жизни и неожиданной смене жизненных циклов, например: *Молодость ушла, не простилась, старость пришла, не поздоровалась*.

Русский традиционный опыт фиксирует в пословицах различия в образе жизни людей молодого и пожилого возраста – *Молодость на крыльях, старость на печи*, раскрывает отрицательные стороны жизни, предостерегает от необдуманных поступков, учит, что на склоне

лет человек пожинает плоды совершенного в начале жизненного пути: *Праздная молодость – беспутная старость*.

При сравнении двух возрастов раскрываются их достоинства: *Молодость плечами крепче, старость – головою; Молодость ремённые ремни рвет, старость и на лычке везет*; и недостатки: *Молодость не без глупости, старость не без дурости; Старость забывчива, юность неопытна; И на молодца оплох живет, и на старуху бывает проруха*.

Как видим, фразеологизмы, в которых сопоставляются молодость и старость, прямолинейны, во многих выражается сила пожилого человека, его веселый нрав, недюжинность ума, преимущества жизненного опыта: *И молод, да хил, и стар, да дюж; И стар, да весел, и молод, да угрюм; И стар, да петух, и молод, да протух*.

На фоне большого количества фразеологизмов, в структуре которых компоненты раскрывают точные или приблизительные возрастные характеристики, выделяются единицы, не содержащие таких слов. Фразеологизм лишь описывает ситуацию, из которой можно понять возраст человека – участника определенного действия. К таким единицам относится, к примеру, *Женить бы его [да] не на красной девице, на рябиновой вице*. Очевидно, что речь идет о молодом человеке, который провинился и не достоин женитьбы на порядочной девушке, а заслуживает наказания (*вица* – «розги»).

Мы рассмотрели лишь малую толику фразеологизмов, отображающих возрастные характеристики человека, но даже столь небольшое количество говорит об их разнообразии по компонентному составу и целостному значению.

Литература

1. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. М., 1967.
2. Большой фразеологический словарь русского языка / Отв. ред. В.Н. Телия. 4-е изд. М., 2009.
3. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 2006.
4. *Жуков В.П.* Словарь русских пословиц и поговорок. М., 2000.
5. *Снегирёв И.М.* Словарь русских пословиц и поговорок; Русские в своих пословицах. Н.Новгород, 1996.
6. Русские пословицы и поговорки / Сост. А.И. Соболев. М., 1983.
7. *Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., Николаева Е.К.* Большой словарь русских пословиц. М., 2010.
8. *Даль В.И.* Пословицы русского народа. М., 1957.

Береза в литературно-фольклорной традиции

© А.Е. ЧЕРНОВА

Этнопоэтическая константа «береза на могиле» рассматривается на материале русской поэзии как типический образ фольклорной традиции, связующий миры живых и усопших.

Ключевые слова: этнопоэтическая константа, береза, фольклорная лирика, фольклорный символ, мифопоэтический образ, русская поэзия.

Береза – наряду с дубом и вербой – является одним из наиболее распространенных художественных образов в произведениях русского фольклора. По представлению древних славян, береза приносит счастье, оберегает от зла, связана с душами умерших. Невозможность однозначно истолковать значение этого художественного образа придаст березе таинственность.

Так, крестьяне Дмитровского края «верили, что в ветки березы на Троицу вселяются души умерших родственников. Ср. выражение *в березки собирается* – так говорили в Калужской области об умирающем» [1. С. 157].

Во многих поверьях и обрядах береза символизирует женское начало. Например, «в русских обрядовых приговорах при сватовстве дуб и береза символизировали жениха и невесту: “У тебе, примерно, есть бяреза, а у нас дуб. Не стали б их уместить случать?”» [Там же. С. 161].

Таким образом, с одной стороны, береза непосредственно связана с миром мертвых, а с другой – воплощает женское начало. Два этих значения соединяются в народной внесобрядовой лирике в образе могильной березы. Например, «в балладе о свекрови, отравившей невестку и сына,

постея, что на могиле невестки выросла береза, а на могиле сына – дубочек» [Там же. С. 157].

Художественный образ березы как могильного дерева, связующего миры живых и усопших, получил широкое распространение не только в фольклоре, но и в поэзии. Так, в стихотворении А. Плещеева «Могила труженика» березы произрастают на сельском кладбище:

Все, что ты любил когда-то,
Здесь она соединила,
И без мрамора богато
Убрана твоя могила.

Над тобой цветут сирени
И шумят листья березы,
Каплет с них роса, как слезы.
На могильные ступени
В час, когда ночные тени
От лучей дневных бегут.

В стихотворении Н. Рубцова «Я люблю, когда шумят березы...» дерево растет над могилой матери. Вслушиваясь в мерный шум опадающих листьев, лирический герой испытывает теплое чувство, ему вспоминаются усопшие родители и родная деревня, тронутая осенним холодом. Временные и пространственные границы раздвигаются, шум листьев охватывает не только земной мир, но мистическим образом проникает и в загробный, а в заключительном четверостишье сокровенным признанием звучит обращение лирического героя ко всей Руси:

Русь моя, люблю твои березы!
С первых лет я с ними жил и рос.
Потому и набегают слезы
На глаза, отвыкшие от слез...

Березовый листопад кружится над деревней, где прошло детство лирического героя, кружится, не переставая, и над могилой матери. Прошлое и настоящее соединяются в этом образе, который служит своеобразной линзой, собирающей «различные временные лучи в единый лирический фокус» [2. С. 54]. В этом сущность лирического времени и лирического образа, ведь «...в лирическом образе, этом идеальном ускорителе, минуты или годы, недели или века – все оказывается рядом, в одном мгновении», образуется «сплошное настоящее, <...> “силовые линии” направляются в минувшее и в грядущее, и сама их направленность во многом характеризует ту или иную поэтическую систему» [Там же. С. 40-41].

Важно отметить и существенное различие между фольклорным образом березы и литературным. В народной песне изображение березы возводится к символу девушки, содержит в себе самостоятельное значение, благодаря которому можно без потери смысла упустить одну из параллелей сравнения. Про это писал В.Я. Пропп в работе «Русский героический эпос»: «...образ плачущей девушки может быть сам по себе поэтическим, но может им и не быть. Но если образ плачущей девушки будет заменен образом березы, опустившей ветки к воде, он будет восприниматься поэтически» [3. С. 520]. В русской поэзии образ березы не привязан к образу плачущей девушки, он имеет гораздо более широкое и философское значение.

Русь у Н. Рубцова предстает как страна берез, и такое образное соеденение – Руси и белой березы – свойственно литературно-фольклорной традиции. Например, у С. Есенина по равнинам льется «березовое молоко», а сама Русь – «страна березового ситца».

Сопоставляя образы березы в стихотворениях разных поэтов, мы замечаем типологическое сходство в художественной интерпретации этого дерева. Образ русской березы воспринимается почти одинаково. Шум березовых листьев напоминает еще живущим людям о далекое прошлое, милом сердцу и утерянном; березы прорастают на могилах, утешая усопших, сберегая в тишине их вечный покой.

Такие художественные ситуации повторяются вновь и вновь. И стихотворение Н. Рубцова оказывается вплетенным в национальную традицию. Именно повторяемость, связанная с глубинными ментальными установками народного сознания, расширяет художественный образ – до значения этнопоэтической константы. По определению Т.В. Зуевой, *этнопоэтическая константа* – наиболее объемный термин, «охватывающий все стабильные признаки фольклора того или иного народа, типические образы, композицию произведений, словесные формулы и другие способы речевой стереотипии» [4]. Возникли они в фольклоре вследствие его традиционности и проявляются на разных уровнях, в том числе и на тематическом – как художественный образ, типизирующий действительность. Образ березы как желанного дерева на кладбище – постоянен в фольклоре и в русской литературе, поэтому его можно определить как этнопоэтическую константу.

В стихотворении Н. Рубцова береза растет над могилой матери, словно становясь воплощением его сыновней грусти. А вот в стихотворении Твардовского «Памяти матери» ситуация, когда невозможно посадить и вырастить на могиле родную березу, оборачивается страшным символом национальной трагедии. В основу поэтического сюжета положено реальное событие из жизни родителей Твардовского, Трифона Гордее-

вича и Марии Митрофановны. В годы коллективизации они были раскулачены как зажиточные крестьяне и сосланы в Сибирь. Односельчане не только разобрали их дом, но и сожгли весь хутор (Загорье, Смоленская область), который, несмотря на бедную и болотистую почву, долгие годы возделывали Твардовские.

Что же вспоминается лирической героине Твардовского в далекой Сибири, что снится ей? Кудрявые березы на могильных холмах под деревянными крестами. Знак, «мета вечности» – вот что такое береза, светлое, тонкоствольное дерево родной земли:

...И ей, бывало, виделась во сне
Не столько дом и двор со всеми справами,
А взгорок гот в родимой стороне
С крестами под березами кудрявыми.

Береза «с кладбищенского сельского бугра...» – устойчивый образ в лирике Твардовского.

«Без Березы не мыслю России...», – писал О. Шестинский. В художественном мире его стихотворений вся жизнь русского народа изображается под шелест листьев этого дерева. Березы произрастают и на материнской могиле:

Под березами пели, женили,
Выбирали коней на торгах;
Дорогих матерей хоронили
Так, чтоб были березы в ногах.

Современный поэт Мижал Худа в стихотворении «Тону в незнакомой березовой роще...» сравнивает березу с затепленными свечами, а шелест их ветвей – с плачем над безвременно погибшими.

Есенина сестры – березы России,
как свечи за здравие, теплитесь вы.
О каждом ушедшем безвременно сыне
вы плачете, помня окопы и рвы.

Связь образа березы и солдата, погибшего на войне, – еще одно из распространенных значений этой константы в русской лирике. Так, в стихотворении Н. Заболоцкого «В этой роще березовой...» лирический герой, убитый в бою, остается на века лежать «В этой роще березовой / Вдалеке от страданий и бед, / Где колеблется розовый / Немигающий утренний свет...».

В дерево светлой печали – березку – словно превращается после смерти крестьянская вдова в стихотворении Т. Берегул'евой, и такое превращение приобретает обобщенное мифопоэтическое звучание:

И крестьянские руки большие
Перекрестят тебе на груди,
И опустишься в землю России,
Чтобы тонкой березкой расти...

В стихотворении С. Селивановой береза – залог вечной жизни, встречи родственников в ином мире:

Даты жизни выбиты на камне,
И береза наклонила ветви.
И текут, текут воспоминанья...
До свиданья. На том, горнем, свете.

Итак, береза на кладбище – этнопоэтическая константа, реализуемая в творчестве разных авторов. Поэты, стихи которых мы цитировали в статье, принадлежат разным поколениям, у каждого свой неповторимый творческий путь и свои эстетические открытия, однако образные основы их художественного видения во многом схожи. Это можно объяснить лишь традицией, сложившейся в веках, наличием особого кода национального мышления.

Литература

1. Виноградова Л.Н., Усачева В.В. Береза // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. В 5 т. / Под общей ред. Н. И. Толстого. М., 1995. Т. 1
2. Медриш Д.Н. Литература и фольклорная традиция. Саратов, 1980.
3. Пропп В. Я. Русский героический эпос. М., 1958.
4. Зуева Т.В. Русский фольклор. Словарь-справочник. М., 2002. С. 83.

*Московский педагогический
государственный университет*

Забывтое значение слова *рост*

© М.С. ЛОГИНОВА

Как показывает само название статьи, в ней анализируется история слова *рост*. Уделяется внимание его словообразовательным моделям и сочетаемости.

Ключевые слова: *рост, лексико-семантическая группа, семантическая структура, лексическое значение.*

Хорошо известное слово *рост* в современном русском языке употребляется в четырех значениях: 1) «увеличение организма или отдельных органов в процессе развития», 2) «увеличение в числе, в размерах; усиление», 3) «длина тела человека», 4) «величина, размер кого-, чего-либо» [1]. Например, у Г. Маркова данное слово встречается в первом, наиболее употребительном, значении: «Весна в этом году выдалась ранняя, небывало жаркая и сухая. Днем солнце палило, как летом, и травы остановились в *росте*, а листва на деревьях была скудной и чахлой» [2]. В газете «Симбирский курьер» [3] существительное *рост* встречается в значении «увеличение в числе, размере»: «Лидерами *роста* цен с начала года стали бананы (плюс 61,2 процента), капуста (плюс 40,8 процента), соль (плюс 18 процентов) и сахар (плюс 17,7 процента)».

Слово *рост* частотно употребляется не только в его основных значениях, но и переносных. Можно говорить о духовном, культурном, творческом или умственном *росте*: «Пушкиным восхищались и умнели, восхищаются и умнеют. Наша литература обязана ему своим умственным *ростом*. И этот *рост* был так велик, так быстр, что историческая последовательность в развитии литературы и общественного вкуса была как будто разрушена и связь с прошедшим разорвана», – писал А.Н.Островский в «Застольном слове о Пушкине» [4]. У Шолохова в «Поднятой целине» [5] слово *рост* в другом переносном значении – «со всей очевидностью, серьезностью, во всем объеме»: «С утра до ночи в правлении колхоза и в сельсовете кучился народ. Уже вставала во весь *рост* угроза захвата выходцами колхозных земель».

Но всегда ли у существительного *рост* были только эти значения?

Как указывают этимологические словари И.Я. Черных [6] и М. Фасмера [7], существительное *рост* – праславянского происхождения, появилось в XII веке и было образовано от *orstь, скорее всего, из *ord-to-, родственного латинскому *arduus* «высокий, крутой». Впервые зафиксировано слово *рост* было в 1627 году в «Лексиконе славено-росском и имен толковании» Памвы Берынды [8].

Рассматривая «Материалы для словаря древнерусского языка» [9] и «Словарь русского языка XI–XVII вв.» [10], мы видим, что в древнерусском языке, как и в современном, существительное *рост* было многозначным: 1) «рост, высота», 2) «возраст», 3) «прирост, лихва, процент». В третьем значении слово *рост* встречается в «Жалованной льготной грамоте» 1449 года: «Варити соль на три годы за *росты*» [11]. По данным И.И. Срезневского, существительное *рост* с семантикой «прибыль» впервые было зафиксировано древнерусскими памятниками в XIV веке [9]. И именно в этом значении оно входит в большую лексико-семантическую группу, функционировавшую в древнерусском языке: *лихва, лихое, корысть, прибыток, приклад, рез, прид, прок, барыш, наживок/нажиток, прибыль, спорыня*, а также *рост*.

Г.Е. Кочин в «Материалах для терминологического словаря Древней России» [12] также выделил у существительного *рост* значение «приплаты (прироста), взимаемой с возвращасмою ценностью (орудия производства, скот, хлеб), ссужавшюся на какой-либо срок; процента с капитала». Автор этого словаря указал и другие формы слова *рост*: *рос* и *рось*. И это не случайно. В таком значении существительное *рост* широко употреблялось в деловой письменности XIV–XV веков (грамотах, актах и других памятниках), например: «Се яз Василей Обляз Семенов сын Лодыгин занял есми у Данила у Самарина сто рублев да двадцать рублев московских денег ходячих; по пяти гривен за полтину, от Петрова заговенья до Петрова заговенья на год, а *рос* ми ему давати по розчету, как идет, на пятой шестой» [13].

Существительное *рост* широко употреблялось и в устойчивом словосочетании *водить в ростех* – «отдавать на проценты». В «Актах» 1512 года читаем: «И мне бы у них ту волость и то село купити, да те бы денги мне велети им *водить в людех в ростех*, да те бы *росты* велети мне им давати» [14].

Заметим, что в древнерусском языке употреблялось как существительное *рост*, так и *раст*, которое появилось в XI веке [6]. По данным «Словаря русского языка XI–XVII вв.» [10], *раст* имело следующие значения: 1) «рост, возврат», 2) «рост, лихва, *проценты*», 3) «селезенка», 4) «болезнь селезенки», 5) «название растения», 6) передача греч. «забота, уход». В значении «проценты» данное существительное функционировало в языке до XVI века. В «Списках с рукописи Упыря Лихого 1047 г.» читаем: «Сребра своего в *раст* не въдасть и прибытка не въметь» [15]. Это существительное со значением «лихва» находим и в «Книгах ветхого и нового завета» 1499 года: «Члек же иже есть правдив... сребра своего в *раст* не въдает» [16].

Об активном употреблении данных слов в значении «прибыль» можно судить по большому количеству однокоренных слов, встречающихся в древнерусских памятниках. Например, в XI веке для обозначения «роста, отдачи в рост» использовалось существительное *растовие*: «Праштания длѣжныи и в рабіа свободы и в длѣгы *растовія* въпраштеемых» [17]. Интересно отметить, что в древнерусском языке в значениях «взирать проценты» и «увеличивать проценты на выданную ссуду» выступали глаголы *растити* и *ростити*, которые функционировали в словосочетаниях *растити плод чего-либо* и *деньги растити*. В «Словаре церковно-славянского языка», составленном А.Х. Востоковым, читаем: «Да не *растиши* брату своему *плода* ценнаго и *плода* пищеаго и *плода* всея вещи» [18]. В качестве иллюстрации также можно привести цитату из Новгородских грамот царя Ивана Васильевича 1555–1556 годов: «И тот дси Родивонко да Васко денги давали тому Федору да Степану, и они деи у них денег по кабалам не возмут и *денги растят* сильно, а хотя подержати неши урочные лета» [19].

Наряду с перечисленными словами широко употреблялось и существительное *растоимць*. В XI веке так называли человека, который давал деньги в долг при условии уплаты процентов: «Пияница, хоульника, *растоимьца* и иного всего зѣла» [17]. К XV веку данное слово видоизменяется в *ростоимец* – «лихоимец, ростовщик». Ярким примером послужит «Повесть о посаднике Щиле»: «Архиепископ же... нача разсуждати в себе: Вдав благословение Щилу, а ведый Щила богата суца и *ростоимца*» [20].

В это же время активно используются однокоренные прилагательные: *ростовый* – «накопленный ростом, отдачею под проценты» [9] и *ростовой* – «относящийся к процентной прибыли, процентам за долг» [10].

В «Актах социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в.» находим: «И што в тех селцех и в деревнях на людех мое серебро делное и *ростовое*, и яз то дал все Пр(с)ч(и)стои на Симаново... на поминок свое ид(у)ши (1460 г.)» [21].

В XVII веке появляется еще одно однокоренное слово – *ростовщик* в значении, аналогичном существительному *ростоимец*, «тот, кто дает деньги в долг при условии уплаты процентов». В государственных документах этого периода, а именно в «Актах Холмогорской и Устюжской епархии», читаем: «Имал по меня, поклепав напрасно, из Усолского уезду *ростовщик* Софонко Витезев, твою святителскую грамоту» [22]. Существительное *ростовщик* также можно встретить и в пародиях-сатирах XVII века: «Спаси Боже... ненадобных *ростовщиков* богомерских» [23]. Это слово и сейчас встречается в художественной литературе.

По данным источников древнерусского языка, в его лексическую систему в XVI веке входило слово *резоимство* в значении «взимания процентов на ссуду; ростовщичество». В XVII веке появляется его полный синоним – абстрактное существительное *ростоимство*. Так, в «Стоглаве» читаем: «Божественное писание и миряном *резоимство* възбраняет» [24], а в «Книге глаголемой гречески алфавит» встречаем: «*Резоимство* – *ростоимство*» [25]. Однако к началу XVIII века слово *ростоимство* перестает употребляться.

В начале XX века в обиход входит абстрактное существительное *ростовщичество*, обозначающее «занятие ростовщика; взимание непомерных и незаконных процентов по ссуде». И это вполне закономерно, так как в XVII веке в языке широко использовалось слово *ростовщик*. Ю.С. Сорокин в работе «Развитие словарного состава русского литературного языка в 30-90 гг. XIX в.» пишет о преобладании в тот период книжных слов, существительных отвлеченного значения с суффиксами *-ость*, *-ние*, *-ство* [26]. Автор сообщает, что «ряды синонимических слов, объединенных общим значением, пополнялись вновь образованными словами, призванными уточнить общее понятие с различных существенных его сторон, особо выделить отдельные признаки этого понятия». Впервые *ростовщичество* было зафиксировано в «Большой энциклопедии» под ред. Южакова [27]. Это существительное находим у М. Горького (1912–1916): «Я помню эту “беду”: заботясь о поддержке неудавшихся детей, дедушка стал заниматься *ростовщичеством*, начал тайно принимать вещи в заклад» [28].

Вернемся к ключевому слову *рост*. Как показывают материалы исторических словарей, в XVIII–XIX веках оно продолжает употребляться в значении «свершки, лихва, получаемая заимодавцем от должника при засме денег, хлеба». В «Словаре Академии Российской» 1789–1794 годов в качестве примера приводится цитата из Манифеста 1786 года: «Положив торжественно сию меру законному *росту*» [29]. А В.И. Даль

[30] указывает и на употребление существительного *рост* в поговорках: Больше сроку, больше и *росту* (при займе); То не *рост*, что из горсти в горсть. В XIX веке слово *рост* часто встречается и в других его значениях, например: «увеличение организма или отдельных органов в процессе развития» — «В промежутках совершенной тишины слышен был шорох прошлогодних листьев, шевелившихся от таянья земли и от *росту* трав» [31]; «Ей уже минуло десять лет, но она была мала *ростом* (“длина тела человека”), очень худа, и на вид ей можно было дать лет семь» [32]. А значение «возраст», в котором слово *рост* часто использовалось в древнерусский период развития языка, в XIX веке становится устаревшим: «В стольники берут боярских детей, лет по десяти *ростом*» [18].

Итак, что же произошло с семантической структурой слова *рост* к XX веку? Сохранились ли все его значения? В современном русском языке, как показывает «Словарь русского языка» [33], у данного существительного остаются только следующие значения: «действие и состояние по значению глагола *расти*» и «размеры человека или животного в высоту». Семантика «возраст» вовсе утрачивается к XX веку. А интересующее нас значение «проценты, процентная прибыль, получаемая от дачи денег в долг» дается современными словарями с пометой *устаревшее*, и может встретиться лишь только в языке художественной литературы, например: «Василий поставил усадьбу, да потратился, половину земли пришлось заложить в монастыре. Монахи дали денег под большую *рост* — двадцать копеечек с рубля. А надо было по верстке быть на государевой службе на коне добром, в панцире, с саблею, с пищалью и вести с собой ратников, троих мужиков, на конях же, в тегилях, в саблях, в саадаках... Едва-едва на монастырские деньги поднял он такое вооружение. А жить самому? А дворню прокормить? А *рост* плати монахам?» [34].

Рассмотрев историю конкретного существительного *рост*, мы видим, что одним из важнейших процессов, происходящих в семантической структуре слова, является сокращение его семантического объема. Само слово продолжает функционировать в русском языке, а вышедшие из употребления значения вновь оживают лишь на страницах произведений художественной литературы, когда писателю нужно воссоздать картину прошлых эпох.

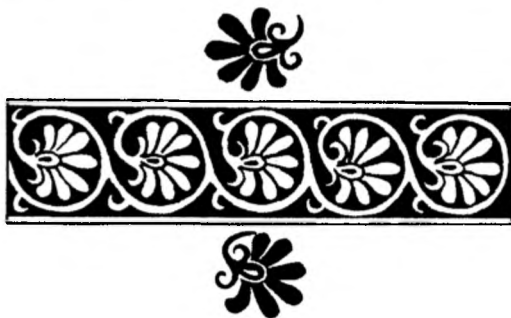
Литература

1. Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. М. – Л., 1948- 1965. Т. 12.
2. Марков Г. Строговы / http://royallib.ru/book/markov_georgiy/strogovi.html.

3. Симбирский курьер / Газета / <http://sim-k.ru/2012/04/10/ceny-nasolili/>, Минаев Д., 10.04.2012.
4. *Островский А.Н.* Собр. соч. В 10 т. М., 1960. Т. 10. С. 149–152.
5. *Шолохов М.А.* Поднятая целина. Петрозаводск, 1981. С. 211.
6. *Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка. М., 1993.
7. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1967. Т. II.
8. *Берында Памва.* Лексикон славено-росский и имен толкование. Киев, 1627.
9. *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1912. Т. 3. С. 172–173.
10. Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1994. Т. 22.
11. Жалованная льготная грамота на Галичскія соляныя варницы Троицкаго Сергіева монастыря 1449 г. Т. I. № 31. XI.
12. *Кочин Г.Е.* Материалы для терминологического словаря Древней России. М.-Л., 1937.
13. *Мейчик Д.М.* Грамоты и другие акты XIV и XV вв. Московского архива Министерства юстиции, их форма, содержание и значение в истории русского права, «Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции». М., 1884. Кн. 4.
14. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Акад. наук. СПб., 1836. 1294–1598. Т. I. С. 125.
15. Списки с рукописи Упыря Лихого 1047 г. Моск. синод. библиотеки и библиотеки Имп. Акад. Наук (Iез. XVIII. 8).
16. Книги ветхого и нового завета, писаные в 1499 г. в Новгороде, при дворе архиеп. Геннадия (Иезек. XVIII, 8) Рукоп. ГИМ, Син., № 915.
17. Изборник Святославов (Съборъ отъ многъ отць), написанный диак. Иоанномъ в 1073 г. СПб., 1880. С. 82, 89.
18. Словарь церковно-славянского языка, составленный А.Х. Востоковым. СПб., 1861.
19. Новгородские грамоты царя Ивана Васильевича (копии) 1555–1556 гг. / Рукоп. СПб. ФИРИ РАН / ф. 2. № 23.
20. *Еремин И.П.* Из истории старинной русской повести. Повесть о посаднике Щиле (исследование и тексты) // Тр. Комис. по древнерусск. лит-ре АН. Л., 1932. С. 123–151.
21. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. М., 1958. Т. 2. С. 354.
22. Акты Холмогорской и Устюжской епархии. Ч. 2 // РИБ. СПб., 1894. 1500–1706. Т. 14. С. 868.
23. *Адрианова-Перетц В.П.* Праздник кабацких ярыжек // Пародия-сатира второй половины XVII века. М.-Л., 1936. С. 67.

24. Стоглав. Изд. 2-с. Казань, 1887. С.31.
25. Книга глаголемая гречески алфавит / Рукоп. БАН, Арх. д. № 446. XVII в. С. 199.
26. *Сорокин Ю.С.* Развитие словарного состава русского литературного языка в 30–90 гг. XIX в. М. – Л., 1965. С. 186.
27. Большая энциклопедия под ред. Южакова. В 22 т. СПб., 1901–1909.
28. *Горький М.* Детство. В людях. Мои университеты. М., 1983. С. 79.
29. Словарь Академии Российской 1789–1794. В 6 т. М., 2001. Т. 5. С. 74.
30. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 2006. Т. IV. С. 76.
31. *Толстой Л.Н.* Анна Каренина. М., 1970. С. 141.
32. *Чехов А.П.* Дом с мезонином: Повести и рассказы. М., 1983. С. 113.
33. Словарь русского языка. В 4 т. Под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1987. Т. III. С.733.
34. *Толстой А.Н.* Петр I. М., 1985. С. 28–29.

*Московский педагогический
государственный университет*

Комфорт и удобство

© Е.А. ЩЕГЛОВА

Автор рассматривает фрагмент истории изменений в значениях слов *комфорт* и *удобство* на примере их употребления в очерках путешествия И.А. Гончарова «Фрегат “Паллада”».

Ключевые слова: история слов, XIX век, литературный язык, значение слова, *комфорт*, *удобство*, И.А. Гончаров, «Фрегат “Паллада”», лексикология, лексикография.

Очевидно, что значение любого слова не остается неизменным на протяжении всей истории его существования в языке. Часто изменения в семантике можно проследить, изучая особенности индивидуально-го употребления слова, особенно в художественной литературе. Так, И.А. Гончаров как автор очерков путешествия «Фрегат “Паллада”» сочетает в себе тонкого художника, выразительно передающего живые впечатления, и наблюдательного очеркиста, фиксирующего изменения в явлениях современной ему действительности. И то, и другое не могло не отразиться в языке его произведения, и особенно в употреблении конкретных слов.

Слово *комфорт* часто встречается в очерках на тех страницах, где описываются англичане и образ их жизни. Явление, выражаемое этим словом, кажется неразрывно связанным с самим понятием о национальном характере жителей Британских островов как у самого Гончарова, так и у его современников: «Я с *комфортом* и безопасно проскакал сквозь ряд португальцев и *англичан* – на Мадере и островах Зеленого Мыса; голландцев, негров, готтентотов и опять *англичан* – на мысе Доброй

Надежды; малайцев, индусов и... *англичан* – в Малайском архипелаге и Китас, наконец, сквозь японцев и американцев – в Японии» (1855–1857) [1. С. 14]; «Теперь Прилуцкий сбирается опять за границу, только еще не решился, куда ехать, потому что он одинаковым образом любит и *английский комфорт*, и парижскую уличную жизнь, и итальянское *far niente*» (1842–1850) [2. С. 185]; «Как необтесанный *foreigner*, вы усвоили себе вредную привычку читать на сон грядущий: отвыкайте от нее в *стране здоровья и комфорта*» (1859) [3. С. 327] и т.п.

В Словаре А.Д. Михельсона (1861 г.) слово *комфорт* поясняется как «вообще, удобство и все, что делает жизнь покойною и приятною» [4. С. 332], а в Словаре В. И. Даля как «удобство, уютство, холя, приволье, домашний покой, удобство и избыток» [5. Т. II. С. 377]. Как можно заметить, слово *удобство* являлось в XIX веке естественным русским синонимом к иностранному по происхождению слову. Оно в свою очередь также используется Гончаровым для описания английского образа жизни, но не просто как русский заместитель. Автор очерков использует его для обозначения той суммы средств (в большинстве своем новейшего изобретения), которые и делают жизнь комфортной. Такое значение слова мы не встретим в толковых словарях XVIII и XIX веков, более того, в XVIII веке нет ни одного подобного его употребления (данные Национального корпуса русского языка и Картотеки «Словаря русского языка XVIII в.»). Сам Гончаров употреблял это отвлеченное существительное во множественном числе для придания ироничного оттенка своим рассуждениям: «Сколько выдумок для этого, сколько потрачено гения изобретательности на машинки, пружинки, таблицы и другие остроумные способы, чтоб человеку было просто и хорошо жить! Если обстановать этими выдумками, машинками, пружинками и таблицами жизнь человека, то можно в *pendant* к вопросу о том, “достовернее ли стала история с тех пор, как размножились ее источники” – поставить вопрос, “удобнее ли стало жить на свете с тех пор, как размножились *удобства*”» [1. С. 60]. Ключевое для этого отрывка слово *удобства* обобщает список предметов комфортной жизни. В ироничной форме автор задаст вопрос: действительно ли становится «просто и хорошо жить» при накоплении всей этой суммы приспособлений.

Подобные примеры употребления слова *удобство* характерны для очерков: «После того, покойный сознанием, что он (англичанин. – Е.Ш.) прожил день по всем *удобствам*, что видел много замечательного, что у него есть джук и паровые цыплята, что он выгодно продал на бирже партию бумажных одеял, а в парламенте — свой голос, он садится обедать и, встав из-за стола не совсем твердо, вешает к шкафу и бюро неотпираемые замки, снимает с себя машинкой сапоги, заводит будильник и ложится спать» [1. С. 61] – вновь оно обобщает список предметов комфортного существования. Любопытно, что в одном списке с паро-

выми цыплятами, неотпираемыми замками и будильником оказывается дюк (герцог): Гончаров попадает в Лондон в дни похорон Артура Уэлсли Веллингтона. Разница между исторической личностью и бытовыми приспособлениями намеренно снимается автором.

Также можно привести примеры ироничного употребления слова *удобство* и в единственном числе: «Чье это, английское или американское *удобство*?» (о вертящемся стуле, показавшемся автору крайне неудобным) [1. С. 415]; «Вот он, *поэтический образ*, в черном фраке, в белом галстуке, обритый, остриженный, с *удобством*, то есть с зонтиком под мышкой...» (под поэтическим образом подразумевается английский купец) [1. С. 61].

Такое «овеществленное» значение слова *удобство* даст возможность интерпретации слова *комфорт* у Гончарова не только как «уют», но и как «совокупности удобств для достижения этого состояния» (два оттенка значения, намеченные в определении А.Д. Михельсона и полноценно отраженные лишь сто лет спустя в академическом «Словаре современного русского литературного языка» [6. Т. 5]). Интересно сравнить с употреблением *комфорт* у И. П. Минаева в очерке «Англичане в Бирме» 1887 г. (речь также идет о колонизаторской деятельности Англии): «...в европейских караван-сараях путешественник находит *комфорт* и все условия цивилизованной жизни. Кругом – дома европейской архитектуры, лавки с привозными, европейскими товарами. На сотни или даже тысячи миль, как в Индии, тянутся усовершенствованные пути сообщения. В самом городе конная или паровая жд., как в Рангуне, связывают окраины с центром; на улицах продаются №№ местных газет на языках туземных и на английском» [7. С. 96].

Подводя некоторые итоги, можно сказать, что *комфорт* у Гончарова – это во многом «совокупность новейших удобств, которые несет миру английская экспансия». Следует отметить, что для определения значения слова очень важным является тот факт, что автор очерков наблюдает за распространением самых передовых для того времени составляющих комфортной жизни в новых для европейской культуры землях. Так неслучайной оказывается близость слова *комфорт* с прилагательными *свежий* и *новый* в следующем отрывке, где речь идет об английской гостинице в Капской колонии в Африке: «Нетрудно догадаться, что хозяева были англичане: мебель *новая*, все *свежо* и везде признаки *комфорта*» [1. С. 177]. Еще более примечательно, что контекстуальным антонимом к слову *комфорт* становится *патриархальность*: «У англичан везде виден *комфорт* или претензия на него, у голландцев – *патриархальность*, проявляющаяся в старинной, почерневшей от времени, но чисто содержимой мебели, особенно в деревянных пугачьих бюро и шкапах с дедовским фарфором, серебром и т. п.» [1. С. 132] (сравниваются английские и голландские гостиницы).

История слова *патриархальность* не только сама по себе представляет интерес для исследования, но может отчасти уточнить значение интересующего нас слова *комфорт*. Оно было образовано от соответствующего прилагательного и стало употребительным в 40-е годы XIX века (данные НКРЯ и Картотеки «Словаря русского языка XVIII в.»). При этом слово не попало в толковые словари XIX века, а в Словаре Ф. Толля дано явно недостаточное его определение: «принимается в смысле простоты нравов» [7. Т. III. С. 41].

Если сделать шаг назад и обратиться к прилагательному *патриархальный* (вероятнее всего, стало употребляться в 90-е гг. XVIII в.), то важным в определении его значения оказываются отнесенность к прежним временам и положительная оценка простых, неиспорченных нравов этих времен. Так, «Словарь русского языка XVIII в.» определяет его как «существовавший в старину, относящийся к давним временам || Такой, как в старину, характерный для давних времен» и приводит следующий пример употребления: «...это была любовь чистая и непорочная; любовь прежних Патриархальных времен, когда юноши без всяких развратных побуждений обнимали невинных девушек...» [9. Т. 18]; у Даля «патриархальные обычаи, простые, кроткие, семейно-домашние» [5. Т. III].

Возвращаясь к цитате из очерков путешествия, можно сказать, что для Гончарова важным в понимании слова *патриархальность* оказывается не отнесенность к старому времени, а приверженность ему, ориентированность на него хозяев голландских гостиниц, выражающаяся в неизменности бытовых деталей: «старинной, почерневшей от времени», немодной мебели, старой посуды. Такой оттенок значения отмечен толковыми словарями уже только XX века [10. Т. III; 6. Т. 9]. В понятиях *комфорт* и *патриархальность* заложено противопоставление двух образов жизни: ориентированного на новое и обращенного к старому.

Употребление слов *удобство* и *комфорт* в очерках путешествия И.А. Гончарова «Фрегат “Паллада”» показывает подвижность значения вообще любого слова (меняется явление – изменяется значение слова, его выражающего), при этом словарная фиксация в большинстве случаев не успевает за реальным использованием лексики. Так в нашем случае остается неясным, когда полноценно сформировались оба оттенка значения слова *комфорт*. Интересные результаты могло бы также дать исследование вопроса, насколько формирование каждого из этих двух оттенков было зависимо от восприятия явления, которое выражается этим словом, как характерной британской национальной черты.

Другая проблема связана с историей появления нового значения у многозначного слова *удобство*, отраженного только в толковой лексикографии XX века [6. Т. 16]. Вероятнее всего, ироничное употребление слова в конкретно-предметном значении в очерках путешествия говорит

о недостаточно узаконенном положении этого значения в языке на момент написания.

Литература

1. Гончаров И.А. Фрегат «Паллада». Очерки путешествия в двух томах // Гончаров И. А. Полн. Собр. соч. и писем. СПб., 1997. Т. 2.
2. Загоскин М.Н. Москва и москвичи // Собр. соч. СПб., 1901. Т. 8.
3. Михайлов М.Л. Собр. соч. В 3 т. М., 1958. Т. 3.
4. Михельсон А.Д. Объяснительный словарь иностранных слов: вошедших в употребление в русский язык с объяснением их корней. М., 1883.
5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.- СПб., 1903.
6. Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. М.-Л., 1948–1965.
7. Минаев И.П. Дневники Путешествия в Индию и Бирму. М., 1955.
8. Настольный словарь для справок по всем отраслям знания (справочный энциклопедический словарь). В 3 т. / Сост. Ф. Толль. СПб., 1863–1864.
9. Словарь русского языка XVIII в. Л.; СПб., 1984–.
10. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. М., 1935–1940.

*Санкт-Петербург,
Институт лингвистических
исследований РАН*

Что такое *латинская кухня*?

© Н.В. СКРЯБИНА

В статье идет речь о широкоупотребительном словосочетании XVIII – начала XX веков *латинская кухня*.

Ключевые слова: аптека, латинская кухня, фармацевтика.

Слово *аптека* известно в русском языке с середины XVI века. В Словаре Академии Российской первого издания оно толкуется как «дом или покой, в котором всякие лекарства содержат, хранят, приготавливают и продают» [1. Т. 1]. Однако у этого заведения есть еще одно малоизвестное в настоящее время, но широкоупотребительное у фармацевтов и врачей XIX–XX веков название – *латинская кухня*. Это устойчивое словосочетание появляется еще в произведениях писателей XVIII века: «Доктора ... из палатки моего господина сделали Латинскую кухню, и заставили меня с одним подлекарем стряпать на их же Латинский манер барину пить и кушанье» (Плавильщиков. Бобыль). В «Словаре русского языка XVIII в.», словосочетание *латинская кухня* толкуется – «об аптеке» и имеет помету *шутл.* [2. Вып. 11]. Примечательно, что в толковых словарях, выходивших на протяжении XIX века, устойчивое сочетание *латинская кухня* отсутствует вовсе. Что касается времени появления этого сочетания, то можно предположить, что употребление слова *кухня* применительно к аптеке возникло еще в те времена, когда эмпирические сведения о болезни и здоровье постепенно складывались в медицинскую науку, а фармакохимия, появившаяся раньше фармации, являлась по скудости материала добавлением к медицине [3. С. 8]. Фармацевт В. Керкеш так описывает состояние фармакохимии в этот период: «Фармакохимия была в то время медицинской кухней, в область которой входило механическое искусство приготовления кашек, настоек, вин, сиропов и т.п. веществ сложных по составу и сомнительных по действию: врач в одно и то же время был и врачом, и медицинским поваром» [Там же].

С периода Средневековья до середины XIX века латинский язык был основным рабочим языком для медиков Западной Европы, а потом и России. Очевидно, оба эти обстоятельства способствовали возникновению устойчивого сочетания на основании метафорического переноса. В XIX – начале XX века словосочетание *латинская кухня* было очень частотным в

записках врачей и фармацевтов: «...скрепя сердце я раздавала различные снадобья нашей латинской кухни, которые я возила с собой в земском ящике» [1888 г. 4. С. 69–70]; «Медицинский Департамент намерен приступить к полному пересмотру действующего аптекарского устава, в интересах дальнейшего удешевления продуктов латинской кухни» [1894 г. 5. С. 30–31]; «Хотя к существующей веками аптеке и применяют эпитеты “латинская кухня” и даже немецкое “Giftmischerbude” (дословно “лавка отравителя”). Перевод нащ. – Н.С.), но всякий, как интеллигент так и простолюдин, знает, что лекарства готовятся в аптеках настоящие и имеет полное доверие к этому учреждению» [1894 г. Там же. С. 35]; «Главным пятном в практике латинской кухни является эксплуатация публики со стороны содержателей аптек» [1894 г. 6. С. 6]; «Но если латинская кухня открывает человеческой алчности широкое и привольное поле, то она же приучает к небрежному труду и недобросовестному взгляду на свою науку» [1894 г. Там же. С. 24–25]; «Правда, пока медицинские знания не сделаются общественным достоянием и пока будет существовать тарбарское наречие и иероглифические значки латинской кухни, совершенно уничтожить аптечные злоупотребления невозможно...» [1903 г. Там же. С. 5]; «Общество и ежедневная пресса с латинской кухней мало знакомы. Им только известно, что аптекарь дерет с живого и мертвого и зарабатывает чуть ли не 1000 процентов» [1908 г. 7. С. 1]; «Экзаменовали меня легко, отнеслись весьма благоразумно; так как, действительно, много ли нужно знать для латинской кухни, и Цезарь тут совершенно лишний, хотя пришлось мне его переводить» [1914. 8. С. 4].

Несмотря на такое активное употребление в текстах мемуарной и публицистической прозы фразеологизм *латинская кухня* фиксируется лишь в середине XX века («Словарем современного русского литературного языка» (БАС): «**Латинская кухня**. Устар. Шутл. Аптека. [Штаб-лекарь:] *Выпишем из латинской кухни порошков целительных*. Горбун. Из моск. захолюстья. *Дань платил аптекам и врачам И злой бессонницей томился по ночам. Я выхлебал до дна латинской кухни кашу*. Вяз. Гр. Д.Н. Блудову» [9. Т. 5]. В конце XX века в популярной справочной книге В.П. Сомова «Словарь редких и забытых слов» также присутствует статья, посвященная фразеологизму *латинская кухня*, однако цитата приводится только из стихотворения П.А. Вяземского «Графу Д.Н. Блудову» [10. С. 247]. Это может быть обусловлено тем, что БАС является одним из источников упомянутого словаря.

Итак, мы видим из приведенных иллюстраций, что толковые словари середины и конца XX века, к сожалению, ограничиваются примерами употребления выражения *латинская кухня* только в XIX веке и как правило, только в одном произведении художественной литературы, что в свою очередь, создает ошибочные представления о низкой частотности употребления данного фразеологизма.

Литература

1. Словарь Академии Российской 1789–1794. М., 2001.
2. Словарь русского языка XVIII в. СПб., 1984–.
3. Керкеш В.Э. К вопросу о фармацевтическом сословии. Киев, 1894.
4. Веретенникова А.И. Записки земского врача. Уфа, 1981.
5. Альтгаузен Э.А. Существенный аптечный вопрос. М., 1894.
6. Лазарев М.И. Темные стороны латинской кухни. Из записок фармацевта. СПб., 1903.
7. Загорский Я. Причины ненормального состояния аптечного дела в России (Материал для Гос. Думы). М., 1908.
8. Лесневская А.Б. По непроторенной дороге (Воспоминания). СПб., 1914.
9. Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. М.-Л., 1948–1965.
10. Сомов М.В. Словарь редких и забытых слов. М., 1996.

Санкт-Петербург
Военно-медицинская академия им. С.М.Кирова

К сведению авторов

Редакция журнала принимает статьи не более 10 страниц с аннотацией и ключевыми словами (размер шрифта 14, через полтора компьютерных интервала). Материал должен быть подан на бумажном и электронном носителях.

Плата за публикацию с авторов не взимается.

Посылать статью со сведениями об авторе следует по адресу: 119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2.

Присланные материалы не возвращаются.

К сведению читателей

Подписка на журнал «Русская речь» (индекс 70788) принимается в отделениях связи.

По вопросам льготной подписки обращайтесь в редакцию, тел.: (495) 695-27-35.

Сведения об авторах можно получить в редакции журнала «Русская речь».
